

18+

Александр Эдуардович
Кваченюк-Борецкий

Русский сценарий для Голливуда

Библиотека приключений.
Том 2

**Александр Эдуардович Кваченюк-
Борецкий**

**Русский сценарий для
Голливуда. Библиотека
приключений. Том 2**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21993170
ISBN 9785448334900*

Аннотация

Геолог Артемьева находит золотое месторождение. Кусок золота, как образец, помещает у себя в кармане. Так она оказывается в тюрьме, где у нее рождается сын... Тюремщики разлучают ее с ребенком. Вскоре после этого ей удастся бежать. Живя в Америке, Артемьева тщетно пытается что-либо узнать о сыне. Хозяин особняка, где она сидела, не торопится раскрыть свои карты, пытаясь, во что бы то ни стало, завладеть тайной Зеленой долины, где хранится золото.

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	10
3	19
4	23
5	27
6	36
7	51
8	59
9	65
10	82
11	89
12	98
13	117
14	128
15	156
Глава вторая	162
1	162
2	173
3	183
4	186
5	190
6	194

**Русский сценарий
для Голливуда
Библиотека
приключений. Том 2**

**Александр Эдуардович
Кваченюк-Борецкий**

© Александр Эдуардович Кваченюк-Борецкий, 2024

ISBN 978-5-4483-3490-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

1

Почти за месяц пребывания в Москве Джек Скотт с удовольствием посетил многие из ее достопримечательностей. Он побывал в «Третьяковской галерее». Его буквально восхитило необозримое многообразие полотен, роскошная колоритность и величавость исторически достоверных образов, художественно правдивых пейзажей. Портреты царей, полководцев, румяных крестьянских барышень и утонченных светских львиц, гениальных ученых, художников и писателей. Лиричность Левитана, неподражаемость Бородина, волшебство и магнетизм Васнецова, выразительность Репина были для него до того очевидны, что, будто бы, во сне он переходил из зала в зал, казалось, навсегда потеряв точное представление о времени. Но в особенности Джека до глубины души потрясли картины о природе. Широта полей, словно сорвав с полотна невидимый занавес, открывала необъятные дали, необыкновенно прозрачные и, вместе с тем таинственные. Их неиссякаемый свет привлекал к себе с неистовой силой. Проливаясь в душу, он, как будто бы, обещал тому, кто, наполняясь до краев восторгом от соприкосновения с прекрасным, становился частью его, все счастье и все бо-

гатства мира!.. И, вместе с тем, не обещал ничего. Он представлялся восхитительной загадкой, которую никогда и никому не дано было разгадать, поскольку эта загадка таила в себе то, что лежало на поверхности земли и рассеивалось в ее атмосфере. По мнению Джека феномен очарования заключался во всём, чем жили и дышали люди этой страны, и, частью чего, являлись сами. И, как все необъяснимое, это казалось сверхъестественным и потому не имело цены! Джек был наверху блаженства. Он смотрел на темный лес, синие реки, извивающиеся ленты дорог, которые исчезали за краем земли, и мысленно следовал по ним. Он не понимал, почему русское искусство возымело над ним такую безраздельную власть. Скотт наслаждался им, и его жажда этого подлинного очарования, настоящего праздника для сердца и глаз, была столь велика, что не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Как потерянный, он бродил то возле «МХАТа», то у «Ленкома», то близ кассы «Малого театра», так как билеты на спектакли были распроданы заранее, в надежде купить у кого-нибудь лишний, заплатив за него две, а то и три цены. На деньги он не скупился, и поэтому двери театров гостеприимно распахивались перед Джеком.

Чаще Скотту доставалась ложа. Но иногда по счастливой случайности попадался и партер. Он плохо понимал русский язык, но то, что происходило на сцене, в значительной мере восполняло незнание многих слов. Собственно говоря, даже не это было главным. Все его внимание, прежде всего,

было сосредоточено на самих актерах, одетых в отменные характерные костюмы. Декорации выглядели так естественно, как будто бы и не являлись ими, а были единым целым с тем великолепием, которое воссоздавали герои на сцене. Но важнее всего Джеку казалось то, что в театре, конечно же, присутствовал в большинстве своем умный и всепонимающий зритель. Молодой человек буквально растворился в театральной среде и, дыша ее воздухом, ощущал себя на чрезвычайном подъеме. Возможно, оттого, что в его жилах тоже текла русская кровь, он, как губка, жадно впитывал в себя все новые и новые впечатления. Джек нуждался в них точно так же, как в почве под ногами и небе над головой, как в отце, матери, братьях, сестрах и любимой девушке. По-видимому, с самого рождения в его душе зияла некая пустота. И не заполнив ее в той мере, в какой требовали этого его пытливый ум и восприимчивое ко всему прекрасному сердце, он никогда не стал бы до конца счастливым. И, какой бы долгий срок судьба не отмерила Джеку, и как бы разумно, с несомненной пользой для себя и других, он не распорядился им, без поездки на Родину своих предков, он всегда ощущал бы себя несправедливо обделенным. Вряд ли, он вполне осознавал свое неукротимое стремление к тому, чтобы, хоть немного, приобщиться к быту и культуре тех, кто были его дедом и прадедом. Но, видимо, их беспокойная кровь не напрасно струилась в его жилах. Она властно требовала своего, и Джек инстинктивно подчинился тем настойчивым

желаниям, которые, едва он очутился там, где давно мечтал побывать, тотчас завладели им целиком и полностью...

В то самое время, как Джек Скотт разгуливал по Москве, полной грудью вдыхая тот самый озон, хмельной дух которого долгое время будоражил его воображение, Джейн Смит благополучно приземлилась в «Шереметьево»... Как и было заранее условлено с гостьей из-за кордона, держа оранжевый кейс в руке, Северков встречал ее, стоя на выходе из здания аэропорта. Сразу же после того, как расстался с депутатом Ковалевым, он отправился в Шереметьево. От него сильно разило спиртным. Но Игорь Максимович ничуть не беспокоился о том, какое впечатление он произведет на Джейн Смит. Северков и соотечественниц не слишком-то жаловал, в том смысле, что всех баб считал круглыми дурами, способными лишь без конца красоваться перед зеркалом да часами трепать языком с близкими подругами. Американку он заранее презирал за то, что она каким-то непонятным образом ввязалась в мужицкое дело. «И, с чего это ей, американке, стало вдруг что-то известно о залежах золота в далекой Сибири? – напрасно задавался вопросом Игорь Максимович. – И, вообще, какое она имела к этому отношение?» Но те, кто руководил операцией, возложили на него важное поручение, и ему лишь оставалось, не ударив в грязь лицом, выполнить его в интересах общего дела, как и полагалось, со всей ответственностью, которой, конечно же, ректору крупного ВУЗа

страны было не занимать.

– Здравствуйте! – на чисто русском языке сказала очень хорошо одетая немолодая, но довольно приятной внешности женщина, протянув Северкову руку.

На вид Игорь Максимович дал бы ей немногим больше сорока лет.

– Хау ду ю ду! – с холодной иронией в голосе ответил он.

Больше за все время совместного путешествия они не обмолвились ни единым словом. Перекочевав из Шереметьево в Домодедово, и, пройдя в зал ожидания, новые знакомые присели на скамейку, чтобы очередным рейсом улететь за тысячи верст от столицы, в город, со всех сторон окруженный мятежным морем тайги.

Джейн Смит краем глаза с чисто женским любопытством наблюдала за Северковым. Но его внешность, поведение и одежда, какую носили миллионы российских граждан, мало, о чем говорили ей. Высокомерный взгляд серых щучьих глаз, полное невнимание к ее особе, почти равнодушие, черный костюм, ослепительно белая рубашка и темный галстук – этого было достаточно, чтобы она почувствовала в Северкове казенного человека. Именно такого, какой олицетворял бы собой игрока из той же команды подпольных бизнесменов, в которой состоял, а, возможно, и возглавлял ее Алекс По. Как ни странно, но только одна несущественная чепуховина в облике спутника совсем немного расположила к нему Джейн Смит. От этого до мозга костей чиновника,

как из винного погреба, несло русской водкой. «Ну и, что ж, тут – плохого! – подумала она. – Человек, тем и отличается от безмозглой куклы, что, иной раз, дает себе слабину! А в России испокон веков всякий мужик время от времени, а какой и беспробудно пьянствовал...»

Аэровокзал кишел пассажирами. Всюду слышалась русская речь. Джейн Смит едва сдерживалась, чтобы не подойти к кому-нибудь из них и не заговорить. С каждой минутой она все меньше чувствовала себя американкой. Джейн посмотрела на непроницаемое лицо совершенно чужого для нее человека, так холодно встретившего ее прибытие в Шереметьево, и вздохнула. Она не знала даже его имени. Это не столько ее огорчало, сколько казалось нелепым, неправильным и несправедливым по отношению к ней. Сорок лет Джейн прожила на чужбине, в полнейшей изоляции от родных и близких людей. Но мучительнее всего было то, что жестокая судьба, казалось, навсегда разлучила ее с сыном. «Где – он? Что – с ним? Жив ли?» – просыпаясь и засыпая, во время бодрствования и бессонной ночи на протяжении многих лет спрашивала себя Джейн. И материнское чутье как будто бы подсказывало ей, что ее сын жив. Иногда страдания женщины становились просто невыносимыми. Она плакала по ночам. А днем бесцельно бродила по огромному дому Фармеров. Ее бледное лицо и бессмысленный взгляд приводили Уилки в отчаяние. Страдания омрачали счастье супругов, но каждый из них страдал по-своему. Джейн – от-

того, что, живя в Америке, всем сердцем рвалась в Россию, туда, где вместе с отнятым у нее сыном осталась кровото-чащая часть этого сердца. Уилки – потому, что огорчалась она. При очередной встрече, когда Любовь Артемьева бежала из лагеря для заключенных, они бросились в объятия друг к другу, еще не зная, что на долгое время лишились самого дорогого для них обоих существа на свете. Как ни странно, эта горькая потеря еще больше сблизила их и крепче самых изощренных пут навеки привязала друг к другу. Из деликатности и ради покоя в семье Фармер никогда не расспрашивал ее о прошлом. И в ответ она благодарно платила ему той же монетой, не затрагивая тему о сыне. Не рассказывая, чтобы тут же не разреветься, о том, какого цвета были его волосы... На кого он больше походил: на отца или мать? Она, также, ни словом не обмолвилась о своей лагерной жизни, некоторые сведения о которой Уилки, в свое время, нечаянно прочитав лишь несколько строк, мог бы почерпнуть из ее дневника. Однако из уважения к возлюбленной не сделал этого. И, слава богу! Наверное, Фармеру сильно не понравилось бы очень многое из того, что Джейн рассказала бы ему, если бы он настойчиво попросил ее об этом. Более того, поскольку Уилки сознательно никогда не ворошил прошлого своей супруги, то практически не знал о ней ничего, конечно же, кроме ее имени, которое произносил на свой манер. По-видимому, он посчитал, что для совместной жизни двух страстно любящих друг друга людей этого было более, чем достаточно. Как ни

старалась, она не выдержала и громко расхохоталась, когда в самый первый раз он назвал ее по имени.

– Да не «Люпа», а «Люба»! – поправила русская Джульетта, своего американского Ромео, давясь смехом.

Но он снова повторил ее имя на собственный лад, с ужасным иностранным акцентом. Почувствовав, что у него ничего не получается, беспомощно развел руками. Лицо Уилки даже слегка помрачнело оттого, что, по его мнению, он оказался не на должной высоте. Более того, Фармер небезосновательно предполагал, что он выглядел полным идиотом в глазах своей зазнобы. Джейн без труда уловила перемену в настроении Уилки, и ей чуточку стало жаль с виду такого сильного, уверенного в себе, и, в то же время, в глубине души очень ранимого человека.

– Тогда скажи: «Любовь»! – со снисходительной улыбкой предложила она.

Новый приступ неудержимого хохота, буквально распирает ее изнутри.

– О, е! – обрадовано согласился Уилки Фармер. – «Лоф»! Итс, ол райт!

– Так-то, оно – лучше! – уже вполне серьезно заметила Джейн, к своему удивлению, заметив хитринку в глазах американского джентльмена.

Играл ли он с ней в незадачливого ухажера, так неуклюже обращаясь с русским языком, или, и в самом деле, терял дар речи от любви к Джейн, произнося ее имя на американ-

ский манер, было не столь важно? Впоследствии он частенько и с особенной нежностью в голосе называл ее только так, и никак иначе. И тогда никто из его близких, друзей и просто знакомых не усматривал в этом ничего особенного. Наверняка, они думали, что Уилки без ума от Джейн, если без конца твердит ей про любовь. И они не ошибались.

Джейн не рассчитывала на особенное гостеприимство на своей бывшей Родине, но та откровенная неприязнь, которую она ощущала на себе, когда Северков искоса посматривал в ее сторону, превосходила самые смелые ожидания Смит. С легкой досадой она думала о том, что Алекс По, если бы, конечно же, захотел этого, прислал бы за ней кого-нибудь полюбезней. И, все-таки, она тут же забывала обо всех неприятностях, связанных с вынужденной командировкой в Россию, когда вспоминала о главной цели своей поездки. По обещал ей встречу с сыном или же на худой конец – точный адрес, по которому он проживал. Вполне естественно, что за подобную услугу Алекс потребовал от Джейн самого активного участия в поисках золота возле Быстрой речки. Ставка была столь высока, что не оставляла в ее душе никакого места для сомнений. Сын, которого у нее отняли много лет назад, а теперь обещали вернуть, до сих пор оставался для нее всем на свете. Если бы все эти годы он был рядом с нею, она не так остро переживала бы разлуку со всем тем, что являлось для нее понятным и привычным с самого рождения. Новая Родина ни в коей мере не воспол-

нила ей непоправимой утраты. И даже рождение Кэролайн не излечило Джейн от страданий, которые, словно не зарубцевавшаяся рана, без конца терзали ее сердце. Она не впадала бы в депрессию, чувствовала бы себя порой не столь ужасно, почти на грани нервного срыва, из-за собственного бессилия и напрасного стремления, сделав собственную жизнь осмысленной, попытаться исправить жестокие ошибки прошлого, а, также, постаралась бы справиться со своим горем, если бы наверняка знала, что бесконечного родного для нее человечка не было в живых. Но, к счастью, от которого на этой земле, не смотря на внешнее благополучие, богатство и роскошь, окружавшие Джейн, ей достались лишь жалкие крохи, все обстояло совсем иначе!.. Это и безмерно радовало ее, и безумно пугало, когда она думала о том, что, наконец, однажды встретит сына. Как-то он отнесется к ней, женщине, оставившей его без материнского тепла и ласки в трехгодовалом возрасте? Конечно же, в этом не имелось ее вины. Но, вряд ли, ему об этом было что-либо известно! Вот и теперь, поудобнее расположившись в кресле воздушного лайнера, вдова золотого магната из Лос-Анджелеса, в тысячный раз представляла себе долгожданную встречу. Но, как бы она не напрягала воображение, сын виделся ей, все тем же, розовощеким мальчуганом, какого у ней много лет назад буквально вырвали из цепких объятий тюремные охранники. «Хотя бы одним глазком взглянуть, какой – он, сейчас?!» – думала Джейн, согретая робкой надеждой

на обещанную По встречу с ее сыном. Она допускала, что вероломный Алекс мог обмануть ее. Это ему ничего не стоило. Добившись своей цели, он без труда отправил бы Джейн во-свояси, как говорят, не солоно хлебавши. Но пол беды, если это было бы так! На всякий случай, перед отъездом из Лос-Анджелеса, Джейн втайне от Кэролайн составила завещание, по которому, если Смит не станет, корпорация «Голд Стар» и примыкавшие к ней компании, а, также, все имущество, унаследованное от Уилки Фармера, без проволочек переходило к дочери. Джейн попрощалась с ней очень сдержанно, сообщив, что ненадолго отправляется по делам.

– Но я, все-таки, твоя дочь и имею право знать, куда ты навострила лыжи?!

Кэролайн недаром подозревала, что у матери появился любовник. В последнее время Джейн выглядела, уж, очень оживленной. Легкий румянец не сходил с ее щек. Она часто смеялась, как ненормальная, хотя особых причин для веселья, как будто бы, не было. И, вообще, вела себя, как модница. Без конца примеривала на себя платья и прочую одежду, которой у ней было видимо-невидимо! При этом, красуясь на собственное отражение в зеркале, тщательно подводи-ла брови, наносила на и без того длинные и темные от природы ресницы тушь, старательно красила губы. Вообще, штукатурилась по полной программе, и при этом со стороны казалась очень счастливой, чем немало удивляла Кэролайн. Казалось, дочь всерьез обиделась на мать за то, что та так

легко и быстро предала память о погибшем отце.

– Видел бы тебя сейчас папа! – как-то, не сдержавшись, процедила она сквозь зубы, метнув в Джейн ненавидящий взгляд.

«Вот и хорошо! – подумала Смит. – По крайней мере, если со мной что-нибудь случится, то горевать об этом будет уже некому. Джейн недостойна, чтобы Кэролайн сожалела о ней, поскольку позабыла об американской дочери ради русского сына. Да и – вообще, кто – она такая, на самом деле?! Марионетка в руках судьбы! Жалкое подобие человека! Его бледная тень!»

После того, как Красногубов побывал в лапах медведя, в него словно бес вселился. Не было ни одного дня, чтобы он не дерзил начальству, требуя прибавки к зарплате. На ком-нибудь из товарищей по работе беспричинно зло свое не срывал. Даже те из геологов, что, прежде, относились к Красногубову с большим уважением, так, как рука об руку с ним не одну версту по тайге отмахали, напрочь отвернулись от него. Это окончательно вывело из себя еще пару месяцев назад, казалось бы, вполне довольного собой и окружающими геолога. Недолго думая, написал Дмитрич заявление на расчет и был таков. Оставшись без работы, дни и ночи напролет он пролеживал дома бока на диване. Это длилось до тех пор, пока Красногубовы не продали все, что у них было в квартире ценного и имело спрос у покупателя, и по уши не влезли в долги. А долг, как известно, платежом красен. Жена Василиса, контролер проходной на местном заводе, зарплаты которой едва хватало, чтобы свести концы с концами, сколько могла, терпела безработного мужа.

– Витя, ты когда на работу устроишься?! – спросила она как-то у супруга. – В доме – шаром покати!

– Не твоего ума – дело! Поняла?! – рывкнул он на нее, не вставая со своего ложа.

– Да, чтоб тебе провалиться на месте! Паразит прокля-

тый! – не выдержала в этот раз всегда спокойная и тихая нравом Василиса.

– Что?! Что ты сказала?!

Скрестив брови у переносицы, как шпаги, Дмитрич медленно поднялся с дивана. Не успела бедная женщина опомниться, как ощутила у себя на горле его дюжую пятерню. Сдавив гортань, он приподнял ее над полом. Болтая ногами в воздухе, и ужасно хрипя, она едва не отдала богу душу... Лишь, когда закатив глаза, она перестала дергаться в конвульсиях, опустив ее на пол, он разжал пальцы...

Примерно через полчаса Василиса пришла в себя. Но после этого случая они не разговаривали месяц кряду.

В очередной раз, получив зарплату, Василиса всю ее раздала на долги. Их было столько, что даже на хлеб ни копейки не осталось. Вновь занять денег больше было просто не у кого. При ее появлении прежние кредиторы в панике шарахались от нее, точно от прокаженной.

Тогда, помимо основной работы Василиса решила устроиться мыть полы в школе, располагавшейся неподалеку от дома. Но, проработав там пару недель, внезапно заболела. Причитавшийся за минувший месяц заработок ей тотчас отсрочили, как и полагалось по закону, до закрытия больничного листа. Что делать дальше, Василиса не знала!.. Когда от голода дети отошали так, что животы подвело и, не скрывая слез, плакали и катались по полу в истерике, нервы ее окончательно сдали. Она взяла бельевую веревку. Один ко-

нец завязала в петлю, другой перекинула через водопроводный кран над сливным бачком, крепившимся под потолком в туалете, и затянула крепким узлом.

– Папка, папка! – вдруг испуганно позвали Дмитрича дети.

– Ну, чо орете, как ненормальные! Без вас тошно! – цыкнул на них глава семейства, собравшийся, было, вздремнуть еще часок-другой.

Враз присмирев, ребяташки замолчали. И Красногубов уснул. Спал он с самого утра и до полудня. Потом, как обычно, поднялся со своего излюбленного ложа. Поужинал, чем бог послал. А, именно, зачерствевшей горбушкой хлеба, которую запил водой из-под крана... И снова отправился на боковую. Пробудившись к вечеру, на этот раз, он увидел, что, тесно прижавшись друг к другу, дети все также смирно сидят, забившись в самый темный угол единственной комнатки, составлявшей основную часть жилплощади Красногубовых. С шумом втянув ноздрями воздух, Дмитрич явственно ощутил резкий запах мочи.

– Эй! – позвал он ребяташек. – Оглохли, што ли!

Дети едва заметно зашевелились в своем углу.

– Папка, а Стасик обмочился! – чуть слышно сказал тот из малышей, что был постарше. – И я больше уже не могу, так сильно в туалет хочется...

– Непра а ав да а! – заревел Стасик то ли от обиды, то ли от страха перед наказанием за то, что штанишки у него были

мокрые. – Это все – Максик... Он меня обмочил!..

– Врешь! – рассердился Максик.

– Нет, не вру я!.. – возразил Стасик. – Сам обманываешь!

Ничего не понимая спросонья, Дмитрич уселся на диване и почесал затылок.

– А, где – мать-то ваша?! – сердито прикрикнул он, раздражаясь все больше на бессмысленный спор между двумя глупыми детьми.

Но малыши, округлив глаза от страха, молча посмотрели на него.

– Ну? – повторил он свой вопрос. – Щас ремень возьму и задницы вам обоим надеру!

Дети жалобно захныкали, утирая ручонками притворные слезы, которые давно уже все выплакали, пока отец спал.

– Да, мамка в туалете заперлась... – наконец, чуть не рыдая, сознался Максик.

– Мы к ней стучались, стучались, а она не открыла а а... – тоненько пропел Стасик, содрогаясь всем своим худеньким и слабым тельцем от спазм, которые перехватывали его дыхание.

Красногубов, словно не веря своим ушам, неожиданно вскочил на ноги и с воплем кинулся в полумрак квартиры.

Бывшие товарищи по работе и даже кто-то из руководителей, под началом которых в свое время трудился Красногубов, присутствовали на похоронах его жены. Они искренне сочувствовали горю Дмитрича. С печальным вздохом пожимали его громадную пятерню. Красногубов охотно принимал их сочувствие. «Как никак, а ребята и деньгами помогли, и на панихиду пришли! – с благодарностью думал он о вчерашних сослуживцах. – Дай им боже всего того же, чего они сами для себя пожелают!» Дмитрич от горя находился, словно в тумане. Он даже не помнил, кто именно, затронув большую для него тему с трудоустройством, во время поминок назвал ему фамилию «Северков», и, когда «все» закончится, рекомендовал его, как человека, который поможет в данном вопросе и даже ссудит деньгами под проценты, если проситель, по его мнению, будет того стоить. Но это не принесло Красногубову облегчения. В его ныншнем от горя сердце словно стопудовая тяжесть осела. А в задурманенном спиртным мозгу навсегда отпечатались лишь жалостливые физиономии сослуживцев да слегка порозовевшие личики Стасика и Максика, которые уплетали за обе щеки все, что было на столе съестного в поминальный день.

– Детишки-то после смерти ихней матери хоть поедят вволю! – тихонько шептались добрые люди, сочувствовавшие

лишившемуся кормилицы семейству. — Да, она, поди, и удавилась-то за ради того, чтобы они с голоду не померли. Почитай, дошли уже до самой, что ни на есть, ручки...

Собеседники, видимо, из приличия тут же умолкали, когда вдруг замечали, что Красногубов смотрит на них ту-по и бессмысленно, весь поглощенный своим безысходным горем. Они боялись, что суть их слишком откровенных и несвоевременных разговоров как-нибудь дойдет и до него. Но Красногубов молча обводил присутствовавших все тем же опустошенным взглядом и снова погружался в собственные невеселые мысли.

Отправив детишек на поруки к своей матери, которая также бедно и сиротливо, как и большинство людей из той местности, проживала где-то за чертой города, Красногубов еще неделю не выходил из дому. Он добросовестно уничтожал целую батарею бутылок со спиртным, которые остались нетронутыми на поминках. Пьянство притупляло сознание и слегка приглушало его боль от потери единственно близкого ему человека. В этом он винил себя, поскольку в последние полгода, как ни старался, не заработал для семьи ни единого гроша. Но откуда ему было знать, что все закончится так горько и нелепо? Но даже если бы и знал? Что он смог бы сделать? Переступив через собственную гордость, униженно кланчить работу у тех, кто лишил его любимого дела? Все равно, это не привело бы ни к чему хорошему. Красногубову не было пути назад. И он прекрасно понимал всю безвыход-

ность своего положения. И, все же, какие бы убедительные доводы не приводил Дмитрич самому себе в свое оправдание, они не избавляли его от внутренних терзаний и мук запоздало пробудившейся в нем совести. Наконец, он распечатал последнюю полулитру. Прилобунившись к ней, прямо из горлышка вызудил всю до капли, и напоследок со всего размаха хватил пустой бутылкой прямо о стену. Бесчисленные осколки битого стекла рассыпались по комнате. Красногубов в совершенном бессилии опустился на диван. Слезы навернулись ему на глаза. Он подумал о том, что, наверное, жена с состраданием смотрит на него сверху и не знает, чем помочь, хотя всем сердцем желает этого!.. И хотя супруги больше не было рядом, Красногубов незримо, словно бы, ощущал ее присутствие! Он нуждался в этом так же, как одинокий путник, бесцельно бредущий по земле, испытывает потребность в пристанище. И, нигде не найдя его, устраивается на ночь там, где придется. А, когда, наконец, усталость, взяв свое, заставляет бездомного скитальца закрыть глаза, он не слышит ни свиста ветра, ни шума дождя, не чувствует холода потому, что ему снится родной очаг. Ему видится, как в печи теплятся угли. Он словно наяву грезит, как пуховая перина, в которую погрузилось тело, обнимает его за плечи. На кухне тикают часы. Сладко посапывают детишки. А рядом чутко дремлет та, которая сделала его жизнь такой счастливой! И он безмерно благодарен ей за это. Ведь, даже во сне, словно часовой на посту, она тут же пробуж-

дается от малейшего шороха. Она – всегда на чеку! И при первой опасности без малейшего колебания и страха готова встать у нее на пути, чтобы, если потребуется, пожертвовать собой, лишь бы уберечь от неминуемой беды детей и мужа.

Северков с самого первого взгляда не понравился Красногубову. Уж, больно скользким показался. Насчет работы ничего конкретного не пообещал. А во время короткой беседы с Красногубовым, то и дело, свербел его пристальным взглядом так, как будто бы между делом внимательно изучал. Что, мол, за фрукт такой и с чем его едят? «Ну-ну! – думал про себя Красногубов. – Смотри, чтоб гляделки не проглядел!» И, хотя вслух Дмитрич ничего лишнего не сказал Северкову, ограничиваясь односложными ответами «да» и «нет» по поводу семейного положения и трудовой биографии, все-таки, решил, что этот ректор не заслуживает доверия. Да и какое ему, собственно, дело до Красногубова?.. Вон он кругом обложился бумажками. Занятой сильно, чтобы о простом человеке заботу проявить. Напоследок Дмитрич оставил Северкову свои координаты и ушел, как говорят, ни с чем. Еще недельку-другую он бесполезно мыкался по разным организациям и предприятиям. Там смотрели на него как на снежного человека, который неизвестно для чего покинул свою пещеру в горах. Огромный рост и могучее телосложение Красногубова вызывали у работодателей невольное уважение, робость и даже страх. Это его раздражало. «Что, я к ним с пистолетом в руках пришел, что ли?! – искренне негодовал Дмитрич. – Чего они от меня, как от чумы, кидаются наутек

в разные стороны?» От голода у него так подвело живот, что под конец плюнул он на все и отправился к матери, на окраину города. «Хоть накормит досыта! – успокаивал себя Красногубов. – К тому же, детишек давно не видел. Жуть как, заскучал по ним...»

Стасик и Максик были родной плотью и кровью Красногубова. Он никогда не забывал об этом. За нарочито грубоватым обращением с детьми тщетно пряталась нежная и искренняя любовь Красногубова к ним. Он очень редко их видел так, как почти всю свою жизнь провел в тайге. Если у него в руках оказывался острый топор, он за считанные минуты валил могучий кедр у края пропасти, чтобы по нему перебраться через нее на другую сторону. В сущности Дмитрич и сам был дитя природы. Он обладал ее силой и мощью. Легко сдвигал с места глыбищу весом в сотни килограммов. Но когда от него требовался такой пустяк, как приголубить Стасика и Максика, он становился досадно неловок и неуклюж. И тогда ласковое поглаживание ладонью по детской головке походило на подзатыльник. Если же Красногубов поочередно прижимал детишек к своей необъятной груди, они дрожали от страха. После подобного проявления чувств родителя хрупкие косточки Стасика и Максика ныли весь последующий день. Дмитрич сильно страдал оттого, что был не таким, как все. Порой ему казалось, что жена никогда не любила его. Если же и любила, то, по его мнению, ее любовь была так ничтожно мала и рахитична, что не затраги-

вала его сердце. Бывало, что Красногубов даже не замечал ее присутствие рядом с собой. Словно Дюймовочка она жила в своей цветочной чаше, покидая ее лишь затем, чтобы накормить домочадцев завтраком, обедом и ужином. Но даже и тогда Дмитрич не обращал на нее почти никакого внимания. Дом и семья были ее стихией. Точнее, искусственным мирком, в котором ему было слишком тесно. Но, часто оказываясь в тайге, где-нибудь за сотни верст от родного очага, Красногубов порой с удивлением замечал за собой, что тоскует по жене и, особенно, по маленьким детям. Ложась на ночь неподалеку от костра, он глядел в бездонное небо, усыпанное звездами, и всегда находил на нем две самые маленькие светящиеся точки, и – еще одну рядом с ними, немногим побольше. Они проливали свой неяркий свет прямо ему в душу, и тогда он засыпал с мыслью о Стасике, Максике и Василисе, которые в тот миг были для него такими же недостижимыми и желанными как те крохотные, едва различимые для глаз планеты. Красногубов не понимал, почему его любовь к детям и жене выражалась именно таким, а не иным способом? Не понимал и не стремился понять. Главное, что она жила в нем и год от года росла и крепла...

Избенка Матрены Гурьевны Красногубовой была еще довольно сносной, в том смысле, что стены не подгнили, а крыша не текла. Огород в пять соток окружал забор из добротного ровного теса. Согнувшись в три погибели, Дмитрич едва протиснулся в дверь и очутился в сенцах. Затем, точно та-

ким же способом, из сенцев ввалился в прихожую, смежную с маленькой уютной кухонькой. Гурьевна колдовала возле раскаленной печи. Заслышав, как хлопнула дверь, обернулась. При виде сына, словно бледный лучик на хмуром небе, подобие радости мелькнуло на ее морщинистом лице и тут же исчезло. Еще мгновение она растерянно смотрела на него, как бы с трудом осознавая тот факт, что перед ней стоял не кто иной, как ее собственный сын. В кухне ароматно пахло щами. Вдыхая этот запах, Красногубов невольно сглотнул слюну.

– Как раз щи подоспели! – вместо приветствия сказала Матрена Гурьевна. – Голодный, небось?

– Угу! – несколько охотнее, чем этого требовали приличия, кивнул Красногубов.

– Ну, так седай за стол, коль пришел! – пригласила хозяйка гостя. – Только руки сперва помой!

С детства он привык к тому, что прекословить матери – себе дороже обойдется. Ее властная натура не терпела чьих-либо возражений, а, тем более, если они исходили из уст собственного чада. Однажды, еще учась в школе, Витя прогулял занятия. Вместе с товарищем вместо нее он отправился в поселковый клуб, сложенный из потемневших от времени брусьев. Там шел какой-то очень интересный фильм. Классная руководительница тут же сообщила строгой родительнице о случившемся. Когда после просмотра кино прогульщик вернулся домой, на улице было еще светло. Недолго думая,

Матрена Гурьевна заперла сына в подполе и продержала там весь оставшийся день и всю ночь. Рано утром она освободила его из заточения и, сунув в руку сверток с завтраком, как ни в чем не бывало, отправила в школу. Витя навсегда запомнил урок и до самого последнего школьного звонка больше ни разу не пропустил без уважительной на то причины ни одного занятия. Дмитрич никогда не упрекал мать за весьма суровое воспитание. Но и не оправдывал ее за чрезмерную жестокость. Он, скорее, уважал ее, чем любил. Долгое время ему казалось, что он вообще ни на какую любовь не способен. И поначалу женился он на Василисе не оттого, что питал к ней какие-то глубокие чувства, а по воле случая...

Был конец осени. Погода стояла скверная. Вначале прошел дождь, затем ударил мороз. Все дороги и тротуары в городе покрылись коркой льда. Поздно вечером Красногубов спешил на электричку, чтобы отправиться в пригород, к себе домой. Экзамены в геологический институт он «успешно» провалил. Теперь ему предстояла служба в армии. Эта мысль мало его беспокоила. Все, чего он хотел от жизни, так это, чтобы у него каждый день на столе был харч. Виктор даже радовался тому, что его вот-вот забреют. По крайней мере, отдавая долг Отчизне, он обеспечит себе ежедневное трехразовое питание за казенный счет... Он вырос и возмужал, и ему больше не хотелось сидеть на шее у матери. Вечером вернувшись с работы, Матрена Гурьевна допоздна буквально не выходила из кухни, чтобы сготовить на зав-

тра обед. Главное, побольше первого. И, хоть, как-то, удовлетворить непомерный аппетит сына. Без второго и третьего вполне можно было обойтись... Но, увы, подать к столу что-либо в соответствии со скромным меню, тоже не всегда удавалось. Зарплата у Красногубовой была никакая. Выручал огород. Тем не менее, сколько бы Виктор не съел, он всегда чувствовал голод. Поэтому все соленья и варенья буквально таяли на глазах еще до окончания затяжной зимы, на которую и припасались. Матрена Гурьевна держала кое-какую живность. Куры давали яйца. Каждую зиму во время лютых холодов она самолично забивала борова или свинью. Часть мяса продавала, чтобы на вырученные деньги на колхозном рынке приобрести молочного поросенка и растить его до следующей круговерти. Увы, живность оказывалась лишь незначительным подспорьем в хозяйстве Красногубовых.

– Опять ты брюхо набиваешь, сынок! – недовольно ворчала Матрена Гурьевна, наблюдая, как сын беспощадно уничтожает все удобоваримое, что имелось в доме. – Да, тебя легче прибить, чем прокормить!

На что Виктор невозмутимо отвечал:

– Ну, так и прибей! За чем же дело стало?

Она вспыхивала до корней волос.

– Не перечь матери, ирод!

Но постепенно решительные складки меж ее бровей разглаживались. Воинственный блеск в глазах погасал. Мгнове-

ние или больше она тепло смотрела на сына, словно любясь им. Наверное, в глубине своей материнской души она гордилась своим чадом. И эта гордость заставляла ее не опускать головы перед трудностями. Ведь родила-то она не какого-нибудь там хлюпика, а настоящего богатыря! Затем взгляд ее вновь становился хмурым и задумчивым. Родить-то родила, а вот прокормить уже не под силу. Ведь, не железная – она, чтобы на себе волочить такого бугая. Пора ему в люди выходить и самостоятельно зарабатывать на пропитание.

Красногубов буквально скользил по тротуару, переваливаясь с ноги на ногу. Мимо него проносились машины. До железнодорожного вокзала оставалось минут двадцать ходьбы. Примерно через такое же время отправлялась электричка. Виктор хотел уже прибавить ходу, как вдруг впереди себя увидел маленькую человеческую фигурку. Она двигалась, при каждом шаге нелепо размахивая руками, и с трудом удерживая равновесие. Красногубов поравнялся с девушкой в тот самый момент, когда стало очевидным, что она вот-вот упадет. Протянув руку, он вовремя подхватил ее за талию. Тщетно ища опору, девушка машинально уцепилась за рукав его пальто. Беспомощно перебирая по поверхности льда ногами, и извиваясь всем телом, она никак не могла обрести желанного равновесия. До тех пор, пока Виктор, сомкнув обе руки за спиной у случайной и едва не распластавшейся прямо на обледеневшем тротуаре прохожей, не сжал ее в своих объятиях. Уткнувшись лицом

в драповый воротник пальто, в которое был облачен ее спаситель, девушка даже не пыталась сопротивляться. Но эта идиллия продолжалась совсем недолго. Наконец, придя в себя, она, словно ужаленная, тут же отпрянула от Виктора. Задрав голову кверху, недоверчиво и пугливо посмотрела прямо в его улыбающееся лицо.

– Послушайте, вы, что себе позволяете?!

Небольшого роста, курносая девчушка походила на взъерошенного воробышка, неожиданно вырвавшегося из умело расставленных силков для ловли птиц. Красногубов растерянно и немного обиженно захлопал ресницами. Несмотря на свой огромный рост и непомерную физическую силу, до поры до времени, в душе он оставался не очень уверенным в себе молодым человеком. В присутствии же девушки Виктор совсем растерялся и не знал, как себя повести. Весь пунцовый от стыда и волнения, он не понимал, чем не угодил этой чересчур чувствительной особе. Вместо благодарности она смотрела на него так, как будто он без спросу залез в ее карман или посягнул на девичью честь.

– Вы – что, не в своем уме?! – снова спросила она, но уже не так решительно, как прежде.

Видя, что Виктор не желал ей ничего дурного, а, скорее, наоборот, она вскоре заметно смягчилась. Девушке вдруг стало неловко оттого, что она так бесцеремонно обошлась с молодым человеком, который по отношению к ней вел себя совершенно по-джентельменски. Она подумала о том, что ее

долг, за добро, отплатить ему той же монетой.

– Василиса! – отбросив условности, с немного виноватой улыбкой неожиданно представилась она, и смело протянула Виктору свою крохотную ладонь для знакомства.

В военкомате долго сомневались, в какие же войска рекомендовать Красногубова? Потом решили, что кроме как в стройбате такому доброму молодцу вряд ли где найдется наиболее подходящее местечко. Виктор никак не вписывался в советские стандарты, какими измеряли пригодность парней для службы в серьезных подразделениях.

– Лучше «мишени» для врага, чем этот призывник, и не придумаешь! – за глаза перемывали косточки Красногубову штабные офицеры.

– А, может, его – в пехоту? – предложил сутулый прапорщик.

Всякому, кто наблюдал его со стороны, он живо напоминал вопросительный знак, который при письме, пренебрегая правилами русского языка, забыли поставить в конце предложения. С тех пор он так и остался не у дел.

– Да он же, как жегдь, на метг из окопа тогчать будет! – резонно заметил лейтенант, которому в свое время уроки логипеда не пошли на пользу.

Загодя определив Красногубова в стройбат, эти штабные подкрепляли свое решение, как им казалось, на редкость убедительными доводами, которые, тут же, высказывали вслух. Непонятно для чего они тратили попусту столько времени на обыкновенного паренька из пригорода. Воз-

можно, его внушительный рост произвел на них несколько большее впечатление, чем они сами того желали, и, невольно поддавшись ему, одетые в униформу люди никак не могли сосредоточиться на своих непосредственных обязанностях, чтобы придти к единому мнению. В отношении роста и прочих физических данных все остальные призывники фактически мало, чем отличались друг от друга и не вызывали никаких сомнений относительно того, куда именно их отфутболить. Тех, что поменьше и средненьких – в танковые. Более рослых – в ракетные и пехоту. Имелись желающие пойти в десантники и моряки. Конечно же, учитывался средний балл школьного аттестата. Бралось во внимание место работы, социальное положение, политическая благонадежность родителей и так далее.

– А, что, если его – в связь? – предложил капитан, который сам почти полтора десятка лет промандолинил в радиолокационных войсках.

– Ну, только в качестве дагмовой силы! – усмехнулся лейтенант. – Кабель тянуть. Ямы гыть под телегхафные опогы...

Эти военные напроць отвергали все, что должным образом не укладывалось в их головах. Безоговорочно верша судьбами молодых людей, они свято верили в то, что имеют на это полное право.

Когда Красногубов получил самое первое письмо от Василисы, он безразлично повертел его в своих огромных ручищах и аккуратно положил в тумбочку, которую делил с со-

седом по койке. Та же участь постигла второе, третье и все последующие теплые послания от едва знакомой девушки. После той нечаянной встречи, когда она решительно протянула ему руку для знакомства, были два свидания. В первое они ходили в кино. Во второе просто гуляли по улицам города. Причем, оба раза место и время встреч назначала Василиса. Возможно, таким образом, она заглаживала свою вину за то, что с самого начала довольно грубо обошлась с Виктором. Он не мешал ее инициативе, поскольку это не было ему неприятно. Виктор не отказывал Василисе во встречах, так, как всегда делал то, что от него требовали или хотели. Деспотичная Матрена Гурьевна воспитала сына чересчур мягким и податливым. Так, что это часто и незаметно переходило в абсолютное безволие, а, может быть, неумение Виктора настоять на своем. Но в армии надоедливые командиры постоянно чем-нибудь досаждали Красногубову. То форма на нем сидит мешковато и в осанке выправки военной не наблюдается, то в строй встает с запозданием, то идет не в ногу с товарищами, когда взвод передвигается по военному городку. Эти бесконечные замечания сделали его немного раздражительным. Но, несмотря на это, он продолжал бы смотреть на все сквозь пальцы, если бы день ото дня не испытывал мучительного голода. Солдатский паек был ему, что слону – дробина. Порой голод казался особенно невыносим. И тогда, словно у хищного зверя, в глазах у Виктора, незаметно для него самого, появлялся голодный блеск. Он едва справлялся

с собой, чтобы сдерживать себя в рамках приличия, и, не дай бог, не выместить недовольство существующим положением вещей на ком-нибудь из своих товарищей. Особенно тех, кто, отслужив большую часть положенного срока, считали это своей привилегией. Как бы то ни было, в «Уставе», который Виктор принимал при вступлении в ряды Советской Армии было написано: «Стойко переносить тяготы и лишения воинской службы...» В отличие от некоторых других он всегда это помнил. Возможно, именно поэтому однажды жизнь устроила ему проверку на прочность его характера. Точнее, сами старослужащие спровоцировали Красногубова на то, чтобы он, как следует, надрал им тощие задницы. Дело дошло до полного безобразия, когда, развлечения ради, они открыто начали издеваться над молодыми солдатами. Причем, выбирали себе жертв среди слабых, тех, кто из страха перед более сильными покорно сносил их оскорбления.

– Зема, а зема?! Ты, почему так... постирал мою робу? – хорохорился перед сослуживцами дед по прозвищу Воркута, напирая всей грудью на тщедушного с виду новобранца по фамилии Иванов.

Звали старослужащего так потому, что он родился и вырос в городе Воркуте. Оттуда же призывался в армию. Под конец ему настолько обрыдла служба, что незадолго до дембеля почти каждую ночь, когда в казарме стояла гробовая тишина, этот солдат вдруг громко вскрикивал во сне одно и то же:

– Мама! Я в Воркуту хочу! Мама...

При этих словах дежурный по роте, стоя на своем посту, пока все спали, едва сдерживался, чтобы не расхохотаться во все горло. Потом он будил напарника, который сменял его на часах. Протирая глаза ото сна, тот первым делом с любопытством спрашивал:

– Ну, как – Воркута? С мамой разговаривал?

– Ага! – с воодушевлением, как будто бы явился свидетелем чего-то чрезвычайно таинственного и необыкновенного, делился впечатлениями со сменщиком, отправлявшийся на отдых дневальный.

Через пару часов ему предстояло продолжить службу... Вновь заступивший на пост с завистью смотрел товарищу вслед. «Надо ж, как не повезло! – в сердцах досадовал он. – Такой прикол ушами проаплодировал! Уж, в следующее дежурство он своего не упустит...»

– Ничего! Может быть, он еще разок отчебучит номер! – сонно зевая, напрасно успокаивал его везунчик.

Воркута, как часы с кукушкой, был пунктуальным и будил ночную казарму лишь однажды, примерно около двух ночи.

– Счас, будет он тебе второй раз у мамы домой проситься! – возражал занявший его место дневальный. – Коль с первого раза не «дембельнулся», то, поди, уже смекнул, что от службы ему никак не отвертеться!

И солдат, сквасив разочарованную мину, всем своим видом выказывал абсолютное неверие в то, что Воркута осчаст-

ливит его, точно, так же, как и постового, который, получив свое сполна, в отличнейшем расположении духа, не спеша, на тот момент укладывался на боковую.

– Знал бы, что так будет, лучше бы вовсе глаз не сомкнул!

В это время Воркута заворочался в постели. Дежурный напрыг свой слух так, что его барабанные перепонки едва не полопались.

– Ну, давай же! Давай! – от нетерпения дневальный едва не подпрыгивал на месте, мысленно обращаясь к спящему Воркуте, как будто бы к говорящему попугаю, который, время от времени, не переставал всех удивлять своими редкими способностями. – Скажи, что к маме хочешь! Дома – хорошо! Мама каждый день пельменями кормить будет!.. И ни тебе – подъема, ни отбоя, ни строевой подготовки!

– Ма а а а... – сквозь сон выдохнул Воркута и вновь захрапел еще громче прежнего.

– Ты слышал?! Слышал?! – восторженным шепотком, чтобы не разбудить спящих товарищей, восклицал дневальный, вызывая к сменщику.

Но, к сожалению, тот, никак не реагировал на это, поскольку, едва его голова коснулась подушки, тут же отключился. Наверняка, он уже видел десятый сон.

Пробудившись рано утром, Воркута подозрительно всматривался в бесстрастные лица дневальных. Он прекрасно знал о своей привычке разговаривать по ночам и, конечно же, стыдился ее и считал скверной. Знал, что из-за это-

го недостатка сослуживцы за глаза подсмеиваются над ним. Поэтому ничего не прочитав на нарочито тупых и непроницаемых физиономиях дневальных, немного успокаивался. Затем подозрение снова закрадывалось ему в душу. И тогда ненависть переполняла его сердце. Не в силах совладать с ней, Воркута вымещал свою злобу на молодых солдатах. Он принуждал их к тому, чтобы они стирали его гимнастерку, чистили сапоги, бегали в солдатский магазин за сигаретами, а иногда и пивом. Отдавали ему часть своего довольствия и заработанных денег. Но поступал он так не столько по вышеуказанной причине, то есть из-за собственных комплексов, которых ужасно конфузился, а, больше, руководствуясь теми неписанными правилами, которые в пору армейской дедовщины, казались служащим в порядке вещей. Своеобразной нормой!.. До поры до времени Воркуте все сходило с рук. Никто не останавливал его, когда он открыто избивал наиболее строптивых новобранцев, которые не признавали авторитетного старослужащего. Это сделало его еще более самоуверенным и наглым.

– Ну, так что, зема?! – продолжал Воркута, хмуро глядя на явно пасовавшего перед ним Иванова.

Это был тот самый дневальный, прошлой ночью сменивший на посту своего товарища.

– Показать тебе, как нужно жмыхать¹ робу?

Старослужащий щелкнул двумя пальцами, и кто-то из его

¹ Жмыхать – полоскать, стирать.

товарищей тут же притащил отлично постиранные китель и штаны. На них не было ни единого пятнышка. Они сияли чистотой, как новые. Отличие состояло лишь в том, что по сравнению с нулевым это обмундирование немного выцвело. По-видимому, оно подвергалось чистке уже не впервой.

– Надень! – приказал Воркута, подавая чистенькую форму Иванову.

Рекрут послушно выполнил требование старослужащего.

– Ну, вот теперь ты на солдата похожий! – с довольным видом ухмыльнулся тот, с головы до пят оглядывая новобранца.

Он протянул Иванову начатую пачку сигарет.

– Кури, не стесняйся!

Присев на краешек кровати, где по-хозяйски развалился Воркута, наивный солдатик прикурил от его спички. От волнения несколько раз подряд он затянулся так глубоко, что раскаленный кончик дымящейся сигареты очень скоро удлинился вдвое больше обычного. Вынув ее изо рта, Иванов аккуратно подул на красный глазок и указательным пальцем стряхнул пепел. Но, как назло, сделал он это не очень аккуратно. Пылающая головка обломилась и упала, но не на пол, а прямо на чистенький китель, в который по требованию Воркуты облачился молоденький солдатик. Словно муху, которая оплошно уселась на пахнувшее мылом и еще чем-то обмундирование, Иванов с размаху прихлопнул ее ладо-

шкой. Это было роковой ошибкой, которая едва не стоила ему жизни. Китель, постиранный в бензине, тут же вспыхнул, как порох!

– Ай, ай! Ой! По мо ги те! – взвыл Иванов, вскочив на ноги.

В мгновение ока вся одежда на нем занялась страшным пламенем. Еще две-три секунды и неосторожный курильщик сгорел бы заживо. Воркута и его товарищи не растерялись. Срывая одеяла с кроватей, они стали набрасывать его поверх Иванова, который, упав на колени, вопил так, как будто с него живого снимали кожу. Понадобилось более двух десятков одеял для того, чтобы пламень вначале пошел на убыль, а затем вовсе угас...

Дымящийся ворох одеял, иные из которых отчасти пришли в негодность, тотчас разгребли, чтобы виновник и жертва чрезвычайного происшествия в солдатской казарме в одном лице под ними не задохнулся... Поскольку было лето, окна распахнули... Затем, словно сговорившись, солдаты обступили со всех сторон Иванова, не зная, что дальше предпринять.

Лежа на полу, пострадавший представлял собой очень жалкое зрелище. Обгорело не только обмундирование, в которое его обрядил Воркута, но все лицо, руки и тело. Солдат, в котором мало что оставалось от человеческого облика, не двигался. Теперь он больше походил на труп. И, если еще не стал им до конца, то это было лишь делом незначи-

тельного отрезка времени. Но на опасных шутников, зашедших в своих проказах дальше положенного, подобная «перспектива» со всеми вытекающими из нее последствиями, казалось, особенного впечатления не производила. Возможно, они до конца решили выдержать марку крутых парней, которым все нипочем, или же не понимали всей серьезности того, что стряслось.

– Вот, как надо, стирать обмундирование! – торжествовал Воркута тыча пальцем на полуживую мумию в обгоревших лохмотьях. – Самая распоследняя прачка делает это лучше, чем вы, салабоны!

Молодые солдаты, ставшие невольными свидетелями жуткой расправы над их товарищем, с ужасом смотрели на Воркуту.

Время было послеобеденное, когда служащим отводился один час на отдых. Красногубов мирно спал на своей койке. Внезапно его разбудил страшный шум, который переполюшил всю казарму. Ничего не понимая, Виктор протер заспанные глаза. Бросив рассеянный взгляд туда, где кучковались Воркута и его приспешники, он увидел на полу неподвижное тело. Оно походило на обугленное полено.

– Что случилось? – спросил Красногубов своего соседа по койке.

Тот испуганно посмотрел на него.

– Ты – что, не видишь?! Воркута доконал Иванова! Чуть заживо его не спалил! В санчасть надо срочно беднягу! А то

окоочурится!

– Так, в чем – проблема?

– Сам бы хотел знать! Мутят они чего-то!.. Наверно, ждут, когда Иванов лапты откинет, чтоб потом на него всю вину за пожар в казарме списать.

– Так надо выяснить!

– Ага, попробуй-ка, сунься туда! Тебя так же, как и Иванова сюрпризом обрадуют или еще как за борзость накажут!.. Без команды Воркуты никто и пальцем не пошевеливает, чтобы помочь бедняге. Всякому собственная шкура дороже, чем чужая!

– Но, ведь, помочь-то надо! У него, как и у нас с тобой, поди, тоже мать есть! Домой ждет!..

– Ты б не связывался с ними, Витек! Чуть раньше или чуть позже они один хрен Иванова в санчасть отволокут. Иначе от командиров по пятое число получают!

Но Красногубов уже поднялся с койки и медленно направился к Воркуте и когорте старослужащих, крепко державшихся своего вожака. Растолкав товарищей, уже успевших тесно обступить неподвижно лежавшего на полу солдата, Виктор молча склонился над ним.

– Иванов! – негромко позвал Виктор.

Но тот не подавал никаких признаков жизни. По всему было видно, что еще совсем немного, и бедняге уже не понадобится ничья помощь.

– Эй, земляк! – прикрикнул кто-то из прихвостней Вор-

куты на Красногубова. – Кто тебя научил совать свой длинный нос, куда не просят? Или тоже кителек постирать хочется? Так, извини, у нас, пока что, стиральный порошок весь вышел! Хорошего – помаленьку!

– Ха-ха-ха! – дружным хохотом поддержали острослова товарищи.

– Что с парнем-то сотворили? – грозно нахмурившись, спросил Виктор, не бращая внимания на издевки отщепенцев.

– Как – это, что?! Ослеп?! Не видишь, у нас тут показ мод происходит?

И все тот же острослов кивнул в сторону старослужащих.

– Это, вот, жури!

Потом он показал на Иванова.

– А, это – топ-модель в обмундировании от Воркуты!

– Ха-ха-ха! – одобрительно захихикали деды.

– Ты нам весь праздник портишь! Как – тебя?! Хотя бы билетик на наше шоу приобрел? У нас здесь публика уважаемая и безобразия не потерпит!

– Да, да!!! Конечно! Правильно!.. – дружно закивали старослужащие. – Пусть билет покажет!

Это означало, что, прежде, чем получить разрешение на доставку Иванова в санчасть, Виктору предлагали, чтобы он снял штаны и выставил свой голый зад для всеобщего обозрения. Превратив, вообще-то, несчастный случай в жестокий и на редкость поучительный акт воспитания молод-

няка в духе беспрекословного, почти рабского, подчинения старослужащим, Воркута и его погодки как будто бы были даже рады тому, что все так обернулось. Ведь Иванов, как ни крути, во всем был виноват сам. И, поделом – ему! Мало того, что он закурил в неположенном месте и при этом очень неосторожно обращался с сигаретой... Из-за него другие едва не подвергли себя опасности!

– Ну, так мы ждем! – настойчиво повторил острослов.

Невольно переключив свое внимание с Иванова на не в меру говорливого подонка, а затем – на улыбавшегося во весь рот старослужащего, который держал в страхе всю роту, Красногубов, выпрямился во весь свой гигантский рост. Сложив пальцы правой руки в фигу, он поднес ее непосредственно к самой физиономии Воркуты.

– А вот – это, ты видел?!

– У-у-у! – одобрительно и вместе с тем восхищенно загудела казарма.

От неожиданности глаза у Воркуты округлились, как у филина. Кровь ударила ему в голову. Никто из военнослужащих не смел обращаться с ним так дерзко. Он отступил на один шаг от Красногубова, нависавшего над ним, как скала. В руке его блеснул нож. Он был острым, как бритва. Воркута заточил его, как раз, на экстренный случай для непредвиденной разборки или в целях самозащиты. Деды окружили Красногубова, и он оказался в кольце воркутинских сообщников. Но, казалось, это ничуть не испугало его. Вик-

тор сжал кулаки, похожие на две пудовые гири и медленно двинулся на Воркуту. Тот, размахивая перед ним опасным, как жало змеи, лезвием, трусливо отступал в угол казармы. В то же время, кольцо вокруг Красногубова сужалось, но никто из дедов не решался на то, чтобы напасть на него первым. Окончательно загнанный в угол, Вокрута дико сверкал глазами и щерился, как шакал. Но отступать ему уже было некуда. Он замер, выжидая удобный момент, чтобы ринуться на противника. Тогда примеру вожака последовали бы остальные деды. Но Воркута почему-то медлил... Внезапно острие его ножа сверкнуло в воздухе!.. Располозовав гимнастерку Красногубова надвое, он, очертя голову, бросился на него... Опередив Воркуту на долю секунды, Виктор коротко замахнулся и молниеносно опустил свой чудовищный кулак прямо на его голову. Острие ножа, лишь едва коснувшись Красногубова, замерло прямо напротив его большого, стучавшего, как молот по гвоздильне², сердца. Воркута, как подкошенный, рухнул к ногам Виктора. Его прихвостни, казалось, приготовившиеся к решительному броску, замерли на месте. Они никак не ожидали подобной развязки событий. Увидев, с какой легкостью этот кроткий с виду новобранец разделался с их свирепым предводителем, они, будто бы ничего особенного не произошло, тотчас молча разбрелись по казарме. Красногубов осторожно поднял на руки Иванова. Сопровождаемый молодыми солдатами, довольны-

² Гвоздильня – наковальня.

ми тем, что Воркута все же получил по заслугам, он, не мешкая, направился в лазарет.

Командир строевой роты старший лейтенант Папахин, побегов до самых корней волос, смотрел на Красногубова испепеляющим взглядом.

– Рядовой!

– Я, товарищ старший лейтенант!

– Йа-а-а! – передразнивая солдата, гнусаво протянул Папахин. – Головка... от морковки! Значит, ты, говоришь, ефрейтору-то Кружилину чуть последние мозги не вышиб? Впрочем, у него их никогда не было. Но, по крайней мере, всегда оставалась хотя бы слабая надежда на то, что со временем появятся. А теперь человек, можно сказать, инвалидом на всю жизнь остался!..

– Так, ведь...

Но лицо офицера задержалось точно от нервного тика.

– Молчать!!! Здесь я – командир!

Старший лейтенант Папахин подошел вплотную к Виктору и, погрозил кулаком перед самым его носом. Красногубов, который примерно на полторы-две головы возвышался над офицером, даже не поморщился. Он равнодушно взирал на него сверху вниз, как могучий исполин на злобного карлика, в силу своей особенной природы выходившего из себя по всякому поводу, а порой и при отсутствии такового.

– Ты меня понял, а?! Я тебя спрашиваю?!

– Никак нет!

– Да, ты!.. Да, ты знаешь, наглая твоя физия, что стоит лишь мне подать на тебя рапорт командиру полка, и ты тотчас окажешься за решеткой?

Папахин был вне себя от ярости. Даже средней величины родинка на его правой щеке из коричневой сделалась черной.

– Рядовой Иванов получил по заслугам! Больных надо лечить, а дураков учить!

Что именно имел в виду Папахин, одному лишь богу было известно. Но Красногубов даже не пытался ему возразить. И, все же, офицеру показалось, что это не так.

– Молчать! – снова пригрозил он, тем самым, давая понять, что всякое слово, сказанное рядовым, обернется лишь против него. – Ну, чего ты от меня хочешь, изверг? Карьеру мне испортить?

От возмущения ноздри Папахина раздулись, брови, взметнулись к основанию козырька офицерской фуражки, словно норовя спрятаться под ней.

– Я?! – с удивлением спросил Виктор так, как будто до сих пор речь шла вовсе не о нем, а о совершенно другом военнослужащем, невесть, как возникшем в воображении Папахина на его месте.

Вероятно, Воркута и его сообщники, выгораживая себя, представили командиру недавние трагические события, происходившие в роте, совсем иначе, а не так, как все случилось

на самом деле.

– Ну, не я же? Жучкин, ты, сын!..

На улице стояла июльская жара, и, видимо, во время уборки форточку в командирской комнате распахнули настежь. В окно виднелся плац. За ним находилась столовая. До обеда оставалось примерно с полчаса. Порыв свежего ветра ворвался в кабинет ротного и донес вкусные запахи из столовой. Красногубов с жадностью втянул в себя аромат борща, жаркого, сладкий дух компота из сухофруктов.

– В последний раз спрашиваю, рядовой!.. Ответь, только – честно! Может быть, ты Кружилина неспроста сковырнул?

Но, видя, что Красногубов не совсем понимает, о чем идет речь и куда клонит его непосредственный начальник, тот пояснил.

– Видишь ли, Воркута был мне хорошим помощником! Он действовал строго по моим указаниям. Страх правит миром!.. И, если солдаты не будут бояться и уважать своих командиров, то они и не станут им беспрекословно подчиняться. Поэтому я вынужден был назначить себе такого помощника, каким являлся ефрейтор Кружилин. Конечно же, один, без моей и поддержки старослужащих, он не справился бы. И мы оказывали ему такую поддержку.

Видимо, с трудом сдерживая скопившееся в нем раздражение, Папахин резко повернулся спиной к Красногубову.

– Солдаты совсем распоясались... И в этом виноват не Кружилин, а ты, Красногубов!.. Ты избавил их не только

от деспота Воркуты, но и от всяких обязательств по службе тоже!.. Поэтому его место должен занять другой!..

Снова в помещение ворвался влажный и удушливый июльский ветер, донося со стороны столовой аппетитные запахи, и Красногубов в предвидении того, что обед – не за горами, жадно сглотнул слюну. Офицер внимательно посмотрел на него. Видя, что этот солдат, напрочь лишен какого бы то ни было честолюбия и властности, Папахин переменял тактику.

– Ну, ладно, Витя, присядь!..

Виктор послушно сел на предложенный ему стул.

– Скажи, тебе нравится служить в Советской Армии?

Чистосердечный солдат на секунду задумался.

– Никак нет, товарищ старший лейтенант!

Папахин презрительно фыркнул.

– Так, ты не любишь свою Родину?!

– Никак нет! Родину я люблю!

– Тогда почему же защищать ее не хочешь?!

Красногубов ощутил, как щеки его загорелись оттого, что Папахин выставил его каким-то дезертиром и предателем.

– Да я, если надо, жизнь за нее отдам!

– Кхе! – усмехнулся офицер. – Почему же дисциплину нарушаешь?! Без дисциплины, сам понимаешь, подразделение будет не боеспособно!

– Я не нарушаю! И потом стройбат – это не линейные войска!

Папахин нервно забарабанил пальцами по столу.

– Так, вон оно – что! Значит, ты служить намеревался в боевом подразделении, а тебя – хлоп и обломили?! К нам сплавляли небо коптить, дерьмо месить и, получая довольствие за казенный счет, большего не спрашивать! Так, что ли, получается?!

– Никак нет!

Офицер встал из-за стола и нервно прошелся по кабинету.

– Что-то никак не пойму я тебя!.. Очень сложный, ты – человек, рядовой Красногубов!..

Папахин чувствовал, что этот солдат был у него, как кость в горле. Но избавиться от него одним росчерком пера он не мог...

– Ладно! Пока что, свободен! После договорим...

И офицер небрежно кивнул на дверь.

Отбыв наказание в десять суток на гауптвахте, где кормежка была еще более скудная, чем обычный солдатский рацион, Красногубов вернулся в свою роту. Находясь в своеобразном заключении на территории полка, Виктор не подозревал, что, на самом деле, его ждала гораздо более суровая участь. И, если бы – не ротный Папахин, который имел весьма влиятельных покровителей в штабе дивизии, то его просто-напросто засадили бы лет на пять за тюремную решетку. Ведь фактически он нанес тяжелое увечье ефрейтору Кружилину. Но за выслугу лет и успехи в строевой службе Папахина представили к очередному званию капитана. Чрезвы-

чайщина испортила бы ему весь праздник. В конце концов, если бы дело дошло до штаба армии, то повышения по службе старшему лейтенанту не видать, как морщин на собственном лбу. Если только в зеркале... Он, как и многие другие офицеры не жаловал солдат сочувствием и, тем более, любовью. И вообще не считал их за людей. Смотрел на них, как на дармовой рабочий скот. В этом смысле все солдаты были для него совершенно равными. И в критической ситуации, тем более, в ущерб собственному продвижению по службе, он никогда бы не предпочел кого-либо из них в назидание остальным. «Почему одна свинья должна сидеть в тюремной клетке по вине другой? – хладнокровно рассуждал Папахин. – Не слишком ли много чести – для таких вот Кружилиных, чтобы ради них суды устраивать?! Да, вся армия по локти в крови! На то она и – армия! Что – ее, за это судить, что ли? Поэтому ни о каком криминале в его роте и речи быть не может! Просто, выясняя отношения, ребята немного повздорили». Такая точка зрения вполне устраивала Папахина. А, значит, придерживаясь ее он, прежде всего, отстаивал собственные интересы. У него не мелькнуло даже тени сомнения, что его карьера при любых самых неблагоприятных обстоятельствах, которые порой сопутствовали его судьбе, все равно, сложится удачно. Офицер хорошо понимал, что испокон веков все люди выясняли отношения между собой. И каждый из них всеми силами пытался доказать, что он – лучше и достойнее своего соперника. И к одному

из них приходил успех лишь потому, что на голову второго сваливалась неудача. Папахин потому и выбрал армейское поприще, что оно давало ему главное преимущество – власть над людьми.

Вслед за одним наказанием Красногубов неизвестно за какие грехи тут же получил новое – наряд на работу в столовой. Он мыл посуду, драил полы, чистил картофель. Его было такое множество, что любому-другому это напрочь отбивало всякое желание браться за кухонный нож. Но Виктору работа пришлась по душе. Ведь теперь, что касалось картофеля, некоторых других овощей и круп, которых на кухню доставлялось всегда в избытке, он ел столько, сколько его душе было угодно. Нужно было только не полениться их приготовить... За первым нарядом Красногубов схлопотал второй, потом третий. Он нарочно грубил товарищам по службе, имевшим более высокое звание и неохотно выполнял их приказы. Имел неряшливый вид. Папахин пользовался всякой возможностью, чтобы Виктор находился в роте, как можно, меньше. Так офицеру было спокойнее. В конце концов, он добился того, чтобы по приказу командира полка Красногубова перевели в хозяйственный взвод на постоянное место службы. От этого оба: и командир, и подчиненный только выиграли. Первый оттого, что избавился от плохого солдата. Второй – от чрезмерно деспотичного военачальника. Виктор получил то, чего хотел. Он теперь не особенно страдал от голода. И до конца службы так раздобрел, что прибавил к сво-

им ста десяти еще килограммов тридцать с гаком. При этом он не выглядел толстым. Просто слегка раздался в плечах. Да, лицо его лоснилось от сытости.

Папахин назначил себе нового помощника на место Кружилина, и тот, используя всевозможные непопулярные методы, добросовестно нагонял страху на солдат. Ведь Папахинская рота претендовала на то, чтобы получить звание отличной в политической, боевой и строевой подготовке. Тем не менее, за два года службы учебные стрельбы из табельного оружия Папахин проводил лишь однажды.

Виктор был дома совершенно один. Мать с утра наладилась к соседке, муж, которой успешно фермерствовал на бывших колхозных полях. У него было два трактора, старенький комбайн, «КамАЗ» с прицепом, свиноферма. Выращивал он картофель и пшеницу. Забивал скот. Плоды своего каторжного труда за полцены продавал городу. Матрена Гурьевна пришла затем, чтобы похвастать перед соседкой, какой у нее геройский сын объявился из армии. Как ладно на нем сидит солдатское обмундирование! На груди висят знаки воинской доблести. А сам-то, орлом смотрит!

– От слышь, Осиповна! Твоему-то Ереме был бы помощник какой! – на все лады расхваливала Матрена Гурьевна своего Витю. – Ну, что, придешь на моего сокола глянуть?! Аль, нет?! Чаи погоняем! А то и чего покрепче сообразим!

– Да, не знаю я, Гурьевна! – прохладно встретила непрощенную гостью важная хозяйка. – Чего, там, смотреть-то? Все из армии приходят, если, конечно, воевать в Чучни не пришлось...

И Осиповна с сомнением посмотрела на Матрену Гурьевну. Та вспыхнула, было, как порох. Досадуя на не особенно радушный прием, она едва сдержалась, чтобы не отплатить хозяйке ее же монетой. Но благоразумие все же взяло верх. Гостья решила, что лучше действовать с умом и хитростью,

чем идти напролом к поставленной цели.

– Мой ничего не сказыват, но я тебе одной по большому секрету доложу!.. Только ты никому – ни-ни! – предупредила Матрена Гурьевна.

Сделав испуганное лицо, и, раскрыв рот от изумления, Осиповна во все глаза уставилась на гостью.

– У него ж, у Вити моего, ранения имеются!

– Да, что ты, соседushка?!

– Вот такой шрамище во всю грудь!

И для наглядности Матрена Гурьевна провела рукой, начиная от собственного подбородка и до самого низу так, что ее рука почти что коснулась пола.

Красногубова не обманывала соседку, поскольку на теле у Виктора и, в самом деле, остался едва заметный след от ножа, которым полоснул его Кружилин. Но рана была такой незначительной, что, скорее, походила на большую царапину и зажила буквально через неделю. Больше всего тогда Виктор переживал за испорченную гимнастерку, так, как во всем полку не нашлось новой, такой, чтобы подходила ему по размеру. Кое-как залатав прежнюю, он так и проходил в ней до самого конца службы. И, лишь демобилизовавшись, облачился в парадную форму без единого изъяна.

– А еще у него ранение – вот сюда!

И Матрена Гурьевна ткнула пальцем в икру правой ноги.

– Пуля навывлет прошла! – продолжала она, с опаской поглядывая по сторонам. – Я, так думаю, раз, мой Витя про

свои боевые подвиги ничего не рассказывают, значит, дело это – большой государственной важности! И никому знать про то не следует...

– Ишо бы! – с готовностью согласилась Осиповна.

По правде сказать, история второго «ранения» Красногубова была на редкость банальна. Как-то полковая медсестра отправилась к выгребной яме, располагавшейся на территории военной части, точнее примерно в двухстах метрах позади ее казарменных и бытовых помещений, чтобы избавиться от мусора: пищевых отходов и грязных бинтов. Она делала это ежедневно, поскольку медсанчасть всегда перенаселяли больные, и горы мусору скапливались в корзинах уже к полудню. На сей раз, оказавшись возле довольно обширной свалки, ничего не подозревавшая медсестра вдруг обнаружила, что находится там не одна. Сперва она отчетливо услышала громкое хрюканье. Приглядевшись, в самой середине груды пищевых отходов, а, точнее, метрах в двадцати от себя неожиданно увидела огромного клыкастого кабана. Яростно разгребая мордой и копытами злчные кучи, он с громким чавканьем пожирал объедки с солдатского стола, картофельную кожуру и прочие весьма аппетитные «деликатесы». Когда, после некоторых колебаний, на свой страх и риск медсестра с мусорным бачком в руках, все ж таки, приблизилась к самому краю выгребной ямы, кабан настоятельно и развернул морду в ту сторону, откуда слышался посторонний шум. Его налитый кровью глаз секунду или

две пристально разглядывал девушку в белом, как мел, халате. Естественная раздражительность и свирепость этого животного, не имея границ, моментально обратилась против возмутительницы его спокойствия, которая сама того не ведая, возбудила в прародителе домашней свиньи необузданные инстинкты. Ни секунды не мешкая, кабан проворно выбрался из выгребной ямы, в том месте, где спуск в нее был пологим, и, с места в карьер галопом пустившись по самой кромке смрадного выгреба³, стал стремительно приближаться к медсестре. Та от страха пронзительно, как будто ее резали по живому, завизжала и с криком: «Помогите!», пустилась наутек, позабыв про бак с мусором. Но, не пробежав и нескольких шагов, она внезапно попала прямо в объятия Красногубова. С ведрами, полными картофельной кожуры, он, не спеша, направлялся к свалке. Виктор едва успел заклонить собой перепуганную до смерти медсестру. Ошалевший кабан, который стремительно мчался ей вслед, с намерением сокрушить все на своем пути, неожиданно заметив новое препятствие, не останавливаясь, с разбегу резанул острым клыком по ноге Красногубова. От возбуждения солдат не почувствовал боли. Потеряв равновесие, и, распластавшись брюхом на земле, он машинально схватил свирепое животное за заднюю конечность. Протащив за собой поверженного врага с полдюжины метров, кабан бешено завертелся на месте. Он прилагал невероятные усилия, чтобы высвобо-

³ Выгреб – яма.

диться из плена. Но пятерня Красногубова, словно железный капкан, захлопнувшись, отказывалась выпустить на свободу опасное животное. Напрасно оно издавало жуткие вопли, нагоняя страху на всю округу. Воспользовавшись моментом, Красногубов привстал на колени. Подтянул к себе яростно сопротивлявшегося кабана и, изловчившись, с такой невероятной силой ударил кулаком по волосатой хребтине, что раздался громкий хруст. Жалобно взвизгнув, кабан свалился замертво.

Медсестра, ничего не понимая, стояла, как вкопанная, на том самом месте, где ее оставил Красногубов, спасая от кабаньих клыков. К выгребной яме, возле которой происходила скоротечная, но впечатляющая схватка человека и дикого животного, уже сбежались солдаты и офицеры. В немом изумлении они разглядывали внушительные желтые клыки лесного жителя, его отвратительную щетину, маленькие злые глазки, в которых навсегда потух безрассудный убийственный огонек. Виктор отказался от услуг санитаров, предлагавших ему носилки. Слегка прихрамывая и опираясь на хрупкое плечико медсестры, он направился в медсанчасть.

Девушка, которую звали Ляля, скоро забыла о том, что еще недавно ее жизнь подвергалась смертельной опасности. Кокетливо улыбаясь, она промыла рану своему спасителю. Обезболив, наложила несколько швов. Смазала какой-то мазью с неприятным специфическим запахом и туго перебин-

товала. Уложила Виктора на кровать в единственной на тот момент пустующей палате для тяжело больных... Поблагодарив медсестру, Красногубов устало закрыл глаза. Лицо его было бледно.

– Тебе – плохо?! – с тревогой спросила она.

Ляля заботливо под села к нему на жесткий солдатский матрац. Маленькой теплой ладошкой легонько коснулась лба. Провела по непокорной вихрастой пряди светлых волос. Потом, склонившись на грудь, поцеловала в губы. Дрожь желания пробежала по ее телу.

– Ты – чего, это? – удивленно спросил Красногубов.

– Ты спас мне жизнь, и я, как бы, у тебя – в неоплатном долгу, – виновато улыбаясь, едва слышно прошептала Ляля.

Она скинула халат, оказавшись в лифчике, едва прикрывавшем ее упругие груди, и, аккуратно, стараясь не потревожить рану солдата, легла рядом с ним на кровать...

Матрена Гурьевна была хотя и необразованной, но очень проникательной женщиной. Она не без основания верила в то, что сын ее – герой. Поэтому, расхваливая Виктора перед Осиповной, она и сама уже уверовала в то, что он непременно воевал где-то в этой самой Чучни, где свистели пули и разрывались снаряды. Матери и в голову не приходило, что ее отпрыск, отдавая долг Отчизне, кашеварил в солдатской кухне. Осиповна также очень легко прониклась тем же возвышенным чувством, которое жило в ее соседке. Сама жизнь русских матерей, полная лишений и стоицизма, была, своего рода, примером для подражания молодому поколению... Если не сказать больше, своеобразным подвигом. Но постоянная нужда стала для этих женщин обычным делом. Держа свои желания и прихоти в жесткой узде, они проявляли редкую самоотверженность, хотя и не понимали, во имя чего она была необходима? И, так ли, уж, необходима вообще? Тем не менее, не задаваясь подобными вопросами, женщины ощущали, как чутко откликаются их сердца на мужество и отвагу собственных сыновей. Как будто бы, открытая всем ветрам сильная и могучая русская душа являлась единственной их ценностью, которую они никогда не разменяли бы ни на какие мирские блага. Героическая тема словно висела в воздухе, которым они дышали, как именно то, ради чего

лишь и стоило жить. О подвигах своих сыновей, служивших в армии, в городе и на селе говорили также обыденно и просто, как, например, о том, что вперед прикупить с ближайшей полочки: изрядно прохудившуюся обувь или заношенную до дыр одежку?.. А, может, что-то — из бытовой техники или мебели? Как будто в этом смысле у простых людей имелся особенный выбор.

Было утро. И Виктор, поднявшись с постели, принялся за завтрак, когда в двери постучали... Когда он распахнул ее, то едва не обомлел от удивления!.. На пороге стояла Василиса! Ни слова не говоря, она бросилась к Виктору на шею. И он снова ощутил то особенное сладостное тепло... Как тогда, в медсанчасти, когда Ляля легла рядом с ним на кровать... А потом... Оно исходило от девичьего дыхания, похожего на дуновение летнего ветерка, и жаждущего ответной ласки трепетного тела. По воле случая полковая медсестра стала самой первой женщиной, которую узнал Красногубов. И теперь, держа в объятиях Василису, он устыдился, что, служа в армии, с большим трудом заставил себя ответить, всего лишь, на одно из ее писем, которыми в течение двух лет она буквально его засыпала. И, примерно, раз, а то и два в месяц аккуратно присылала ему весточки со штампом военно-полевой почты. Впрочем, он и в самом деле совершенно не знал, о чем писать девушке, с которой до службы в армии встречался всего ничего. И, что она в нем нашла? Мужчины побаивались Красногубова за его грубую физическую

силу и ершистый характер. Именно те же качества притягивали к нему женщин. Они видели в нем своего защитника и надежного спутника жизни. Его непомерная физическая сила казалась им именно тем, что отличает настоящего мужчину, рядом с которым море – по колено, от прочих представителей сильного пола. Наверное, поэтому Василиса так уцепилась за Виктора и простила ему равнодушное и довольно продолжительное молчание в ответ на ее строки, дышавшие беспримерной любовью.

Немного растерявшись, Красногубов даже не знал, как ему повести себя с девушкой, с которой он был едва знаком. Дело в том, что он не испытывал к ней никаких особенных чувств. Наверное, кроме благодарности за внимание и любовь. Из того неловкого положения, в котором он оказался, его вызволила Матрена Гурьевна. Вместе с соседкой Осиповой уже под изрядным хмельком они ввалились в дом.

– ...от – мой, сына! Полюбуйся-ка, Осиповна! Орел?!

– Ха-ха! Ну, еще бы! – обрадовалась соседка.

– Вишь, каков!

Она хлопнула сына по плечу.

– Да, он твоему Ереме за плугом пойдет и все поле вспашет!

И трахтур не нужен буде!

– Ха-ха! Ну, ишо бы! Ха-ха... – нервно хохоча, то и дело восклицала Осиповна.

– А, это – кто така?

Матрена Гурьевна только теперь заметила, что ее сын,

неловко переминаясь с ноги на ногу, стоял возле порога не один.

– Я – Василиса! – немного смутившись, с улыбкой ответила девушка.

Хозяйка придирчивым взглядом смирала ее с головы до ног.

– Витя, а ты мне ничо не сказывал про то, шо у тебя невеста есь!..

Красногубов впервые в жизни увидел свою мать навеселе. Заметив его недоуменный и немного укоризненный взгляд, она лукаво подмигнула ему.

– Где наша не пропадала? Давай, Василиса, проходи в дом! Будем на стол накрывать! Мой сынка, из армии вернулся!..

Она вдруг уронила лицо в шершавые ладони, и оно тотчас стало мокрым от нетрезвых, но счастливых слез истосковавшейся по сыну матери.

– Слава богу, целехонек вернулся!

Женщины быстренько застелили стол скатертью. Заставили его всевозможными закусками. Матрена Гурьевна слазила в подпол за бутылью с самогоном.

– Специально для встречи с Витенькой нагнала! – как бы, между прочим, сообщила она, водрузив двухлитровую бутыль с мутной жидкостью посреди овощных салатов, чаш со свиными котлетами и тефтелями с рисом... Для чугунного котелка с вареным картофелем и ломтей духового хлеба

так же нашлось свое место...

– Ну, сынок, налявай!

И Осиповна, взяв пустой граненый стакан, со стуком снова поставила его на стол, но поближе к Виктору, чтобы он наполнил его до краев. Красногубов, не спеша, разлил самогон, не пролив ни капли, но так, что каждому получилось по полной мере. Мутная тягучая жидкость распространяла сильный хмельной дух, от которого щекотало в носу, и брал чих. Приближался полдень, и осенний солнечный луч глянул в окно. Он осветил лица людей, и, преломившись в бутылки с самогоном, заискрился сотнями огней.

– За тебя, сынок! – торжественно провозгласила Осиповна. – За твою святу кровь, которой ты не пожалел для Родины!

Гостья встала из-за стола и залпом осушила свой стакан. Из вежливости ее примеру последовали остальные. Снова усевшись поудобнее, они принялись сперва за салаты... Но вскоре очередь дошла и до прочей снеди... Выпивка заметно оживило застолье. Женщины заговорили о хозяйстве, о том, как тяжело приходится с комбикормами, и что содержать на подворье скотину не стало никаких сил.

– Ну, тебе-то, Осиповна, грех жаловаться! – нарочно похваливала Матрена Гурьевна свою соседку. – Твой Ерема вона, как в гору попер!

– Да, что мы все – про свиней, да кур!

И нетерпеливая фермерша с любопытством посмотрела

на Виктора.

– Пусть твой сокол лучшее про себя расскажет?

– А – что, рассказывать-то?

Красногубов равнодушно пожал плечами.

– Ну, например, про свои ранения?

Но солдат лишь недоуменно развел огромными руками.

– Да, нечего рассказывать!

– Как, так – нечего? – не унималась гостья. – Если это – государственна тайна, так и не сказывай! Я не обижусь!

Виктор наполнил стаканы в который раз.

– А давайте выпьем за встречу! – неожиданно предложила Василиса.

– И – то, верно! – поддержала Матрена Гурьевна новый тост.

Но уже изрядно захмелевшая Осиповна сделала протестующий жест рукой.

– Не хочу за встречу! – категорически возразила она. – Я буду пить за наших погибших сыновей!

Все снова поднялись из-за стола.

– А – котлеты?! – напомнила Матрена Гурьевна своим гостям, после того, как было покончено с тефтелями. – Ешьте, а то совсем простынут! – И про картошечку не забудьте!

Впервые за долгое время она с умилением, сквозь которое, все ж таки, нет-нет да проглядывала некоторая тревога, тарасилась на сына. Уж, кому-кому, а ему напоминать о еде – все равно, что хохлушке подсказывать, чтоб семечек

налушила.

Очень скоро пиршество благополучно завершилось, и Виктор вначале под руку препроводил до дому набравшуюся вусмерть Осиповну, затем вместе с Василисой, не торопясь, отправился на железнодорожную станцию, откуда на электричке она должна была отправиться в город. На прощанье девушка без стеснения поцеловала его прямо в губы и пообещала, что через денек-другой навестит снова.

— А, может быть, не стоит? — засомневался он.

Но Василиса, то ли не расслышала Виктора, то ли не захотела этого сделать. Как только двери распахнулись, она юркнула в электропоезд, и, махнув ему рукой из тамбура, прошла в вагон...

Весть о том, что Красногубов якобы служил в Чечне, быстро облетела весь поселок. Некоторые сомневались, что это — правда, поскольку наверняка знали, что местный военный комиссариат, пока что, не направил в горячую точку ни единого своего призывника. Другие утверждали, что Красногубов имеет ранения и государственные награды за мужество и отвагу. Как будто бы, однажды он даже обезвредил целую группу чеченских бандитов. Так, ничего не подозревая об этом, с легкой руки Осиповны, которая на каждом углу рассказывала всем небылицы про Виктора, он невольно стал героем дня...

Как-то Красногубов отправился за хлебом. За прилавком продмага стояла молоденькая девчоночка. В идеально чи-

стом белом фартучке она один в один походила на примерную ученицу из числа отличниц, претендовавшую на скорое окончание школы с золотой медалью. С приветливой улыбкой на лице продавец подала ему еще теплые после выпечки буханки. При этом она то и дело кокетливо стреляла в Красногубова своими смеющимися глазками. Когда Виктор направился к выходу, шустрая девица вдруг окликнула его:

– А сдачу-то, сдачу!

Виктор вернулся к прилавку.

– Ну, и как там, небось, страшно было?

Брови Красногубова удивленно поползли вверх.

– Да, Ленка – я, Морозова, соседка ваша! Через два дома от вас живу!

– Ленка?! – обрадовано воскликнул Виктор. – Неужто, ты?

– А – что, так сильно изменилась?

Красногубов согласно кивнул.

– Еще бы! Я когда в армию уходил, ты совсем зеленая была. А сейчас, поди, от женихов отбою нету?

В ответ Ленка лишь разочарованно вздохнула.

– Какие тут женихи? Стоящие, все в город подались. А те, что остались, на что не годятся!

– Так, уж, и не годятся?! – засомневался Виктор.

Он сказал это не потому, что не доверял авторитетному мнению Ленки, но лишь затем, чтобы поддержать разговор. В самом деле, большая часть домов в поселке сильно обвет-

шала, неотложно требуя капитального ремонта. Вдребезги разбитые дороги не ремонтировались, а новые не строились совсем. В осеннюю распутицу или зимнюю круговерть сообщение с городом прерывалось. Поселковый клуб пришел в такую негодность, что его окончательно закрыли. Поликлиники не было вовсе. За медицинской помощью люди ездили за тридцать верст в город.

– Теперь в поселке все только и судачат... про вас!

– Про меня?! – с сомнением переспросил Виктор. – Это, что же, плохого я им сделал?

– Говорят, что под Урус-Мортаном вы в одиночку взяли в плен десяток ихних камикадзе!

И с нескрываемым восхищением, отчего ее глаза округлились и заблестели, как две дозревающие вишенки с капельками утренней росы, Ленка уставилась на Виктора...

– Витенька, наконец-то! – невольно вырвалось у Матрены Гурьевны, едва сын с авоськой в руках переступил отчий порог. – У меня для тебя – хорошая новость!

– Какая-токая – новость? – с сомнением в голосе спросил Виктор.

Ему определенно не нравилось, что в поселке, где он родился и вырос, его принимали совсем не за того человека, каким он являлся на самом деле.

– Да, Осиповна тут даича приходила! – продолжала Матрена Гурьевна. – Сказывала, что Ерема берет тебя к себе на ферму. Такого, говорит, незя допустить, шобы ерой без

работы да куска хлеба оставался!

Виктор до того был уверен в собственных силах, что, казалось, никто и никогда не вывел бы его из душевного равновесия, если бы он сам этого не пожелал. Но на сей раз, Красногубов с трудом сдержался. Ни слова не говоря матери, он вышел из дому, с силой хлопнул входной дверью. Слава богу, соседи оказались дома.

– Ты смотри, кто к нам пожаловал! – несказанно обрадовался Ермолай Пантелеймонович при виде Красногубова. – Проходи, дорогой! Желанным гостем будешь!

С силой пожав руку фермера, отчего тот едва не взвыл от боли, Виктор молча сел на предложенный табурет.

– Ну, и лапа – у тебя, соседushка! – то ли высказал одобрение, то ли ласково пожурил его Ерема, демонстративно потрясывая мозолистой пятерней в воздухе. – Прямо-таки, медвежья!.. Ты в следующий раз-то полегче! А то, так без руки оставишь!

И он широко улыбнулся, показав щербатый ряд зубов. Фермер был человеком с характером. Еще в молодости он закончил сельскохозяйственный техникум. Любовь к земле и привычка трудиться от зари и до зари, наконец, стали приносить ему известную прибыль. Ермолай оказался отличным фермером. Конечно же, он добился бы гораздо большего, если бы не отсутствие рынка, хаос в законодательстве и чиновничий беспредел. Несмотря на усердие, навар селянина был невелик. Его едва хватало, чтобы кое-как держаться на пла-

ву. Но и это бесконечно радовало Ермолая Пантелеймоновича.

– Я как раз обедать собрался! – продолжал он. – Присаживайся поближе к столу.

Он распечатал бутылку «Столичной» и разлил ее по стаканчикам.

– Ну, за тебя, сынок! – с сердечной ноткой в голосе негромко сказал фермер и украдкой смахнул рукавом не прошеную слезинку, которая, ни с того, сего, словно случайная капля дождя – с безоблачного неба, упав с ресницы, покатилась по его щеке, не успев пропасть в жесткой густой щетине.

На прощанье Виктор с чувством, и почти, сыновней теплотой и благодарностью за щедрое гостеприимство, обнял Ерему. Осиповна, прижавшись к груди солдата, и, привстав на цыпочки, вытянула губы, чтобы звонко чмокнуть его в лоб. Но, как ни старалась, после того, как Виктор слегка склонился, чтобы облегчить задачу гостеприимной хозяйке, дотянулась лишь до подбородка.

– Жду тебя на ферме, сынок! – крикнул Ермолай Пантелеймонович в след Красногубову.

«Ну и пусть думают, что я воевал в Чечне! Что – герой! – по дороге домой размышлял Виктор. – Они гордятся тем, что я – один из них. И не нужно отнимать у них эту гордость. Того, что возвышает их в собственных глазах, а, значит, делает добрее и лучше... Они заслужили, чтобы чувствовать

себя людьми и уважать себя за это».

Несмотря на большое количество выпитого, так, как застолье с фермером и фермершей не ограничилось лишь одной бутылкой «Столичной», Красногубов ощущал себя совершенно трезвым. Он отдал дань уважения всему, что старательно наготовила Осиповна, чтобы не сплеховать перед гостем. Но, несмотря на это, Виктор все-таки, ощущал легкий голод.

– Ужинать будешь? – первым делом спросила Матрена Гурьевна, едва он вошел в дом. – Чай, проголодался?

Мать хорошо знала о том, что, сколько бы ее сын не съел, будучи в гостях, он все равно не насыщался. Не ожидая ответа, она загремела кастрюлями и чашками, которые заполнили маленькую кухню. Теперь Матрена Гурьевна тратила на готовку вдвое больше времени и сил, чем прежде, до прибытия Виктора из армии. Она делала это с надеждой на то, что он устроится на ферму к Ереме, и они не останутся без куска хлеба. Всю жизнь, проработав дояркой в местном совхозе, женщина лишь совсем недавно вышла на пенсию. Но ее не хватало на то, чтобы свести концы с концами. Но, каково бы ей не приходилось, она прекрасно понимала, что единственному в доме мужчине нужна хорошая кормежка, чтобы, как следует, поднабраться сил.

– Ты куда запропал, сынок? – наивно спросила Матрена Гурьевна, усадив Виктора за стол.

Она прекрасно видела, как, едва ступив за порог, когда

еще засветло выходил из дому, он прямым ходом направился к соседям. Но все-таки притворилась, сделав вид, что не знала, где он был несколько часов кряду. Она поступила так нарочно. Зачем зазря лезть к взрослому сыну в душу с ненужными расспросами. К примеру, насчет того, как отнеслись к нему соседи?! Пусть лучше все расскажет по своей воле, если, конечно же, посчитает это нужным.

– Уж, стемнело давно, а тебя все нет и нет! Думаю, может, в город к невесте своей подался, что ли?

– Она – не невеста, мне! – возразил он, черпая ложкой наваристые щи из глубокой миски.

– Да? – неподдельно удивилась Матрена Гурьевна. – Кем же тогда она тебе доводится?

– А так, знакомая, да и – все!

Напрасно мать ждала, что сын разговориться, и хоть словечком обмолвится об Ереме и его ферме, где ему предлагалась работа. Поужинав, Виктор поблагодарил Матрену Гурьевну и отправился на боковую.

Наутро Красногубов проснулся с ощущением того, что его родной дом кажется ему чужим, и что, с тех пор, как возвратился из армии, он живет здесь не своею собственной, а жизнью человека совсем не похожего на него. Это чувство было очень неприятно. Тупо уставившись в потолок, Виктор пребывал в постели до самого полудня. Он нарочно не выходил из своей комнаты потому, что испытывал некоторую неловкость даже перед матерью. Что же было говорить о со-

седях, многочисленных знакомых и других жителей поселка, которые твердо уверовали в то, что он хватил лиха в Чечне, а не исправно два года подряд кашеварил в солдатской столовой? Что вдыхал не черный дым от разрыва снарядов и бомб, а горячий дух ржаного и пшеничного хлеба? Что слушал не свист пуль на передовой, а бульканье супов и перловки в здоровенных солдатских котлах? Что не снаряжал магазины боевыми патронами, а чистил картофель и готовил приправы для мясных бульонов? Нет, не то, чтобы Виктор стыдился этого... Ни капельки даже!.. Просто он хотел всегда оставаться самим собой, а не казаться таким, каким его видели или хотели видеть окружающие. Это делало его жизнь не натуральной, а какой-то искусственной и насквозь фальшивой. От подобных мыслей Красногубов вдруг почувствовал себя чужим в своем собственном доме. Его охватила тоска по прошлому. Он вспомнил армию. Пышущие паром котлы, горы картофеля. Воображение отчетливо рисовало ему молодые и жизнерадостные лица боевых товарищей. Ну, может быть, боевых – и громко сказано! Но ежедневно готовить пищу, чтобы накормить целый полк – тоже задача не из легких. Потом Виктор подумал о Ляле и том, что он напрасно раздражался, когда видел, как возле лазарета почти круглосуточно дежурили офицеры, терпеливо ожидая своей очереди. Большинство из них были вполне здоровы. Но каждый из них жаловался другим на какую-нибудь плевою болячку, усердно скрывая истинную причину своего недомо-

гания. Он еще не раз встречался с Лялей возле свалки, и она без промаха, наповал, разя чудесными глазками, всем своим видом давала понять, что двери лазарета для него всегда открыты.

— Ну, как твоя рана, солдат? Не беспокоит? — спрашивала она, проявляя о нем заботу. — Зашел бы как-нибудь для порядка... Профилактика лишний раз никогда не помешает!

Красногубов обещал, что обязательно придет, лишь бы только поскорее отвязаться от излишне назойливой медсестры. Он боялся, что привыкнет к Ляле, и тогда будет под стать похотливым офицеришкам. Нет, он не опустится до того, чтобы смазливая полковая сучка, взяв над ним верх, поставила его в очередь своих ухажеров. Еще до армии и встречи с Василисой Виктор, чуть было, не закрутил роман с одной из бывших одноклассниц, которая ему очень нравилась. Точнее, она первая однажды предложила Красногубову встретиться и в ближайшие выходные сходить на танцы в соседнее село. Клуб там был отменный!.. Виктор был на седьмом небе от восторга, весь вечер проведя с Наташей. Так звали девушку. Он буквально светился от счастья до тех пор, пока, в то время, когда Наташа отлучилась по собственным надобностям, один из знакомых парней вдруг не шепнул ему на ушко, что девушка, которая, прижавшись к нему, уже три часа подряд так старательно вихляет бедрами, беременна!.. Виктор не понимал, отчего жизнь была не совсем благосклонна к таким, как он, и, как будто бы это являлось

в порядке вещей, предлагала ему либо червивое, либо уже надкушенное кем-то другим яблоко, вместо того, чтобы подарить чистый и нетронутый плод? «Неужели, в этом мире не осталось ничего святого и стоящего, чтобы отведать его и не вывалиться в грязи?» – спрашивал себя Виктор. Вот и теперь, хотя селяне говорили о нем только хорошее, он чувствовал себя не лучшим образом. Ему казалось, что на самом деле, даже не понимая того, люди порочат его доброе имя, оскорбляют достоинство и честь. Красногубов был не только заметной из-за своего огромного роста, но и резко индивидуальной личностью и, словно мамонт, посреди многообразия более заурядных доисторических живых существ, выделялся из толпы и именно поэтому обращал на себя ее пристальное внимание. Являясь человеком крайностей отнюдь не по собственной воле, он был заложником общества и его изгоем. Если требовался герой, то окружающие тут же указывали на него и ему подобных, чтобы самим остаться в тени и не рисковать собственным благополучием и даже жизнью. Увы, там, где всегда было больше проблем, чем поводов для радости, чаще, чем в чем-либо ином, возникала необходимость, преследовавшая цель свалить общую вину на кого-то. То есть, найти козла отпущения ради торжества справедливости, без которой на этой земле обычным людям нельзя было бы и дня просуществовать. И тогда, обвиняя во всех смертных грехах, общество приносило лучших своих сыновей в жертву убогому чудовищу – собственной глупости

и невежеству, выдавая ее за нравственность и мораль, и, таким образом, очищалось от скверны. А поскольку «справедливость» торжествовала, судьба никогда не жаловала своих героев и мучеников. И хотя могучее сложение и необычайная сила Красногубова привлекали многих женщин, его чувственная натура не терпела кокетства, жеманства и фальши со стороны прекрасного пола и во взаимоотношениях с ним требовала простых и понятных решений. Может быть, именно по этой причине он толком не прочел ни одного письма, и лишь однажды очень не многословно ответил Василисе. Мол, писать ему особенно некогда, так, как всерьез занят службой. Тем не менее, сохранив Василисины письма, Виктор решил, что теперь пора наверстать упущенное. Все, что связывало его с прошлым, где он чувствовал себя гораздо увереннее, чем, с недавних пор, в настоящем, в его глазах вдруг поднялось на недостижимую высоту...

Василиса была девушкой из простой рабочей семьи. Ее родители – образцовые Советские граждане с детства прививали дочери трудолюбие, скромность, уважение к старшим по возрасту. Слово отца и матери являлись для нее законом, нарушить который она никогда не отваживалась. Но, закончив школу, и, немного повзрослев, Василиса стала более самостоятельной и уверенной в себе особой, чем хотелось бы родителям. Возможно, давала о себе знать та пора, когда пускай неосознанно, но уже гораздо пристальнее, чем это предписывали правила и нормы Советской морали, девушка приглядывалась к молодым людям. Она чувствовала, что нравится им. И, все-таки, они невольно отталкивали ее от себя своими ужасно грубыми и на редкость вульгарными манерами. Конечно же, Василиса была уже не девочка, а ее сверстники – не мальчики. Они не дергали ее, как прежде, за косички, а она не жаловалась на обидчиков учительнице. Так или иначе, стоило девушке заговорить с парнем, немного сблизиться с ним, как он тут же без стеснения лапал ее за недозволенные места, вгоняя в краску. Это злило Василису. Она ждала от сильного пола совсем иного. Девушке хотелось, если не обожания, то хотя бы уважения. Но она не знала, как сделать так, чтобы внушить эти чувства противоположному полу. Все ее отчаянные попыт-

ки, направленные на то, чтобы завести, хотя, бы короткую дружбу с уличным кавалером, как правило, терпели непоправимый крах. И девушка, навсегда расставаясь с еще одним несостоявшимся ухажером, таила обиду на сердце. Василису ужасно корбило, что чересчур любвеобильные воздыхатели не принимали ее всерьез. Они видели в ней лишь предмет для удовлетворения собственных похотей, а не свою единственную и неповторимую! В конце концов, девушка окончательно решила, что любовь – это выдумки!.. Поэтому не стоило идеализировать мужчин. По ее мнению, все они немного стоили. В каждом из них нахальства на десятирех хватало, а нежности, тепла и ласки – ни на грош! И, когда она уверила себя в таком мнении о молодых людях, которое, как ей казалось, никто и ни за что на свете не смог бы изменить, ей вдруг повстречался Виктор! Наконец-то, хоть один раз в жизни Василисе по-настоящему повезло! В поле ее зрения оказался не какой-нибудь прощелыга из подворотни, а джентльмен, и она вела себя с ним, как настоящая леди. Виктор заронил в ее сердце зерно сомнения, и, впредь, она уже не была так категорична в своих суждениях обо всех без разбору мужчинах и настоящей любви.

Красногубов по очереди распечатывал один конверт за другим, жадно прочитывая письма. Каждое из них начиналось одними и теми же словами: «Здравствуй, дорогой Витя!...», и заканчивалось не считая самого первого, всегда одинаково. Василиса спрашивала, почему он не прислал ей ни

строчки в ответ. У девушки был очень красивый почерк. Буковки ровные – одна к одной. Он прочитывал предложения и абзацы, в которых, так осязаемо, чувствовалось биение искреннего, юного и чистого сердца Василисы. Порой ему даже казалось, что он следил глазами не строки, а лесные тропки, надежно спрятанные от полуденного солнца в зеленой лесной прохладе и указывавшие заблудившемуся путнику верный путь к заветной цели. Наконец, Виктор машинально отложил в сторону последнее письмо, и лицо его просветлело. Он наскоро упаковал свои немногочисленные пожитки в дембельский чемоданчик.

– Ты куда, сынок? – не на шутку встревожилась Матрена Гурьевна, когда увидела, как Виктор, накинув осеннее пальто, шагнул за порог родного дома.

– Учиться поеду! – сказал сын и с жалостью посмотрел на мать.

Он решил, что лучше расстаться с ней теперь, чем тогда, когда в поселке узнают о том, что не воевал он вовсе не в какой Чечне. Вот сраму-то будет, если людям правда откроется! И, хотя в этом – не его вина, а самих селян, которые напридумывали себе, бог весть что, про Красногубова, в конце концов, козлом отпущения окажется именно он. Нечего было героя из себя строить! Как после такой бессовестной «лжи» он посмотрит людям в глаза?..

...В городе Виктор подал документы для поступления в геологический техникум, который являлся переходной сту-

пенью для тех, кто потом продолжал обучение в институте. Его поселили в общежитии вместе с остальными абитуриентами. После сдачи экзаменов он прочно обосновался в одной из комнат вместе с еще двумя первокурсниками. Месяца три Красногубов ничего не сообщал о себе Матрене Гурьевне. Но однажды, взгрустнув по дому, послал матери короткую весточку о том, что жив и здоров. Как водится, в послании он указал адрес своего нового места жительства. Честно говоря, Виктор предполагал, что после того, как мать получит письмо, Василиса, если она еще не разочаровалась в своем непредсказуемом друге, так откровенно пренебрегающим ею, очень скоро отыщет его. И он не ошибся. Девушка, узнав от Матрены Гурьевны о том, где проживал Красногубов, тут же явилась к нему, как ни в чем не бывало. Как будто бы и не минуло нескольких месяцев со времени их последней встречи, и расстались они лишь вчера.

Буквально захлебываясь словами от счастья, Василиса, щебеча, как птичка, рассказала Виктору, о том, что окончательно рассорилась с родителями и живет теперь у подруги. При этом она, как будто бы, не испытывала ни капли грусти... Скорее, наоборот!.. В свою очередь, находясь в некоторой растерянности, он совершенно не знал, радоваться ее приходу или же этого делать совсем не стоило? Красногубов молча смотрел на Василису и невольно сравнивал ее с Дарьей, работавшей поваром в студенческой столовой. Полная и круглолицая, она сразу же приглянулась ему тем, что

от нее пахло борщом и свежеиспеченными булочками. Глядя на нее, Виктор тепло вспоминал солдатскую столовую, где он оттрубил, ни за здорово живешь, почти два года. Дарья была незамужняя и иногда приглашала Красногубова к себе домой. Она поила и кормила его до отвала тем, что оставалось нетронутым во время студенческих завтраков, обедов и ужинов. Виктор коротал ночь у Дарьи. Так, что все обстояло хотя и довольно прозаично, но зато обстоятельно. В отличие от практичной и хлебосольной толстушки тоненькая и подвижная Василиса буквально светилась изнутри нежностью и любовью к Виктору. И, невольно сравнивая двух претенденток на его либидо⁴, он вдруг впервые ясно осознал, что у него никогда не поднялась бы рука грубо оттолкнуть от себя эту, бог весть, что вбившую себе в голову, сумасшедшую девчонку. А, она, словно бы, упорно не замечала всяческих сомнений Красногубова по поводу того, стоило ли ему рассматривать Василису всерьез. То есть, сперва, как его девушку, а в дальнейшем, возможно, ту, с которой он захочет навеки связать свою дальнейшую жизнь. Но, вопреки всему, его нерешительность и холодность, больше похожая на равнодушие, казалось, лишь еще больше распаляло стремление Василисы завоевать сердце приглянувшегося ей парня. С каждой их новой встречей она, все более, смело и уверенно строила планы насчет их совместного будущего, не стесняясь делиться ими с Виктором. Вконец опешив, он слушал ее, рас-

⁴ Либидо – влечение, желание (от лат. libido).

крыв от изумления рот, и, не зная, когда ему следовало, прервав ее нескончаемый монолог, вставить свое веское слово, а когда нет... Как бы ни противился молодой человек этому внутренне, ее обаяние так сильно воздействовало на него, что, не сводя с нее удивленных глаз, он молча внимал звонкому, как будто бурлящий весенний ручей, голоску Василисы. Необыкновенное очарование, похожее на летний луг после дождя, когда его солнечные капли блестят на траве, будто бы и, не собираясь высохнуть, исходило от нее. Оно было столь непобедимо, что нашло ответный отклик в самом Красногубове. Он вдруг ощутил, что те же чувства, что переполняли Василису, с недавних пор испытывал и он. Но, поселив где-то в тайных уголках своей души, до определенного момента он, словно бы, тщательно прятал их ото всех, в том числе, и – Василисы, стараясь ни чем не выдать себя...

...Почему мужчина всегда скрывает то, что в любящей женщине лежит на поверхности? Почему она свято верит, что имеет право на счастье, а он бежит от него, пугаясь, что за это счастье придется платить слишком высокую цену? Да, конечно же, она – богиня! К ней тянутся его губы, его руки, чтобы не прерывался человеческий род. Она прекрасна и поэтому всегда права! А он? Он – ее поддержка и опора. И их отношения, на редкость гармоничны. Ибо, они уравнивают два противоположных начала – мужское и женское, делая целый мир устойчивым ко всем превратностям судьбы.

Василиса жила надеждой на лучшее, и она явилось самым

убедительным аргументом для того, чтобы обратить Виктора в собственную веру. Точнее, вера, надежда и любовь были для нее тем, что наполняло ее жизнь смыслом. И он не решился собственными руками разрушить их счастье, понимая, что другого может не быть. Уж, лучше пусть то, что есть, никогда не иссякнет, как солнечный свет, льющийся с небес... Вероятно, хотя и не столь возвышенно, примерно, так размышлял он...

Прошло три года, и Красногубов закончил техникум и получил диплом геологоразведчика. Василиса все это время не отпускала его от себя ни на шаг. На первых порах они поселились в семейном общежитие, которое предоставило предприятие, где работала Красногубова. Еще через пять лет, когда у них появился сначала Стасик, потом – Максик, им выделили однокомнатную квартирку...

...Красногубов хлебал щи, а Матрена Гурьевна, слегка нахмурившись, искоса поглядывала в его сторону. Она не простила сыну того, что, даже не подозревая о том, как пожилая женщина считала, хотя это был плод ее собственных фантазий, тот ввел ее в заблуждение насчет службы в Чечне и «боевых» ранений. После его бегства из дому, иначе и не назовешь, Матрена Гурьевна какое-то время старалась реже выходить на улицу, чтобы не чувствовать на себе насмешливых взглядов злоречивых соседей. Первой, кто открыл ей глаза на правду, была все та же Осиповна.

– Слышь, соседка, твой-то – вовсе никакой не ерой! – прямо заявила она, едва переступив чужой порог, и выжидательно посмотрела на Матрену Гурьевну.

– Как – так? – усомнилась Красногубова. – Я своими глазами на ем следы от пуль видела?

– Да и не от пуль совсем – это!

– А, от чего же, по-твоему? От комариных укусов, что ли? Но в ответ фермерша лишь презрительно фыркнула. Да, может, от струмента какого!

– Чево, чево?

– А – таво! Мой Ерема был в комиссариате и все узнал про твоего Витьку!

Матрена Гурьевна, которая в то время мыла посуду и в руках держала тазик с кипятком, едва удержалась, чтобы не ошпарить им вздорную фермершу.

– Ты не очень-то жерновами своими скрежещи! Думай, что мелешь!

– И думать мне нечего! – осклабилась Осиповна, воинственно подбоченясь. – В стройбате твой солдат кашеварил!.. Вот и – весь сказ!

И с видом победительницы, никогда не знавшей поражений на бабьем фронте, Осиповна убралась восвояси.

Надо сказать, что Ермолай Пантелеймонович отправился в местный военкомат не только любопытства ради. Во всем дотошный и обстоятельный он хотел, чтобы из достоверного источника его официально информировали о заслугах Красногубова перед Родиной. Гордость распирала честолюбивого фермера от той мысли, что впервые в жизни его подопечным станет не выдуманный, а настоящий герой. Был у Еремы и свой корыстный расчет в отношении Красногубова. Ведь, обычно, таким, как он, молодым людям, государство шло навстречу. «Если с умом похлопотать за парня, – так и этак

прикидывал Ермолай Пантелеймонович, – то, вполне вероятно, что от этого можно поиметь определенную выгоду!...» Надо было лишь, куда следовало, обратиться с соответствующими бумагами. И тогда власти помогли бы Красногубову с дешевыми стройматериалами, чтобы новый дом поставить. Отходы от строительства фермер намеревался пустить на текущий ремонт собственного свинарника и гаража. Не пропадать же добру зря? Ерема уже прокручивал в уме различные варианты, которые были бы выгодны ему и герою. Например, он рассчитывал на то, чтобы использовать Красногубова, как таран, своего в доску, пробивного, парня, выражаясь современным языком, доморощенного лоббиста, и, таким образом, получить долгосрочный кредит в банке с низкой процентной ставкой. Но все грандиозные планы деятельного фермера рухнули в одночасье, когда он узнал правду. Прямо из военкомата Ерема вернулся домой и рассказал обо всем жене. Вскоре, весь поселок зло подсмеивался над Матреной Гурьевной Красногубовой и ее «ероем», Витькой. Проходя по улице, пожилая женщина хмуро приветствовала соседей, которые отвечали ей недвусмысленной улыбкой на лице. Вот, мол, старая карга чего удумала! Наврала всем с три короба про «подвиги» своего кашевара. А он и пороха-то даже не нюхал! За кого она людей принимает? Люди ж – не дураки! Их, просто так, на мякине не проведешь! Поначалу Матрена Гурьевна сильно расстроилась. Плакала по ночам. Сын вернулся из армии живой и невредимый, а она не радовалась

этому, а скорее наоборот. «Уж, лучше бы он в клятой Чучни погиб!» – в сердцах восклицала оскорбленная женщина, захлебываясь слезами. И за что судьба была так несправедлива к ней? Но, как она ни старалась, никакого путного ответа на этот счет ей в голову не приходило.

Красногубова долго не держала обиды на сына. «Разве, он виноват, что не на хронте, а с кастрюлями воевал?» – как могла, оправдывала она своего сокола. Впрочем, Матрена Гурьевна не скрывала досады на то, что жизнь у Вити складывалась не так, как нужно, а, точнее, по ее мнению, совсем не складывалась в красивую картинку. Таковую, чтоб на нее при любом освещении любо-дорого было посмотреть!.. Это сильно беспокоило, с виду, суровую, а по сути, как и все нормальные бабы, безраздельно любящую свое чадо сердобольную мамашу.

– Ты не против, если я останусь у тебя на пару деньков? – спросил Красногубов, не глядя в глаза матери.

Он давно доел щи и теперь сидел, все также, за столом, положив на него свои огромные ручки.

– Что, по детишкам небось заскучал? – подозрительно спросила Матрена Гурьевна. – Так, ты не бойся, Витя! Я, уж, худо-бедно, за ними присмотрю!..

– А я и не боюсь!

– Ну, так чево же, тогда, гостевать решил?

Красногубов пожал плечами.

– Да, сам не знаю! Плохо, что-то, у меня – на душе!..

Горько усмехнувшись, мать сокрушенно покачала головой.

– Да где ж ему, хорошему-то взяться? На базаре, поди, не купишь! Детей, вот, без матери оставил! Беречь надо было жену-то!

Красногубов вдруг, расчувствовавшись, часто заморгал влажными ресницами. Матрена Гурьевна заметила это. Внешне она оставалась невозмутимой. Вместе с тем, сердце ее туло заняло от сострадания и жалости к сыну.

Дверь вдруг распахнулась и в избу с шумными криками вбежали Стасик и Максик. Увидев Красногубова, они остолбенели от неожиданности.

– Ну, что, пострелята, наигрались, слава богу? – искренне обрадовалась появлению ребятишек Матрена Гурьевна. – Быстро руки мыть, и – за стол!

Но Стасик и Максик стояли, как вкопанные.

– Или отца родного не признали? – засомневалась она.

Красногубов смотрел на детей так, как будто не видел их целую вечность. От волнения он дышал часто и неровно. Ему хотелось, чтобы Стасик и Максик подошли к нему поближе, и тогда бы он обнял и крепко прижал их к груди. Так крепко, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах уже не разлучаться с ними. Но что-то сдерживало Красногубова от подобного шага. Он, словно, боялся, что в порыве нежности будет недостаточно осторожным, и его отцовская ласка окажется излишне грубой. Это напугает Стасика и Мак-

сика, и они еще больше отдалятся от него. Красногубов станет для них еще более чужим, чем прежде. Он нерешительно, словно за милостыней, протянул обе ладони навстречу Стасику и Максику. Они были столь неестественно большими, и при этом, точно голые степи, такими пустыми, что, вряд ли, бы кто отважился оставить их без подаяния. Видя, что батя, как часто бывало прежде, не сторожится на них, малявки понемногу осмелели. Стасик подошел к Красногубову и положил свою беленькую крохотную ладошку в его безмерную пятерню. Тот осторожно, словно это было что-то очень хрупкое и невероятно дорогое для него, сжал детскую ручонку. Почувствовав ее тепло, не смог удержаться от того, чтобы не прикоснуться губами к светлой густой шелвюре славного мальчугана. Жадно втянув в себя воздух, ощутил, как его волосы пахли детской нетронутостью и еще чем-то бесконечно родным и близким. Красногубов сделал это непроизвольно, поддавшись искреннему чувству, которое так естественно порой овладевает сердцем любящего родителя. В благодарном порыве Стасик вдруг обвил тоненькими ручонками отца за шею. Не желая, чтобы старший брат имел хоть какое-нибудь преимущество над ним, тем более, когда дело касалось родителя, а, возможно, и из других побуждений, прячущихся в тайнике детской души, смысленный и воспитанный Максик тут же последовал примеру Стасика. Красногубов буквально сиял от счастья. Впервые он сделал то, чего ему никогда не удавалось в его недолгой жизни се-

мейной идиллии, счастья и доброты. Ведь она, по большей части, протекала вдали от дома и семьи. Дети льнули к нему точно так же, как они искали бы защиты и тепла в объятиях Василисы, если бы она была жива. Конечно, она сумела бы сделать все, приласкать и приголубить своих кровных чадушек, намного лучше. Ах, как жаль, что ее больше не было рядом с ними!

– Папка, а скоро мамка приедет? – неожиданно спросил Максик. – Она нас больше не любит?

Как-то сразу переменившись в лице, Красногубов закашлялся. Ребенок, словно, и впрямь, внезапно почувствовав разительную перемену в настроении Красногубова, вопросительно посмотрел на него. При этом его взгляд был задумчив и серьезен. И еще в нем читалось что-то неуловимое. Может быть, в глубине своей чистой детской души Максик наверняка знал, что больше никогда не увидит мамы. Не почувствует тайного блаженства и трогательной заботы от прикосновения ее нежных рук. Не услышит тихого голоса, который усыпляет его на ночь, а наутро пробуждает в нем целую Вселенную, полную сонной неги и волшебного утреннего света. Максик настойчиво и требовательно повторил свой вопрос. Красногубов растерялся настолько, что не знал, как ответить на него собственным детям.

– Папка, мамка бросила нас? Она с другим дядей уехала?!!

И Максик заплакал горькими слезами. Стасик также

не удержался и бросился в объятия Матрены Гурьевны. Чтобы приглушить рыдания, он уткнулся лицом в ее мягкий живот. Пожилая женщина беспомощно развела руками. Все то время, пока Стасик и Максик жили у нее, они сначала изредка, а потом все чаще и чаще спрашивали о том, почему родители не забирают их домой? Она упорно твердила им одно и то же. Матрена Гурьевна отвечала, что папка и мамка уехали далеко. Но очень скоро они приедут за Стасиком и Максимом, чтобы увезти их в тесную городскую квартиру, со стенами которой они так сроднились, что она, то и дело, снилась им по ночам. Этот лишь наполовину правдивый ответ на некоторое время умирал тревогу детей за родителей. Но проходил день, два или три, и, как бы ни было хорошо в гостях у самой лучшей на свете бабушки, Стасик и Максик рвались в родные пенаты, как будто бы это был единственный в мире уголок, где они чувствовали себя вполне довольными этой очень странной и непостижимой для детского ума жизнью и надежно защищенными от непредвиденных резких поворотов судьбы и всевозможных бед, поскольку там, под одной крышей вместе с ними, находились их родители...

Красногубов возвращался в город подавленный. Он без конца думал о бедных детях, живших единственной мечтой о том, что в один прекрасный день они, наконец, обнимут свою мать. Но еще горше ему было от той мысли, что Стасик и Максик напрасно ждали светлого праздника на своей улице, где располагалась их осиротевшая, но некогда благодаря

стараниям Василисы очень уютная однокомнатная квартирка.

– Папка, а ты когда снова приедешь? – как бы, между прочим поинтересовался Стасик, когда Красногубов, уже ступив за порог прихожей, одной ногой очутился в сенцах.

Малыш изо всех сил старался, чтобы никто не заметил, как он расстроен скорой разлукой с отцом.

– А ты купишь мне машинку? – спросил Максик. – Ну, точно такую же, как у Андрейки! Ему папка во, какую, купил!

И в подтверждение сказанного сорванец в восхищении развел ручонками в разные стороны, чтобы показать всем насколько большая и хорошая машинка имелась у соседского мальчугана.

– А то он мне поиграть совсем не дает!

Красногубов пообещал, что непременно наведается к детям с подарками, и это – совсем не за горами. Вот только на работу устроится. Стоя с папироской в зубах возле плетня вокруг отчей усадьбы, и, подробно припоминая свое прощание со Стасиком и Максиком, он улыбался светло и немного грустно. Но затем, спрятав эти воспоминания в тайнике своего сердца, и, швырнув окурок в вечерний сумрак, он решительно зашагал по направлению к железнодорожной станции.

Первый солнечный луч скользнул по Зеленой долине, возвещая о наступлении нового дня и вместе с этим настойчиво пробуждая в геологах все их прежние страхи и сомнения.

– Ну, и что ж нам теперь тут подышать прикажете э э э?! – словно очнувшись от тяжелого забытья, вдруг спросил Барсуков, то ли обращаясь к самому себе, то ли тем, кто, вместе с ним подвергнувшись незавидной участи, видимо, не раз задавался подобным вопросом, но до сих пор не решался его озвучить.

При этом он с трудом выговаривал слова, словно, не отдавая себе ясного отчета, и, находясь в плену безысходности и беспросветных фантазий, а, может, из-за упадка сил пребывая в легкой стадии комы, бредил наяву. Что, пожалуй, больше соответствовало правде... Ведь, судя по его далеко не оптимистичному тону, бывший опер, и впрямь, как будто бы раз и навсегда смирился положением, в котором оказался он сам и те, кто лежали теперь рядом с ним, распластанные на камнях, поскольку не видел из него никакого выхода. На Барсукова это было непохоже.

– Зачем же, так – мрачно о о о! – почти с отчаянием воскликнула Настя.

И, хотя от тупой ноющей боли во всем теле ей хотелось расплакаться, и на душе у нее скребли кошки, она изо всех

сил старалась держать себя в руках. – Прежде всего, необходимо высвободиться от пут у у ут!

– Неужели? Вы – серьезно? Честное слово, сами мы бы никогда не додумались до этого о о о! – с неизменной иронией, в которой на этот раз было больше раздражения, чем тайной насмешки, заметил Артемьев.

– Что, если попробовать развязать узлы зубами ы ы ы?

Настя старалась не обращать на сарказм ученого никакого внимания. И втайне даже была рада тому, что, не смотря ни на что, ученый не утратил, пускай, как всегда, не в меру едкого, но все ж таки чувства юмора. Это было лучше, чем, если бы он запаниковал и начал в истерике биться головой о твердый грунт, уже две ночи подряд заменявший ему спальное ложе.

– Давно пора а а а! – одобрил Андрей Иванович. – С кого начнем о о ом?

Легкого упрека, который прозвучал в словах Насти в адрес любящего родителя, было достаточно, чтобы от его недавней апатии не осталось и следа. А сознание собственного бессилия и то удручающее положение, благополучно выйдя из которого, казалось, не представлялось никакой возможности, теперь приводили его в неопишемую ярость. Словно утопающий за соломинку бывший опер готов был ухватиться за всякую возможность, лишь бы достичь желаемой цели. Но, как видно, одного желания было мало... Примерно, еще час, два, а, может, больше геологи лежали без

движения, так и не придя к какому-либо решению...

Постепенно приближался полдень, и все более набиравшая силу летняя жара стала настолько доканивать Андрея Ивановича, впрочем, как и остальных пленников Зеленой долины, что, казалось, любой из них согласился бы на что угодно, лишь бы хоть немного облегчить невыносимые страдания.

– Ну, так с кого начнем о о ом?! – снова повторил свой вопрос Барсуков, как ни в чем не бывало.

Так, будто бы в первый раз задал его с минуту назад, а не ждал несколько часов подряд для того, чтобы его товарищи по несчастью окончательно созрели для решительных действий.

– Если вы – насчет того, кому из нас троих грызть зубами веревки, то, чур, не с меня а а а! – с горькой усмешкой воскликнул ученый. – Я совсем не желаю на старости лет носить вставные челюсти ы ы ы!..

С усилием приподняв голову, Настя сердито посмотрела на Артемьева.

– Опять вы – за свое! Комедиант грошовый, вот вы – кто! Вначале доживите до старости! Учитывая то, в какой безвыходной и опасной ситуации мы теперь оказались, я думаю, что вам это, вряд ли, удастся а а а!..

– Вы ы ы ы! Несносная и вздорная девчонка а а а!.. Вот я вам, что скажу у у у! – в свою очередь, не на шутку вспылil Игорь Игоревич. – Если брать в расчет, сколько вели-

чайших открытий, крайне необходимых человечеству, ждут меня впереди, то я просто не имею права не дожить до очень глубокой старости или, по крайней мере, до тех пор, пока благополучно не закончу свои научные труды!.. Моя жизнь не принадлежит мне! Она принадлежит науке э э э!

– Да, будет вам так расстраиваться по пустякам а а ам! – резко оборвал спорщиков решительный во всем Барсуков. – Вы – что, на солнце перегрелись ы ы ысь?

Вопрос показался настолько нелепым, что все трое не удержались и покатались со смеху.

– Не э эт, мы ы ы ы по о од дожде о ом про о омокли ы ы ы! – выпалила первое, что ей пришло на ум, Настя.

И несчастные, катаясь по камням, как ненормальные, еще пуще прежнего зашлись от хохота. Содрогаясь всем телом, они во всю мочь легких выплескивали эмоции в чуткую мембрану Зеленой долины. Непривычные для слуха ее обитателей звуки, как птицы, взлетая к небу, потом, падая вниз, ударялись о скалы, отскакивали от них будто резиновые мячики. Так продолжалось до тех пор, пока, в конечном итоге, клопоча от соприкосновения с водой, они, точно горящие уголья, не гасли в ней и, навсегда смолкая, не становились частью прозрачной бездны голубого озера. Даже издали было заметно, что, слегка взволновавшись, оно, словно, и впрямь, заразилось неизлечимыми бациллами гомерического хохота, как выяснилось, видимо, благополучно дожившего до наших дней. Но, вполне возможно, что таежникам

так лишь казалось.

Истеричное веселье нервно и физически порядком выматало геологов. И, если их жизненная энергия еще до конца не исчерпала себя, то это являлось лишь делом незначительного отрезка времени. Поэтому, чтобы в очередной раз, хоть немного, восполнить ее, несколько часов кряду они лежали совершенно неподвижно, не исторгнув ни единого звука. Это была явь сквозь сон. Тревожную дремоту сменяло безрадостное пробуждение. И – наоборот. Незаметно день перешел в вечер, затем – в ночь. Она была еще ужасней, чем прежняя, и полна кошмарных видений. Казалось, Зеленая долина изобиловала тысячами шорохов и звуков, подвижных теней и слабых лунных бликов. В больном воображении несчастных людей они представляли в расплывчатых образах отвратительных чудовищ, мерзких тварей. Внезапно появляясь из ниоткуда, злобные выходцы тьмы окружали свои жертвы плотным кольцом, которое постепенно все более сужалось, угрожая жизни несчастных... Неожиданно хищные клыки, звучно клацали возле их горла!.. Вырываясь из цепких объятий сна, геологи громко вскрикивали!.. И тогда!.. Все вдруг куда-то исчезало... Но затем видения повторялись вновь...

Напряжение последних дней, голод и особенно жажда сделали свое дело. А полночная прохлада, сменившая полдневную жару, благополучно довершила его. Геологов поочередно то жутко знобило, то бросало в жар. Время от времени

они теряли сознание. Ненадолго приходя в себя, тут же снова проваливались точно в омут с головой.

Настало новое утро, и трое узников Зеленой долины, постепенно с горечью осознали, что живы, пожалуй, лишь наполовину. От неподвижности кровь медленно струилась по их жилам. Тело казалось чужим.

– Боже мой, я совсем не чувствую рук у у ук! – в отчаянии воскликнул Артемьев и не узнал своего голоса.

Вперемежку с надсадным кашлем его горло воспроизвело нечто, больше похожее, на карканье ворона, чем на нормальную человеческую речь.

– Еще – день, два и нам придет конец э э эц! – прошипел Барсуков. – Конечно же, если не удастся избавиться от этих проклятых пут у у ут!

Не говоря ни слова, Настя вплотную придвинулась к Артемьеву, который лежал на боку между ней и Барсуковым, и зубами рванула за тугой узел из прочной тесьмы.

– Ай-ай-ай! – взвыл от боли ученый. – Вы мне едва палец не откусили!

– Извините э э э! Извините меня, ради бога а а а!

– Ну, уж нет э э эт! – возразил Артемьев. – Лучше я умру от голода и жажды, чем от клыков каннибала а а а!

– Ах, так а а ак! – рассердилась вдруг Настя, с трудом переводя дыхание, и, удивляясь, откуда у ней взялись для этого силы. – Ну, тогда разлагайтесь тут, пока от вас кожа да кости не останутся. А наука как-нибудь переживет эту горькую

утрату у у у!

– Нет, вы подумайте, что себе позволяет эта соплячка! – вяло возмутился, было, Артемьев, обращаясь то ли к самому себе, то ли к бывшему оперу.

– А... а... что тако о го я сказала а а а? – пыталась искренне выразить удивление Настя.

Но даже ей самой оно казалось каким-то жалким набором сбивчивых и неубедительных фраз.

– Разве, я не права а а а? По-моему, та ак лучше лишиться пальца, но остаться в живых, чем... чем... совсем наоборот о о от!..

– Если вы... так... голодны, то, вряд ли, вас... насытит один мой палец э э эц! – делая паузу почти после каждого сказанного слова, резонно заметил ученый.

– Вслед... за первым... вам понадобится второй, потом третий ый ый ый

– Не э обольщайтесь на собственный счет! Вы не э настолько возбуждаете аппетит, как э э это вам кажется а а а!

– Да а, но и вы – не пирог... с яблоками ы ы ы!

– Ка ак знать а а ать!

Они так увлеклись спором, что не заметили, как из-за выступа скалы, за которым начиналась пропасть, показалась голова Елкина.

Его неожиданное появление, словно громом, поразило заложников далеко идущих планов Эрнеста Ковалева. Пульс их сделался учащенной. Потускневшие глаза снова загоре-

лись надеждой. Тем не менее, Иван Андреевич даже не посмотрел в сторону геологов. Казалось, он не выказывал ни тени какого-либо желания, чтобы облегчить их участь. Наоборот, не сказав им ни слова, он проследовал к горной хребтине и потянул на себя вбитое в скалу металлическое кольцо. Таким образом, лишний раз, проверив его на прочность, пустил через него канат. Словно завязь господа, канат нырнул в бездну, чтобы извлечь на божий свет заплутавших во тьме людей. Поэтому в считанные минуты все было готово для подъема на скалу тех, кто до сих пор оставался там, внизу.

– Иван Андреевич ы ы ыч! – негромко позвал Артемьев. Елкин нехотя обернулся в его сторону.

– Что вы собираетесь делать а а ать? – слабым голосом спросил он.

– Поверьте мне, я делаю именно то, что необходимо в данной ситуации ы ы ы!..

– Вы что издеваетесь над нами ы ы ы! – глухо прорычал Барсуков. – Немедленно развяжите нас а а ас! Не то, клянусь, богом, вы за это заплатите э э э!

В ответ на угрозы Елкин лишь укоризненно покачал головой.

– Я не могу этого сделать а а ать!

– Почему?... По че му не можете, Иван Андреевич ы ы ыч? – с мольбой в голосе спросила Настя. – Без воды и пищи мы тут очень скоро... все погибнем э э эм! Неужели, вы этого не понимаете э э э?

– Вы лишитесь своих жизней еще скорее, если я развяжу вас теперь же э э э! – сердито процедил Елкин сквозь стиснутые зубы и бросил испуганный взгляд в сторону бездонной пропасти.

– Не бойтесь, мы легко справимся с ними ы ы ы! – уверенно заявил Барсуков. – Ведь нас – четверо, а они станут подниматься сюда по одному у у у!

Но ответ Иван Андреевич лишь сердито нахмурился. При этом вид у него был такой, словно его силком принуждали к тому, чтобы против своей воли, ни секунды не раздумывая, он сиганул в пропасть.

– То, что вы предлагаете, это – абсурд у у урд!

– Да, вы ы!.. Просто жалкий трус у у ус! – с горечью воскликнула Настя.

Но Иван Андреевич уже не слушал пленников. Он изо всех сил тащил на себя веревку, поднимая наверх того, кто, по-видимому, уже закрепил на страховочном поясе ее противоположный конец. Елкин старательно и умело выполнял свою работу, чувствуя, как взгляды людей, казалось, заживо похороненных в Зеленой долине, с ненавистью и отчаянием буравят его затылок.

Первым на скале появился Грудь-Колесом. За ним – Кукиш-Мякиш. Словно громом пораженные они остолбенели от изумления. Не в силах произнести ни слова, не прошенные гости Зеленой долины невольно любовались тем, что открылось их взору. В знойных полуденных лучах, точно ал-

маз, она переливалась множеством граней. Зеленые деревья с золотой бахромой, жгуче синее озеро, окаймленное богатейшей россыпью – все это напоминало сказку наяву. Бесчисленная мошкαρα походила на пламенный дождь, который проливался и вкривь, и вкось над долиной. Птицы, будто головни от полуденного костра, с хвостами огненных комет, бороздили небо. Величественные скалы, словно рубиновые языки безумного пламени, казалось, волновались при легком дуновении ветерка, жадно слизывая с небесной глади проплывавшие над ними едва приметные перистые облака.

– Чего уставились ы ы ысь? – рыкнул Ковалев на подельников. – Разве, мы нарисовались Сюда затем, чтобы пялиться на здешние красоты?

Он поднялся на скалу в последнюю очередь, оставив Рябого у подножия. Не смотря на то, что тот всячески противился несправедливому, по его мнению, решению своего босса, это ни к чему не привело. Ковалев посчитал, что Рябой слишком неуравновешенный тип для того, чтобы близко подпускать его к несметным сокровищам. Эрнест опасался, что при виде такого количества золота этот псих, что было вполне вероятным, умом тронется и возьмет да всех перестреляет. Тогда то, что было ценного в Зеленой долине достанется ему одному! Ковалев же придерживался твердого мнения, что чрезмерная жадность еще ни кого до добра не доводила. Про себя он давно решил, что возьмет столько золота, сколько унесут на своих горбах его спутники. Если

вдруг окажется, что они слегка перестарались и навьючили на себя несколько больше положенного, то часть песка придется спрятать где-нибудь в тайге по дороге на материк.

Еще до прихода в Зеленую долину Ковалев с удивлением обнаружил, как тщательно его люди чистили оружие.

– Вы чо зазря свои рогатки слюнявите? – с сомнением в голосе выговаривал он бандитам. – Друг дружку, что ли мочить собрались?

– Да, мало ли, что там, наверху, случиться может? – невозмутимо отвечивал Грудь-Колесом. – А когда пистон – в исправности, тогда и на душе спокойнее!..

Ковалев искоса глянув на него, как будто бы загодя прикидывал, насколько опасен может быть Грудь-Колесом, если ненароком замыслил против него что-нибудь худое. Взгляды их встретились. Бывший спортсмен, а ныне бандит, также тщательно исподволь изучал босса, чтобы понять, каковы же на самом деле его планы насчет золота и тех, кто пришел за ним в эту беспросветную таежную глушь? Делая для себя неутешительные выводы, Ковалев без особенного энтузиазма заметил, как время от времени из-под белесых бровей алчно блестят кошачьи глаза Кукиш-Мякиша, как беспрестанно от нервного тика дергается физиономия Рябого. Эрнесту это сильно не понравилось. Он уже пожалел, что связался с придурками. В глубине души он бесконечно презирал их отвратительную глупость и стремление разжиться не впрок. Но до поры до времени Ковалев терпел компанию

отчаянных головорезов, решив, что при первом же удобном случае покончит с ними раз и навсегда. «В конце концов, чем меньше подобных типов будет знать о том, где находится золото, тем лучше! – думал он. – Если ему не удастся с ними совладать, то по пути на материк он порешит их без всякого сожаления! Там, на большой земле, никто не хватится этих ублюдков. А, если и хватится, то слезы лить не станет».

Грудь-Колесом и Кукиш-Мякиш еще долго приходили бы в себя при виде Зеленой долины, доверху усыпанной золотом, если бы вдруг не обратили внимания на троих геологов, лежавших на камнях, неподалеку от края скалы.

– Это ж надо, как этим ребятам крупно повезло о о о! – неудачно сострил Грудь-Колесом. – Горы золота лежат у самых их ног, а эти лежебоки до того ленивы, что и не подумают, чтобы протянуть руку и набрать хотя бы горсточку песка а а а!

– Босс, а босс! Где это ты себе таких компаньонов откопал а а ал? – в тон своему товарищу с самодовольной ухмылкой на лице заметил Кукиш-Мякиш, который был на седьмом небе от одной мысли, что, наконец-таки, нашел то, что так долго и упорно искал.

Теперь-то он наверняка знал, что не упустит своего. Возьмет все полной мерой. Вот тогда-то и заживет по-человечьи, именно так, как, по его мнению, он того и заслуживал!

– Эти олухи ни на чо не годятся! Если только ворон пугать? Хе хе хе э э э!..

– Где откопал, там и закопаю у у у! – мрачно заверил Ковалев.

При этом вид у него был такой угрожающий, что у его сообщников тут же пропало всякое желание, чтобы в дальнейшем отпускать плоские шуточки в чей бы то ни было адрес.

– Вместо того, чтобы болтать всякую чепуху, лучше хорошо подумайте, как нам поступить с этими ублюдками ы ы ы?

На самом деле Эрнеста мало беспокоила участь геологов. Он нарочно озадачил своих поделельников, чтобы настроить их на серьезный лад.

– А чего с ними якшаться а а а?

И Грудь-Колесом решительно шагнул по направлению к пленникам. Затем он наклонился и поднял с земли увесистый камень.

– Размозжить им бошки, и – вся любовь о о овь!

Он подошел вплотную к несчастным и поднял над головой остроугольный осколок от скалы, чтобы с размаху опустить его на голову Артемьева.

– Погоди ы ы ы! – остановил бандита Ковалев. – Вначале надо убедиться – живы ли они? А то, может быть, на них и порох-то не стоит зазря тратить ы ы ыть?

– Босс верное говорит ы ы ыт!

Хотя в прошлом Кукиш-Мякиш без жалости и какого-либо сострадания отправил на тот свет не одного, не двух и не трех из числа своих врагов или же тех, кто, по чистой случайности, вдруг оказывался у него на пути, но Грудь-

Колесом значительно превосходил его в жестокости. Бывший спортсмен не гнушался даже самой грязной работой. Убить человека для него было тем же самым, что прихлопнуть назойливого комара. Эрнест прекрасно знал об этом и потому вовремя остановил Грудь-Колесом, чтобы тот ненароком с дуру взаправду не выполнил свое намерение. Ковалев не желал оставлять за собой кровавый след, который в последствии мог привести бы к нему вездесущих и пронырливых милицейских ищеек. В конце концов, если волей providения они окажутся здесь, то ему не мешало подумать об этом заранее. Он вплотную подошел к пленникам и небрежно пихнул ногой неподвижное тело Барсукова. Но тот никак не прореагировал на это. Казалось, безжизненное, оно лишь слегка покачнулось от толчка и замерло в прежнем положении. Затем Эрнест склонился над Артемьевым и, приподняв его голову за чуб, так что она оказалась в вершках семи от земли, тут же резко отпустил ее. Голова ученого со стуком ударилась о камень.

– Фу, какая гадость о о ость! – с отвращением поморщился Ковалев и тут же, распрямившись, отступил на пару шагов назад от пленников.

От этих полуживых существ исходил такой отвратительный запах, что Эрнеста едва не стошнило.

– Наверное, этот книжный червь не один раз под себя по нужде сходил ы ы ыл! – уверенно предположил он.

– Хе хе хе э э э! – довольно осклабились Грудь-Колесом

и Кукиш-Мякиш и, таким образом, показали боссу, что они всегда и во всем поддерживают его.

Эти жалкие людишки, валявшиеся возле их ног, также, как и у Ковалева, не вызывали у них ничего кроме насмешки и презрения.

– А девчонка-то до сих пор хороша а а а! – заметил Кукиш-Мякиш. – Хотя, скорее всего, она уже того о о о

– А, может быть, и – этого о о о! – усомнился Грудь-Колесом. – Тебе почему знать а а ать?

– А вот давай проверим ы ы ым!

И Кукиш-Мякиш опустился на колени возле девушки и положил ей голову на грудь.

– Живая – она, босс о о ос!

– Пока что – живая а а а! – нахмурился Ковалев.

– Вот и я говорю, пока живая, босс, отдай ее нам с Кукишем э э эм!

И Грудь-Колесом, нагло ощерившись, посмотрел на Эрнеста, как безжалостный палач, занеся топор над головой жертвы, смотрит на судью, чтобы по первой его команде выполнить смертный приговор.

– А я думаю, что не стоит к ним приближаться и оставлять свои следы на месте преступления а а а! – в разрез со странными желаниями братков высказал свое мнение Елкин.

И хотя его опасения были ложными: откуда в тайге вдруг взялся правосудию, они несколько охладили пыл мерзких бандитов?

– Мне даже кажется, что если освободить эти мумии от веревок, то тогда их смерть любому покажется естественной, а не насильственной о о ой! – продолжил он. – Ведь они вполне могли погибнуть от жажды и голода а а а!

– Но, ведь, пока что они еще живы ы ы ы! – напомнил Ковалев, поодозрительно разглядывая своими пуговками с виду простодушного и глуповато-наивного Елкина.

– Ты, дед, ври да не завирайся а а а! – пригрозил Грудь-Колесом.

– Вот именно о о о! – решительно поддержал Кукиш-Мякиш своего сообщника.

– Разве, это – живы ы ы ы? – рискуя оказаться в немилости у Ковалева и его сообщников, а, значит, подвергая себя опасности, не сдавался Иван Андреевич. – На ладан дышут у у ут!

– Вот мы и проверим!

– Конечно, Проверим ы ы ым!

– Охо-хо-хо о о о! – снова развеселились отморозки.

– На ладан или еще куда а а а! – подытожил Кукиш-Мякиш.

Ковалев согласно кивнул, и, словно стервятники, они накинулись на бесчувственное тело едва живой пленницы. Грудь-Колесом без труда подхватил ее на руки и направился за ближайший уступ в скале. За ним, нарочито жеманно вихляя тощими бедрами, последовал Кукиш-Мякиш. Скоро они исчезли за уступом. Оттуда было слышно, как, отчаянно

ругаясь, бандиты делят между собой жертву.

– Я – первый ы ы ый!

– Нет – я а а а!

– А это ты видел, сучонок о о ок?!

– А ты вот на это посмотри, качо о о ок!

Еще немного, и они пустили бы в ход кулаки, позабыв обо всем на свете. Но к их обоюдному неудовольствию этого почему-то не случилось, поскольку вдруг что-то чрезвычайно громко бабахнуло прямо у них над головами!.. Пуля, срикошетив от скалы, едва не угодила в голову Кукиш-Мякиша. Это несколько уредило воинственный пыл любвеобильных Ромео. Оставив предмет своего вожеления в покое, и, пытаясь выхватить из-за пояса козыри, бандиты с некоторым удивлением и страхом внезапно увидели перед собой босса. В руке он держал пистолет, который смотрел прямо на них.

Где-то в глубине своей темной души Ковалев давно проклял тот день, когда он связался с Северковым. Поверил его щедрым обещаниям насчет того, что не прогадает, если возьмется за дело, которое принесет такую прибыль, какая ему еще и не снилась. Эрнест не знал, кто стоит за спиной Игоря Максимовича, но догадывался, что это – люди могущественные. Те, кто дергают за нужные рычажки, двигая в известном направлении политику и экономику. Эти черные маги и чародеи своей эпохи благополучно возводят на троны королей, и также просто, как справляют нужду, в одночасье лишают их короны. Они казнят или милуют подданных того, кто яв-

ляется или был их господином. Затевают войны и объявляют мир. Совершают самые гнусные преступления, прячась за спасительной ширмой под названием власть. Ковалев сознательно встал под знамена этих Калигул нового времени. Он не меньше, чем они, жаждал и власти, и денег. Увы, Эрнест не подозревал, насколько неблагодарным окажется его поприще и опасной стезя.

– Оружие э э э! – приказал он, мрачно глядя на растерянных сообщников.

– Но, босс о о ос! – тщетно пытался что-либо возразить Грудь-Колесом.

– Ну у у! Я дважды повторять не стану! Пристрелю, как собак а а ак!

Бандиты послушно бросили к его ногам пушки. Эрнест хорошо запомнил горький урок, когда добровольно вооружил Мишу Самохвалова. Но в сравнении с бывшим спортсменом и Кукишем трусливый студентик был агнцем божьим. Ковалев решил, что будет намного правильнее, если он полностью возьмет ситуацию под свой контроль.

– А теперь завершим то, ради чего мы оказались в этой дьявольской преисподне э э эй!

Ковалев невольно бросил высокомерный и слегка презрительный взгляд на неподвижное тело девушки. Почему он не отдал ее на растерзание этим двум шакалам, чтобы в полной мере насладиться унижением той, что всегда отвергала его, как мужчину? Неужели, Эрнест до сих пор ревновал На-

стю? Даже теперь, когда она не оказывала никакого сопротивления, он все равно по-своему мстил ей.

– Я думаю, что все-таки надо развязать пленников о о ов! – делая вид, что тревожится вовсе не о томящихся на солнцепеке людей, а, скорее, за собственную шкуру бесполезно настаивал Елкин.

– Это всегда успеется а а а! – отрезал Ковалев и злобно зыркнул на Ивана Андреевича.

– Потом-то может быть поздно! Кто его знает, что тут еще приключится с нами ы ы ы!

– Смотри, беды не накаркай, хренов старикашка а а а! – вскипел Грудь-Колесом.

– Да я а а а!.. Да мне э э э!.. – замялся Елкин и огорченно махнул рукой в сторону пленников.

– Так-то оно – лучше э э э! – одобрительно кивнул Ковалев.

И прихватив пустые рюкзаки, которые припасли заранее, Эрнест и двое бандитов уверенно зашагали навстречу миру их алчных грез.

Секретарша, женщина средних лет и ни чем непримечательная внешне, этакая серая мышь, держалась с посетителями на редкость официально. Как и подобает человеку ее профессии, она была немногословна и очень сдержанна в общении с теми, кто приходил на прием к ректору Северкову. На все интересующие вопросы, какие задавали ей люди перешагнувшие порог ректората, отвечала сухо, но без раздражения, беспрестанно стуча клавишами печатной машинки.

– Игорь Максимович сейчас очень занят!

– Когда же он освободится? – недовольно спросил Красногубов.

Который день подряд каждое утро он навещал Северкова, но всякий раз слышал один и тот же ответ.

У Игоря Максимовича – ученая коллегия из Москвы и, едва ли, он сможет вас принять, – невозмутимо отвечала секретарша.

– А вы доложите ему обо мне! – настаивал посетитель.

– Прошу вас, запишитесь к ректору на прием, и он непременно примет вас, но в другой раз.

Она извлекла откуда-то объемный журнал в твердом и пожелтевшем от времени переплете и с легкой небрежностью адресовала его на край стола.

– А почему вы сразу мне это не предложили?

– А вы и не спрашивали! – сказала, как отрезала секретарша.

– ...И когда же – это, в другой раз? – немного помедлив, словно и впрямь, собираясь сделать запись в журнале посетителей, поинтересовался Красногубов.

– Приходите, узнавайте. Я, почему знаю, когда?

– А, может быть, я все-таки подожду, пока ученый совет не закончится?

– Я вам как будто бы все сказала, любезнейший!.. Пожалуйста, не тратьте своего времени понапрасну и не отнимайте его у других. Как видите, у меня тоже очень много работы. Я не сижу без дела!

И секретарша еще усерднее затарабанила по клавишам печатной машинки.

– Извините, больше я вас не стану беспокоить! – заверил Красногубов. – Работайте себе хоть до завтрашнего утра!..

Но вместо того, чтобы удалиться из ректората, он направился прямо к двери, за которой, по словам секретарши, в это время полным ходом шел очень важный ученый совет.

– Подождите!!! Куда же – вы? – с отчаянием в голосе воскликнула неприступная хранительница спокойствия ее многоуважаемого шефа.

В один миг с нее слетела маска важной невозмутимости, и вместо этого на чопорном лице офисной дамы дерзкий посетитель с тайным злорадством обнаружил страх и растерян-

ность.

Переступив порог ректорского кабинета, Красногубов остановился в нерешительности. Он не знал, как такой солидный человек, каким был Северков, отнесется к тому, что какой-то наглец без спросу ворвался в его ученую цитадель лишь затем, чтобы понапрасну отнять у ректора драгоценное время. Но, вместо того, чтобы выставить Красногубова за дверь, Северков неожиданно приветливо кивнул ему и жестом указал на стул. Посетитель, заняв предложенное ему место, огляделся по сторонам. В кабинете Игорь Максимович был не один. По правую руку от него сидела женщина средних лет, неброско, но со вкусом одетая. Взгляд ее светился умом, а уголки тонких, но красиво очерченных губ, немного приподнятые кверху, выдавали в ней натуру, склонную к тому, чтобы все подвергать сомнению.

– Хочу представить вам э-э-э...

– Красногубов Виктор Дмитриевич!

– Да, да! Прошу прощения!

Северков встал из-за стола и прошелся по кабинету.

– Так вот, Виктор Дмитриевич, если вы – не против, то сразу же и приступим к делу!

И Игорь Масимович вопросительно посмотрел на Красногубова. Тот, в свою очередь, утвердительно мотнул головой.

– Тогда позвольте вам представить Джейн Смит из Лос-Анджелеса!..

– Очень приятно! – тотчас с улыбкой произнесла американка.

Красногубова удивило, что она свободно изъяснялась на русском языке, и в ее произношении не было акцента. Но его гораздо больше волновало другое.

– Так вы принимаете меня на работу? – спросил Красногубов, который не сразу понял, о каком деле говорил Северков.

Игорь Максимович решительно свел в одну линию брови, похожие на немного припущенные книзу крылья коршуна, парящего в небе и высматривающего для себя добычу.

– Считайте, что с того момента, как перешагнули порог этого кабинета, вы – на работе!..

И он снова уселся за стол.

Красногубов слушал ректора и ушам своим не верил. Со времени их последней встречи прошло около месяца, и все это время Северков ни разу не вспомнил о безработном геологе. Наконец, несколько дней кряду он мозолил глаза ректорской секретарше, но та упорно повторяла, что Игорь Масимович его не примет, так как очень занят. Однако, едва Красногубов явился пред светлы очи Северкова, как тут же оказался при деле. Ректор повел себя так, как будто бы вопрос о его трудоустройстве, словно по шучьему велению, тотчас решился сам собой.

Красногубов не знал, как ему относиться к странному поведению Игоря Максимовича... Уж, не разыгрывал ли он

геолога? Совершенно сбитый с толку, Виктор тщетно строил догадки по поводу того, какая муха вдруг укусила ректора, который из одной крайности кинулся в другую? Это настораживало Красногубова и вызывало в нем сомнение на счет адекватности Игоря Максимовича. В сущности же, в поведении Северкова не было ничего загадочного и необъяснимого, если учесть что, примерно, за полчаса до прихода Красногубова к ректору позвонили из вышестоящего ведомства.

– Куда запропал этот ваш, то есть, наш... В общем, неважно! ...Елкин-Палкин, я вас спрашиваю?! – справедливо негодовал влиятельный чиновник. – И почему до сих пор от него нет никаких известий?!

– Иван Андреевич – в экспедиции, – отвечал Северков, стараясь говорить как можно убедительнее. – И насколько я знаю, дела у него идут отлично!

– Почему я должен вам верить? – все более раздражалось должностное лицо.

– А – что, разве, есть основания для недоверия?

Последовала короткая пауза, которая показалась Северкову вечностью. С его стороны было большой дерзостью в столь категоричной форме беседовать с человеком, наделенным большими полномочиями. За это Игоря Максимовича одним росчерком пера могли легко спустить с заоблачных высот на землю, если бы, конечно же, задались подобной целью. Но Северков не знал другого способа быть убедительным с тем, кто, по-видимому, ему не совсем доверял.

– Да, будет вам известно, Елкина видели здесь, в столице!.. – как видно, не желая более ходить вокруг да около, высказался напрямую собеседник Северкова.

Это было так неожиданно, что на какую-то долю секунды Игорь Максимович напрочь запамятовал весь алфавит... От «а» до «я».

– Но этого не может быть! – воскликнул он, беспокойно заерзав на стуле. – Наверняка, вышла какая-нибудь ошибка!

– И я думал точно также, пока мне не сообщили некоторые довольно-таки интересные подробности, касающиеся выше упомянутого мной лица!.. Вы меня слышите?!

– Да, да, конечно! – машинально подтвердил ректор.

Его разум наотрез отказывался принять на веру тот факт, на котором так упорно настаивал министерский хлыщ.

– Так, вот, не далее, как дня два назад господина Елкина видели в ресторане гостиницы «Метрополь», где он усердно накачивался всевозможными горячительными напитками!.. Причем, был он там не один, а в компании... Впрочем, это, уже, не так важно!..

– Глупости! – воскликнул Северков с такой горячностью, что лоб его покрылся легкой испариной. – Наверняка, Ивана Андреевича с кем-нибудь спутали...

– Хотел бы и я так думать!

Послышалось, как в телефонной трубке что-то зашуршало. Видимо, звонивший перебирал какие-то важные бумаги, которые с самого утра пролеживали бока на столе и лишь

теперь, наконец, удостоились его драгоценного внимания.

– Так вот, немедленно выясните, как обстоят дела у Елки-на и сообщите мне!

Секунду или две чиновник еще что-то обдумывал.

– Вы меня поняли?!

Северков планировал, что отправится по следу геологов сразу же после того, как решит неотложные финансовые и хозяйственные проблемы, накопившиеся в институте. Звонок из столицы застал его врасплох. Да, к тому же, гостья из Америки буквально ежедневно появлялась в ректорате и мозолила ему глаза. Она ждала, что Игорь Максимович, наконец, выполнит свое обещание и хоть немного приоткроет завесу той тайны, ради которой она проделала такой долгий путь. Отгородившись стеной равнодушия, Северков, казалось, вовсе не замечал красноречивых взглядов, полных мольбы, которые бросала на него Джейн Смит. Наверное, он полагал, что бабская суетливость и докучливость, стоило лишь мужчине, по собственной прихоти или ради каких-то иных целей, на несколько шагов приблизить к себе женщину, родились вперед нее, и это – в порядке вещей. Игорь Максимович уже пожалел, предложив иностранке, чтобы она, не стесняясь, навевалась к нему, если что нужно, или же просто так, скуки ради.

– Как никак, а вы – наш гость из-за рубежа, и мы обязаны проявить о вас посильную заботу! – сказал он как-то, прощаясь с Джейн Смит на пороге ее гостиничного номера.

Американка сдержанно поблагодарила Северкова за участие, ответив, что единственное чего она желает, так это поскорее узнать хоть что-нибудь о судьбе своего сына.

— Вам непременно сообщат об этом, но тогда, когда сочтут необходимым, — без особенного энтузиазма пообещал Игорь Максимович. — Да, и прошу извинить, если, что — не так! Наш городишко, сами понимаете, не Рио де Жанейро!..

— Я все понимаю, — вежливо улыбнулась гостья.

С тех пор, как они спустились по трапу пассажирского авиалайнера на землю, затерянную посреди безбрежного океана сибирской тайги, Северков стал заметно любезнее в обращении со своей недавней попутчицей. Джейн Смит заметила эту ощутимую перемену в их отношениях. Она не знала наверняка, чем ее объяснить. Но догадывалась, что возможно, после того, как за время долгого путешествия хмель окончательно выветрился из головы высокомерного русского джентльмена, чиновника средней руки, он, наконец, осознал, что, хочет того или нет, но с американкой ему придется иметь дело не день и не на два. Так или иначе, но, казалось бы, внешне безразличная к пренебрежению, с которым поначалу ее встретил Северков, гостья из-за океана вздохнула с облегчением, когда тот первым сделал шаг к их сближению.

Сидя в кабинете, Северков и Джейн Смит пили цейлонский чай и мирно беседовали о том, сем, внимательно приглядываясь друг к другу. Они напоминали двух соперни-

ков за кой-нибудь азартной настольной игрой, только что приступивших к самой первой партии. Но посетив ректора в его альма-матер, американка едва успела обменяться с ним несколькими ничего не значащими фразами.

– Как ваше самочувствие? Как устроились в гостинице? – интересовался Северков.

– Хорошо! – отвечала она, в то время как Игорь Максимович упорно думал о чем-то своем. – Сервис тутошней гостиницы меня вполне устраивает!

– Ну, вот и – отлично!..

На этом их разговор прервался. Отложив его продолжение на потом, Игорь Максимович, словно рыба в воду, на мгновение блеснувшая серебристой чешуей на солнце, снова целиком и полностью, погрузился в омут безотлагательных дел.

Вторая встреча, как две капли воды, походила на первую...

– У меня – ученый совет! – предупредил чрезмерно занятой Северков ту, что всегда стояла на страже его спокойствия после того, как впустил в свой кабинет Джейн Смит в третий раз.

Едва она отхлебнула из фарфоровой чашечки ароматного чаю, в кабинет снова вошла секретарша. Именно в тот момент она с тревогой сообщила своему шефу о том, что звонили из столицы.

По подсчетам Игоря Максимовича шли уже четвертые сутки, как геологи были в пути. Наверняка, Юрский, кото-

рый вел за собой всю группу, был почти у цели!.. «Конечно же, если не сбился с верной тропы или с геологами не произошло чего-нибудь похуже...» – решил про себя Северков. Дословно припомнив то, что сообщил вышестоящий чиновник о Елкине, ректор криво усмехнулся. Он считал подобные сведения либо дезинформацией, либо злой шуткой. Иван Андреевич ни за что не отважился бы на подобное. Да и сами геологи, в случае чего, непременно сообщили бы ему об этом. Ректор ясно представил себе всегда напыщенную и самодовольную и оттого немного глуповатую физиономию пожилого ученого. «Этот кретин не то что с валютной проституткой, но и с собственной женой-то, как следует, не сладит!» – подумал Игорь Максимович и презрительно хмыкнул. Тем не менее, не принять в расчет заявления звонившего чиновника он тоже не мог! Ректор снова припомнил свои нечастые встречи с Елкиным, во время которых тот, как ученый не производил на него особенного впечатления. Скорее наоборот, с той минуты, как Игорь Максимович впервые увидел своего коллегу, он сильно засомневался в его компетентности. Во-первых, Иван Андреевич никогда и ничего не рассказывал ему о своей основной работе. Во-вторых, в разговорах с Северковым ни единожды всерьез не обмолвился о науке. Казалось, она совершенно не интересовала его. В-третьих, речь этого ученого совсем не изобиловала специальными научными терминами. А, ведь, согласно по-служному списку он всю свою жизнь проработал на ученой

кафедре в иногороднем институте, который по своему статусу в вопросе подготовки дипломированных специалистов мало в чем уступал ВУЗу, который возглавлял он сам! «А – что, если Елкин – не тот человек, за которого себя выдает!» – эта догадка, как молния, пронзившая мозг проницательного Северкова, едва не лишила его всегдашнего самообладания.

– С вами – все в порядке? – с беспокойством глядя на ректора, спросила Джейн Смит.

– А что может быть со мной не так?!

И Игорь Максимович, скрывая свою тайную тревогу и сомнения, сделал удивленное лицо. Ему не хотелось, чтобы Джейн Смит знала больше того, чем ей это полагалось. Но она, словно прочла его мысли.

– И, как скоро, мы отправимся к Быстрой речке?

– Неужели, вы так хотите этого?

Американка в сомнении грациозно пожала плечами.

– Но, ведь, выбирать не приходится?

– Что – верно, то – верно! – согласился ректор. – И все же, мне нужен, по крайней мере, хотя бы еще один член команды! Вдвоем отправляться в подобную экспедицию очень рискованно.

Едва он сказал это, как дверь в его кабинет отворилась, и в нее с трудом протиснулся человек такого огромного роста и столь могучего телосложения, что Джейн Смит, видевшая Красногубова впервые, от изумления даже слегка при- встала со стула.

Вертолет приземлился на лесосеке неподалеку от сплошного ограждения из бревен, опоясавшего зону. Из него вышли двое. Прощаясь с пилотом, они небрежно махнули ему рукой и направились в лагерь для заключенных. Алексей Поляков и полковник Сахар встретились, как старые друзья, которые не виделись с десятков лет – не меньше. Леонид Мартинович горячо пожал руку высокому гостю и, обняв его, от избытка добрых чувств даже слегка прослезился.

– Джек Скотт! – представил Поляков молодого человека, который широко раскрытыми от удивления глазами смотрел на все, что окружало его в тот миг.

Погода стояла, хотя и летняя, но пасмурная. Солнце скрылось за свинцовые тучи. И от этого Сибирская тайга казалась еще более хмурой и дикой, чужой и таинственной. Она пугала, словно сказка, возможно, с печальным концом, но и притягивала к себе, как будто прятала в своей непроходимой глуши чрезвычайной сложности загадку, разгадать которую доселе не удавалось никому. Джек Скотт с неослабевающим интересом иностранного туриста разглядывал высоченное ограждение, более походившее на стену неприступной крепости и увенчанное колючей проволокой, караульные вышки с автоматчиками, длинные серые бараки. И ему казалось, что солдаты со строгими и холодными, словно высеченными

из мрамора, лицами стерегли не людей в тюремных робах, то и дело взад и вперед сновавших по лагерю и чувствовавших себя в нем, как дома, а, и впрямь, некую тайну за семью замками, о которой, лишь в самых общих чертах, было известно далеко немногим. Но суть оставалась неведома и им. Между тем, плавно раскачивая макушки хвойных деревьев, шумел ветер. Накрапывал дождь. Приближалась гроза. Леонид Мартынович препроводил гостей в отдельно стоявший от остальных барак, где размещались его апартаменты. В глубине души он был рад приезду Полякова, так как понимал, что благодаря этому человеку он занимал тот пост и то место в жизни, к которому стремился с молодых лет. Сахар отвел приезжих в комнатку для гостей. Вся ее обстановка состояла из стола, пары табуретов и двух кроватей, стоявших возле стен: одна – напротив другой.

– Вот здесь, стало быть, и обустраивайтесь! – любезно предложил Леонид Мартынович. – А я, пока суд да дело, чайку соображу!

И он незаметно исчез за дверью, направившись в соседний барачный закуток. Точнее это был своеобразный офис и одновременно жилая комната начальника тюрьмы, которая мало чем отличалась бы от любой другой, если бы не огромный сейф в левом от окна углу да портрет вождя пролетариата, к которому пару месяцев назад, после короткой служебной командировки Леонида Мартыновича на большую землю, добавились настенные изображения Макаренко и пре-

зидента страны, красовавшиеся на стене. Смежено с офисом располагалась небольшая кухонька, значительную часть которой занимала раскаленная до бела печь. Вскоре на ней засвистел чайник. Сахар, надев на руку верхонку, снял его с плиты. Разлил кипяток по стаканам. Затем добавил в них заварки и отнес в кабинет. Там же поставил посреди стола сахарницу. Рядом с ней положил три чайные ложечки.

– Рядовой Филинчук! – позвал Леонид Мартынович охранника.

– Я, товарищ полковник! – бойко отозвался ординарец, через секунду-другую возникнув в дверях офиса.

За исключением такого важного дела, как приготовление чая, которое начальник тюрьмы не доверял никому, во всем остальном Филинчук был для него просто незаменим.

– Кликни-ка дорогих гостей! Скажи, мол, полковник Сахар просит вас к нему на чай... Да, а сам дуй в столовую для офицерского состава, и закусочку – сюда побыстрее! Огурчики там малосольные, грибочки в сметане, холодной свининки с горошком, клюквенного морса.... Ну, не в первый раз!.. Сам все не хуже моего знаешь. Чтобы одна нога – здесь, другая – там! Все понял?

– Так точно, товарищ полковник! Разрешите идти?!

– Ах, ты еще до сих пор здесь? Пшел вон!

Обычно, Леонид Мартынович никогда не позволял себе грубого обращения с подчиненными. Но сегодня он был, как говорят, на взводе. Приезд Полякова не являлся для

него неожиданностью. Об этом Сахар узнал загодя, примерно за неделю до того, как над тайгой вдруг монотонно зарокотал двигатель вертушки. По мере ее приближения к цели, шум металлических лопастей, разрывавших воздух, становился все слышнее, пока не загрохотал во всю мощь неподалеку от лагеря. Вертолет приземлился за его пределами, поскольку не имел специальных опознавательных знаков, дававших право на посадку внутри территории для заключенных. Такие знаки имелись лишь у единственной воздушной машины, регулярно доставлявшей продукты питания на зону. Леонид Мартынович ничего не знал о том, что привело Полякова в таежную глушь. Но, конечно же, он догадывался, что этот очень влиятельный и непредсказуемый человек, до сих пор имевший над ним какую-то особенную власть, объявился здесь неспроста. По крайней мере, вовсе не для того, чтобы почаявничать с начальником тюрьмы или, скажем, поохотиться на дикого зверя. И хотя случалось, что иные генералы или же высокие начальники по примеру Дубасова и его наводке, с него-то все и началось, не раз гостили у Леонида Мартыновича затем, чтобы позабавиться оружием, Полякову подобное веселье, вряд ли, пришлось бы по душе. Он был человеком другого сорта. Поэтому если и охотился, то только на самого опасного из всех, двуногого зверя.

Едва гости вошли в кабинет начальника тюрьмы, Сахар открыл дверку офисного стола и извлек из него бутылку ар-

мянского коньяку.

– Как говорится, чай не пил – зачем купил?

Нашлись и рюмки.

– Так, за что же мы выпьем?

Поляков посмотрел на Джека Скотта, который, ничего не понимая, по-очереди тарасился то на одного, то на второго собеседника. Алексей что-то сказал ему по-английски.

– О, е! О, кей!

И иностранец взял рюмку с коньяком в правую руку и поднял ее над головой, всем своим видом заранее выказывая одобрение тому, что происходило в их теплой компании.

– Джек согласился со мной, когда я предложил ему выпить за встречу!

И Поляков, а вслед за ним и Сахар тут же опустошили содержимое рюмок.

– Хорошо живешь! – то ли обрадовался, то ли удивился Алексей, имея в виду необычайное разнообразие и изобилие стола, который Филинчук, уже успев вернуться, принял-ся сервировать, заставляя всевозможной снедью.

– Не жалуюсь, – просто и без тени замешательства ответил Сахар. – Все заработано потом и кровью!..

– Кровью, говоришь?

– А как же! Сколько мне ее жулики да убийцы попортили – никто не знает!

Но Поляков недоверчиво покачал головой.

– Ладно попортили... А могли и... Вот только за проли-

тую кровь в нашем государстве не платят! Ты, ведь, не вчера родился, и тебе хорошо известно, сколько бы русского мужика в войнах не полегло, он от этого лучше жить не станет!

– А ему лучше и – некуда! Я так думаю, что, сколько добра Ивану не делай, он все равно воровать не отучится! У него это на лбу написано!.. А, точнее, на его тупой физиии! И, как следует, работать он тоже не хочет. Ему бы все пить да гулять! Потому и на преступление идет, что путной жизнью не жил и, стало быть, мозгов не накопил. Вот я ему тут их помаленьку, полегоньку и вправляю!..

– Что он сказал, Алекс? – спросил Джек Скотт, который, само собой разумеется, ни слова не понял из разговора двух собеседников.

По со снисходительной усмешкой посмотрел на любопытного боя.

– Да, вот полковник Сахар беспокоится о том, что, не слишком ли мы устали с дороги, и по силам ли нам будет одолеть бутылку коньку прежде, чем мы отправимся на боковую?

– Ответьте, что его опасения на мой счет совсем напрасны! Я – давно уже не мальчик, и вполне контролирую себя!..

Джек Скотт, хотя и держался молодцом, но спиртное, которое он никогда не употреблял даже в малых количествах, уже достаточно сильно ударило ему в голову.

– Скажите, Алекс, а нельзя ли уточнить у товарища Сахара, когда, то самое дельце, ради которого мы сюда прибыли,

наконец, состоится?

– Теперь пришла очередь начальника лагеря, также не блиставшего знанием иностранного языка, слегка призадуматься.

– Мой друг из Америки очень хвалит русское гостеприимство, и интересуется: нет ли в этой бордели девочек?

Сахар сердито нахмурился и обиженно засопел.

– Алекс, о какой бордели говорит этот молокосос?

– А я почему знаю? – казалось бы, искренне удивился Поляков. – Наверно, у них там, в штатах, подобные заведения на каждом шагу встречаются! Для них, где выпивка, там и – бордель с голозадыми девчонками!

Такое объяснение, по-видимому, вполне удовлетворило Сахара. Глубокие морщины на его лбу разгладились.

– Тогда переведите этому юному ловеласу, что у меня здесь образцовая тюрьма, и она – к услугам нашего дорогого гостя из Америки!

Леонид Мартынович снова разлил душистый коньяк в рюмки.

– Рядовой Филинчук! – крикнул он, но, по-видимому, несколько громче, чем требовалось, поскольку преданный ординарец тут же очутился перед ним, вытянувшись по стойке смирно. – Что там у нас сегодня на десерт?

– Желаете клубнику со сливками, товарищ полковник?! Или без?..

Сахар вопросительно посмотрел сначала на Полякова, за-

тем на Джека Скотта. Но те, недоуменно пожали плечами. Первый оттого, что лишь смутно догадывался, о чем велась речь между начальником тюрьмы и его подчиненным, второй, поскольку не знал языка.

– На ваше усмотрение, любезный полковник! – ответил важный гость, и в глазах его вспыхнула и погасла искра жгучего любопытства.

– Разрешите идти?

И Филинчук, отдав честь командиру, снова исчез за дверью.

Едва солдат удалился, Сахар встал из-за стола.

– Вы позволите?

И не дожидаясь одобрения со стороны гостей, он подошел к сейфу, вплотную приставленному к стене, и несколько раз повернул круглую металлическую ручку по часовой стрелке. Затем потянул дверку на себя. Она со скрипом отворилась.

– Прошу вас, господа!

И Сахар указал рукой в глубь сейфа.

– Что за чертовщина?! – не удержавшись, удивленно и вместе с тем немного встревожено воскликнул Поляков.

– Извиняюсь, это, вовсе, никакая не чертовщина! – возразил Сахар. – Прошу вас, смелее, господа!

И, показывая пример, начальник тюрьмы исчез в черном, как ночь, широком проеме распахнутого настежь бронированного сейфа. Вскоре внутри его щелкнуло что-то похожее на выключатель. Вспыхнул свет. Поляков и Джек Скотт

неуверенно последовали за Сахаром. Сделав несколько шагов, они очутились внутри прекрасно мебелированной комнаты с дорогой обшивкой и всеми удобствами, какие имеются в люксовых номерах пятизвездочного отеля с видом на море. Оно было и здесь. Но, чтоб его увидеть, нужно было сделать десяток, другой шагов в нужном направлении... Выйдя из «люкса», Сахар и его гости очутились в коридоре. Проследовали по нему мимо комнат для гостей и, наконец, оказались в просторном помещении, заполненном посетителями. Здесь играла музыка, и слышался звон хрустальных бокалов. Поляков и Джек Скотт прямо перед собой вдруг увидели синие волны с гребнями из белой пены, довольно искусно нарисованные на одной из стен тюремного бара. По ним плыла яхта под парусом. Над ней кружили чайки. Все пространство заливал ослепительный солнечный свет. Видимо, он компенсировал отсутствие естественного света, поскольку ни в гостиничных номерах лагерного борделя, ни в самом баре не имелось окон. Помещение умышленно изолировали от внешнего мира. Его засекретили точно так же, как сделали бы важную государственную информацию строго конфиденциальной из вновь изобретенного сверхмощного стратегического оружия или же, скажем, научного открытия, которое давало бы одной стране преимущество над другими, а, значит, со временем сулило немалые прибыли.

Конечно же, Сахар имел свою материальную выгоду от того, что его оазис в пустыне или, как он выражался, то ли

в шутку, то ли всерьез, реабилитационный центр для некоторых избранных мира сего, а, по сути, для тех, кто имел над ним власть, с недавнего времени успешно функционировал в течение круглого года. Эти пупы земли наведывались к Леониду Мартыновичу поохотиться на диких зверей, порыбачить, пошискарить и взять от матушки-природы все, что только она ни предложит своим чрезмерно избалованным деткам. Но они не гнушались и простыми мирскими удовольствиями. Бар, и в самом деле, удивлял гостей изысканным меню. В него входило не только спиртное, великолепные закуски и блюда, такие, как холодная зайчатина, жареный кабаньей окорок, запеченная утка, кедровые орешки в меду, но и различные шоу. В них непосредственно участвовали те, кто мотал срок в лагере. Это были молодые пташки довольно приятной наружности. Они не носили арестантской робы и вместо этого в такт музыке сверкали заголенными пухлыми задницами на импровизированном подиуме, расхаживая между столиками, и, подсаживаясь к клиентам, чтобы скрасить их досуг и возбудить желание. По ночам обслуживали охотников до романтических приключений, даря им любовь и ласку. Оркестр необычного борделя также состоял из бывших профессиональных музыкантов, которые по воле случая или из-за собственной глупости, корысти, обмана, жестокости и кровожадности, а, возможно, какого-нибудь иного порока преступили закон.

Внешне оставаясь невозмутимым, Поляков сел за пред-

ложенный Сахаром столик цвета слоновой кости, стоявший в самом углу обширного зала. Джек Скотт тотчас последовал примеру старшего товарища. Леонид Мартынович звучно щелкнул двумя пальцами, и тут же, словно из-под земли, перед ним выросла смазливая официанточка, в удачно вписывавшемся в цветовую гамму интерьера, беленьком, точно снег, халатике поверх юбки, больше походившей на набедренную повязку, какую носили наши далекие и мудрые пра-родители.

— А вот и — Жанночка! — имея ввиду чересчур угодливую и на редкость расторопную службу, сказал Сахар, немного прищурившись, словно красота девушки на миг ослепила его.

— Сидит за непреднамеренное убийство сожителя на почве ревности!

Все еще щурясь, начальник лагеря внимательно разглядывал преступницу, словно для того, чтобы лишний раз убедиться в том, что перед ним, действительно, та самая Жанна, о какой велась речь. Под властным и проницательным взглядом Леонида Мартыновича официантка робко опустила свои лукавые и ветреные глазки. Мужчины еще некоторое время изучали немного бледную, почти прозрачную кожу ее лица, густые пряди темных волос, гибкий стан. Наблюдали за плавными и довольно раскованными движениями тонких изящных рук и всем тем, чем щедро наградила ее природа. Но Жанна, без промедления и излишней спешки обслужив

столик Сахара и его гостей, точно также как и появилась, незаметно растаяла в полумгле бара.

– Надо же! Двадцать шесть лет – ей, отроду, и почти половину из них в тюрьме провела! – то ли сожалея об этом негативном факте, то ли удивляясь ему, важно заметил Леонид Мартынович. – С тринадцати лет проституцией занималась. Клиента, пока он спит, по башке бутылкой саданет, потом, как липку обчистит, и – деру!..

– Ну, ладно, ладно! – с пренебрежительной усмешкой прервал своего излишне словоохотливого собеседника Поляков. – Ты мне зубы-то не заговаривай! Скажи-ка, лучше, что тут у тебя за херня такая творится, и как ты до такой жизни докатился?..

– Я докатился!? – в свою очередь неуверенно возразил начальник лагеря.

– Ну, так, не я же! – сквозь стиснутые зубы процедил Поляков.

И в полумраке борделя глаза его загорелись по-волчьи затравленно и злобно.

– Дурдом – у вас здесь какой-то, а не тюрьма!

Сахар с видимым неудовольствием заерзал на своем стуле. Лоб его покрылся мелкими капельками пота. Он как-то по-детски беспомощно и обиженно захлопал белесыми ресницами. Весьма самолюбивый и, как все честные служаки, чрезвычайно чувствительный, равно, как к оскорблениям, так и к похвалам со стороны вышестоящих командиров, Лео-

нид Мартынович благодарил бога, что единственный свидетель его беседы с Поляковым был иностранцем и ни слова не понимал по-русски.

Надо сказать, что в тот момент Джек Скотт лишь краем глаза наблюдал за тем, что происходило за его столиком. В основном все внимание юного американца сосредоточилось на самом борделе. Столиков в нем было не так много, но почти за каждым сидело, где по одному, а где по двое, по трое, а то и по четверо гостей. И лишь в одной компании насчитывалось человек семь-восемь. Казалось, они с трудом разместились за единственным столиком, сплошь заставленным всевозможной едой и початыми бутылками со спиртным. Но это несколько их не стесняло. Компания вела себя очень шумно. Беспреданно взрывалась хохотом. По-видимому, она отмечала какое-то очень радостное событие, которое произошло в жизни одного из тех, кто теперь был в центре ее внимания. Гости беспреданно наполняли бокалы и с тем же успехом опустошали их содержимое. Среди них находилась лишь одна женщина. Наполовину голая, она сидела на коленях одного из мужчин. На первый взгляд они мало, чем отличались друг от друга. Почти все – подтянутые, коротко постриженные, осанистые. В возрасте от тридцати лет и старше.

– Ху из ит? – наивно поинтересовался Джек Скотт, обращаясь к Полякову, и кивнул в сторону интересовавших его клиентов борделя.

– А... ах, эти!.. Киношная элита! – ответил Алексей первое, что пришло ему на ум. – Продюсер, режиссер, сценарист и так далее. Своего рода тутошний цвет Голливуда!

– Как это – здорово, как замечательно! – восторженно воскликнул юный американец.

Он изрядно захмелел после выпитого и все, что окружало его, видел только в розовом цвете. В лагерном борделе ему нравилось исключительно все. И сотни оплывших свечей в серебряных подсвечниках, и оркестранты с наголо бритыми головами, и голозадые молоденькие кобылицы, ритмично вихляющие бедрами, и взад, и вперед снующие между столиками. Одна из них, с копной рыжих волос, вплотную приблизилась к Джеку и, словно малого ребенка, ласково погладила его по голове обжигающей, как раскаленные уголья, ладонью. От ее прикосновения у него по спине пробежала ошеломляюще приятная дрожь. Юноша, конечно же, был бы не против того, чтобы продолжить знакомство с рыжей распутницей, но Сахар так цыкнул на нее, что она тут же ретировалась, тотчас оставив в покое объект своего пристального внимания.

– Ху из ит? – снова спросил Джек Скотт, явно польщенный тем, что прелестница проявила к нему особый интерес, как к мужчине.

И американец вопросительно посмотрел на Леонида Мартыновича. Тот, видимо, не понимая вопроса, пожал плечами.

– Джек спрашивает, кто – эта вертихвостка? – перевел По-

ЛЯКОВ.

– А!.. Лола?.. Она – бывшая наркоманка! Сама наркотой, сучка, баловалась, да еще и приторговывала ею же... Вот и схлопотала по пятое число! Хе-хе!..

Американец, затаив дыхание, ждал, что скажет По.

– Гм... Она – хотя и молодая, но очень талантливая актриса, подающая большие надежды!

– Вообще-то это очень странно, что ваши киношники в тюрьме тусуются! – засомневался Джек Скотт.

– А, где же им еще опыта набираться, как не здесь! – возразил Поляков. – Чтобы крутойщину синему снять, сам, старик, понимаешь, надо, как следует с материалом ознакомиться!.. В роль, так сказать, войти!

Доводы По показались американцу довольно убедительными.

– У вас тут, в России, даже больше демократии, чем я думал! – восхитился Джек.

– Да, уж, в чем другом, может быть, и – нет... А в этом, само собой, мы вашу насквозь провонявшую томатным соусом и гамбургерами Америку давно переплюнули!

При слове «демократия», произнесенном на английский манер, заметно расстроенный Сахар помрачнел еще больше прежнего. Как он ни старался, чтобы не выказывать своих истинных чувств, но у него это плохо получалось. Критику Полякова в свой адрес Леонид Мартынович считал несправедливой. Ведь не ему первому пришла в голову гнилая мыс-

лишка о том, чтобы, чем попало запудривать и без того тупые мозги оголтелых российских обывателей. Конечно же, в свое время Поляков поймет, как горько он ошибался в Сахаре.

— Я думаю, что нам есть о чем потолковать по душам! — глухо, почти угрожающе, произнес Алексей.

При этом он явственно увидел, как Леонид Мартынович вдруг побледнел и весь съежился, словно перед лицом смертельной опасности. Ему, наверное, казалось, что теперь Поляков возненавидел его сильнее, чем своего самого злейшего врага. И Сахар не ошибался. У Алексея вдруг все закружилось перед глазами: пламя заплывших желтым воском свечей, сцена с оркестрантами, полуголые девки, столики из натурального дерева цвета слоновой кости, за которыми беззаботно веселились неизвестные люди. Они мелькали перед ним однообразной пошлой и нелепой каруселью. Он бездумно тыкал вилкой в тарелку, напрасно пытаясь подцепить довольно аппетитный кусок жаркого. В его мозгу прочно засела одна-единственная и ужасная мысль: схватить начальника лагеря за горло и задушить его прямо здесь в тюремном борделе. Он заслужил такой конец! Предатель! Он превратил лагерь в публичный дом! Как посмел?! Как мог?! Кто ему позволил?! Перед мысленным взором Полякова в одно мгновение промелькнула вся его жизнь, полная отчаянной борьбы и суровых лишений. Втайне он всегда гордился тем, что сильные мира сего поручали ему самые ответственные

и рискованные задания. И Алексей, пренебрегая опасностью и в любой момент готовый к тому, чтобы пожертвовать собой ради общего дела, с блеском справлялся с теми трудностями, которые оказывались не под силу другим. Он был и оставался суперменом и героем, что жил во имя какой-то высшей цели. И эта мысль давала ему силы и мужество, чтобы бороться дальше. Краем уха Поляков слышал об извращенцах, которые не переводились там, где чувствовался запах сытой вседозволенности. Это его мало беспокоило. Ко всякому роду слухов и сплетен он относился с равнодушием, полным откровенного презрения. Он никогда не думал, что однажды вот так лицом к лицу вдруг столкнется с лицемерием и обманом, что заставят пошатнуть в нем веру в самого себя и в тех, кто стоял за ним, диктовал свою волю и вершил судьбами миллионов людей. Поляков едва справился с собой, чтобы немедленно не расправиться с Сахаром и не уничтожить весь этот рассадник зла. Останавливало Алексея лишь сознание того, что в одиночку ему, вряд ли, справиться с людьми, которые его окружали и, наверняка, имели при себе оружие.

Сахар с тревогой следил за Поляковым. Он ожидал самого худшего, что вполне могло произойти, если бы Алексей вдруг не смог совладать с собой... Но ничего из ряда вон выходящего не случилось! Леонид Мартынович вздохнул с облегчением, когда понял, что та несомненная угроза, которой он подвергался в эти несколько минут, слава богу, как будто бы миновала. Трясущейся от пережитого волнения рукой

он молча разлил по бокалам что-то из бутылки, стоявшей к нему ближе всего и, не приглашая гостей, буквально влил в себя обжигающую жидкость. Поляков выпил тоже, в то время как Джек Скотт, воспользовавшись тем, что на него никто не обращал никакого внимания, встал из-за стола и схватил за руку Лолу, которая в это время, старательно вихляя задом, курсировала неподалеку от него. Девушка на секунду замедлила шаг и широко и открыто улыбнулась иностранцу. Взгляд ее был многообещающим. Довольный этим Джек Скотт без особенного желания выпустил руку Лолы, которая, словно дикая зверушка, по собственной прихоти едва не ставшая добычей лесного браконьера, тут же, юркнув куда-то, пропала в полумраке бара. Бой вернулся на свое место за столиком. Хмуро глядя на него, Поляков уже пожалел о том, что связался с сопляком, с целью приручить, и наврал ему с три короба о том, чего не было в действительности. Однако, чувствуя, что мальчишка, который приходился сыном запредельно состоятельному гринго и потому считал, что ему все дозволено, липнет к нему, как банный лист, Поляков слегка перестарался. Зная о страсти Джека Скотта к русскому искусству, которую тот унаследовал от своего прародителя, Алексей солгал. Он сказал юному джентльмену, что из Москвы они напрямик направятся на место будущих съемок фильма. И Джек охотно повелся на байку Полякова. Глупый молокосос чуть не спятил от восторга, когда до него дошло, что он своими глазами, возможно, увидит

игру великолепных актеров, занятых в русском, как предупредил Алекс, весьма мрачном триллере. Он даже вкратце рассказал сюжет. Мол, двое заключенных бегут из тюрьмы. На их поиски немедленно отправляется тюремная рота...

Все так и получилось на самом деле. Людоед и Самосвал бежали из лагеря накануне прибытия Полякова и Джека Скотта. Что это было? Роковая случайность? Узнав о побеге, Сахар решил, что излишняя спешка только навредит делу. Поэтому посчитал, что погоню за беглецами лучше снарядить на следующее утро. В самом деле, куда они денутся, когда кругом – лишь тайга да болота? Поэтому на самом деле, ни о каком искусстве речи не велось. Алексей от себя лично отдал тайный приказ Сахару о том, чтобы тот устроил побег двух уголовников. Зная влияние Полякова во властных структурах, Леонид Мартынович сделал бы все именно так, как ему сказали. Он, конечно же, не известил бы о случившемся свое непосредственное начальство. И это, в некотором роде, поставило бы под угрозу его собственную карьеру. Что ж делать? Сахар рассчитывал на благодарность со стороны Алексея. А она чего-то да стоила! Но, увы, как ни странно, все произошло как-то само собой, помимо воли Леонида Мартыновича, и было ему не на пользу, а, как раз, наоборот. И не потому, что, как уже говорилось, грозило ему серьезными нареканиями со стороны начальства. А больше из-за того, что он потерял контроль над ситуацией. А, значит, перестал быть полновластным хозяином соб-

ственной тюрьмы!.. Словно в подтверждение этому он замечал, как Поляков мрачнел все больше и больше. Казалось, он едва сдерживался, чтобы не наговорить всяких гадостей Леониду Мартыновичу. Полуголые девицы, сытые и самодовольные лица гостей борделя, как предполагал Поляков, скорее всего, занимавших довольно высокие посты в государстве были ему омерзительны. Пожалуй, в тот момент они казались ему уродливыми карликами. Но хуже всего было то, что и самого себя он тоже ощущал отвратительным уродом. И все его героическое прошлое, которым еще недавно Алексей втайне так гордился, виделось ему теперь ничтожно мелким и не заслуживающим никакого внимания.

– Еще – по одной? – неуверенно предложил Сахар.

– Вот даз хи вонт? – икая, поинтересовался Джек Скотт.

Словно очнувшись ото сна, Поляков с недоумением посмотрел на американца.

– Как это – чего?..

Алексей на секунду задумался.

– Полковник Сахар хочет знать, не перебрал ли ты лишку и не в тягость ли тебе – наше застолье?

– О, ноу!

Это восклицание Сахар воспринял, как отказ американца от очередной порции алкоголя и налил коньку лишь Полякову и себе. Но Джек Скотт был так пьян, что даже не заметил этого. Он тупо смотрел в одну точку, видимо, не совсем понимая, что происходило вокруг него. Поляков вовсе не пре-

следовал цели, чтобы до бесчувствия напоить боя. Но все получилось именно таким образом, а не иначе. И ничего исправить было уже нельзя. Тем не менее, у Алекса мелькнула мысль, что так даже лучше. Джек Скотт не заподозрит неладное. Наивный и доверчивый, как все молодые люди, он верил Алексу По, даже больше, чем самому себе. Наутро он воспримет погоню за беглецами, в которой им обоим придется принять участие, как нечто весьма схожее со сногшибательным русским боевиком! Или с генеральной репетицией перед его съемками. Ведь Джек так горел желанием очутиться в гуще событий. Там, где будут и уголовники-головорезы, и смелые и отчаянные русские копы, и стрельба.

Выпив рюмку коньяку, Сахар налил новую, надеясь, что на сей раз Поляков поддержит его компанию. Но попытки Леонида Мартыновича задобрить гостя и сделать их застолье более приятным для общения не привели к желаемому успеху. Алексей молчал и лишь изредка бросал косые и неодобрительные взгляды на начальника тюрьмы. Такая холодность со стороны важного гостя приводила Сахара в отчаяние. Непрístupный, как стена, Поляков, казалось, не замечал, как Леонид Мартынович беспокойно елозит на стуле и только и ждет подходящего момента, чтобы объяснить с Поляковым. Так сказать, снять груз с души. Собственно говоря, и груза-то никакого не было. Просто Сахар ужасно боялся за свою, как он считал, счастливую судьбу и благополучную карьеру. А Поляков, благодаря которому, Лео-

нид Мартынович в свое время стал начальником лагеря для осужденных, при желании в два счета мог снять его с занимаемой должности. Для Сахара это было бы равносильно смерти. К слову сказать, разве, он был виноват в том, что однажды к нему с должностной проверкой прибыл генерал Дубасов? После ее окончания, за рюмкой водки, он похвалил начальника лагеря за отменный порядок и хорошие условия для содержания заключенных. Также, за отсутствие чрезвычайных происшествий, умеренный бюрократизм, когда досье на заключенных, бухгалтерская отчетность и прочая макулатура не заслоняла живого человека. Эта откровенная лесть, уж, очень пришлась по душе Леониду Мартыновичу. Потеряв бдительность, он похвастал перед генералом по поводу того, что являлся ярким последователем Макаренко. Мол, для него, полковника Сахара, лагерь был, все равно, что дом родной, да и трудновоспитуемых он любил не меньше, чем собственных детей. Тем более, что таковых у него, пока что, не имелось... Леонид Мартынович старался, чтобы жизнь осужденных в заключении не была лишена приятных бытовых мелочей и некоторого тепла и уюта. Вообще, чтобы она, как можно, более походила на все то, что ежедневно происходило со свободными гражданами на воле.

– Так, уж, и впрямь, как на воле? – усомнился генерал.

– Вот именно! – с воодушевлением воскликнул начальник тюрьмы.

Он не заметил, как при этих словах в глазах Дубасова, по-

хожих на два темных рубина, неожиданно вспыхнули и погасли странные искорки, как все холеное лицо генерала озагорилось изнутри каким—то мятежным и таинственным светом, словно внутри его черепной коробки кто-то разжег костер.

— А вот, например, хорошенько отдохнуть, повеселиться, так сказать, снять стресс тут у вас совершенно негде! — сокрушенно покачал головой Дубасов.

Вне себя от изумления Сахар несколько раз ткнул вилкой мимо тарелки с сельдью в маринаде.

— Так ведь, товарищ генерал, заключенные же! Им и того, что имеется, вполне достаточно, — робко возразил Леонид Мартынович.

— Да, не об заключенных — речь! — рассердился Дубасов. — Я имею ввиду лично вас и офицерский состав. Себя, наконец. Я, ведь, к вам в гости-то еще не раз наведуясь. Поохочусь на дикого зверя. Поишкарю, может быть. Служба-то, она, братец ты мой, ой какая утомительная штука. Да, не мне тебе рассказывать. Сам все прекрасно понимаешь! Так, что к следующему моему приезду, уж, будь любезен, организуй мне отдых по полной программе. Детали мы с тобой обсудим подробнее... Но это — попозднее. Деньжат на эти благородные цели я тебе тоже подброшу. Все дело — только за тобой!

— Да, я... Все — что только в моих силах, товарищ генерал!

— Вот-вот, любезный! А-то, ведь, на твое место желающих, поди, немало найдется!..

Сахар наморщил лоб, тщетно соображая, для чего Дубасову на зоне, которой заведовал Леонид Мартынович, какой-то непонятный санаторий понадобился.

– А, разрешите вопрос задать, товарищ генерал? – наконец, после пятой рюмки водки храбро спросил тюремщик.

– А чего – там! Задавай свой хренов вопрос!

Сахар решительно сдвинул брови.

– Я, конечно, товарищ генерал, в сравнении с вами мужик неотесанный, всю жизнь в лагере провел, а цивилизованной не жил...

– Ну, будет тебе мямлить! – возразил Дубасов. – Говори прямо, в чем – проблема?

– Да, не проблема! Боже упаси! А непонятка кое-какая... есть...

– И – что?! Что за непонятка?!

Генерал, слегка привстав со стула, вновь опустился на него.

– ...Никак у меня в голове не укладывается, на что мой лагерь вам дался? Кругом – глушь таежная, топи непролазные... А, между тем, на земле столько райских уголков имеется! Я вот, например, про Караибские острова я слышал

– Да, на фиг мне твои острова вместе с Робинзоном Крузо нарисовались?

И генерал с размаху грохнул по столу здоровенным кулачком.

– Ты пойми, тараканьи твои мозги, что на эти, чертовы,

курорты едут вместе с женой и детьми! Какой же это – отдых? Там нашего брата и без того кишмя кишит, плюнуть некуда! А мне их пакостные рожи на службе, ох, как опротивели! От них хоть на край света подавайся, все одно они за каждым твоим шагом следят. В нужниках жучки для прослушивания прямо в унитазы ввинчивают, мерзавцы! А у меня – секретная работа. Мне вопросы решать надо без посторонних ушей и глаз. И отдыхать – то же самое! Где – там!.. Секс и то скрытой камерой пишут. Компроматы один на другого сочиняют, чтобы преимущество за собой иметь. Во как, брат, ты, мой! А здесь я, вроде, как и – на работе, и, в тоже время, на отдыхе нахожусь!.. Понял меня теперь?!

Сахар был пьян, но не настолько, чтобы упустить из виду цепочку последовательных рассуждений, которые убедительно излагал Дубасов. Леонид Мартынович даже нашел ее очень оригинальной. Тем не менее, сама затея ему откровенно не понравилась. Из хозяина лагеря она превращала его в генеральского шута, для которого работа с заключенными становилась делом второстепенным.

Все свои соображения по этому поводу Сахар немедленно изложил бы Полякову, не будь тот на него так зол. Откуда Алексею было знать, что Леонид Мартынович – лишь пешка в чужой игре!.. И имеет к тому, за что, как он считал, незаслуженно получил изрядную выволочку от Полякова, только косвенное отношение... Начальник лагеря недооценивал Алексея. Как и всякий профессиональный развед-

чик, он отлично ориентировался в любых самых сложных ситуациях, в каких довольно часто оказывался по воле того или иного случая, и всегда с честью выходил из них. Вот и теперь, после, своего рода, разговора «по душам» с начальником тюрьмы, короткого, но, к слову сказать, довольно содержательного, Поляков не торопился с кардинальными выводами насчет тюремного борделя. От его пристального внимания не ускользнуло то, что чрезвычайно расстроенный Сахар все порывался сообщить ему что-то очень важное. Алексей умышленно не дал начальнику лагеря такой возможности. Он ждал, что очень скоро все разъяснится само собой. Как говорится, лучше было один раз увидеть... И не ошибся.

– На завтра все готово? – спросил Поляков, обратившись к Сахару.

– Так точно! То есть, я хотел сказать...

Леонид Мартынович остановился на полуслове оттого, что в это время к их столику медленной и тяжелой походкой подошел один из восьмерых гостей бара, сидевший к ним спиной, тот самый на коленях которого пригласилась ласковая кошечка из борделя. Он положил крупную ладонь на плечо Полякова. Тот медленно повернул голову в сторону незнакомца.

– Не ожидал, брат?

Какими бы стальными ни были нервы у Алексея, но от неожиданности он, и в самом деле, едва не опешил.

– Товарищ генерал?!

Поляков вскочил на ноги и вытянулся по стойке «смирно».

– Да, сядь ты, в конце концов! Мы – не на плацу, и – не в ведомстве....

Алексей снова сел за стол. Дубасов также последовал его примеру. Никого не приглашая для того, чтобы составить себе компанию, он налил выпивку в одну из пустых рюмок и с видимым удовольствием и какой-то необыкновенной легкостью влил умопомрачительное зелье в свое горло. Потом, словно требуя всеобщего внимания, поднял палец кверху. Он держал его так секунду или две.

– О, упала!

Генерал удовлетворенно крикнул. Подцепив вилкой соленый грибочек, он довольно деликатно отправил его в свой рот, в который, казалось бы, при желании легко поместилась четверть жареной индейки, а то и молочного поросся.

– Не ожидал вас здесь увидеть! – сквозь зубы процедил Поляков, стараясь не смотреть Дубасову в глаза.

– Не ожидал?! – с сомнением переспросил тот.

– Никак нет!..

– Ты знаешь, Поляков, как я беспокоюсь за благополучный исход нашего общего дела, – негромко и немного таинственно сказал Дубасов. – Поэтому я решил, что в этот ответственный момент мое присутствие здесь – просто необходимо! Разве, я не прав?

Алексей неуверенно пожал плечами.

– Вы боитесь, что самому мне не справиться?

В тоне, каким спросил об этом Алексей, генерал услышал нотки тщательно скрываемой обиды и откровенного недовольства.

– Ты, брат, не обессудь, но для меня успех операции – важнее твоих служебных амбиций!

Дубасов подхватил вилкой еще один грибок и, прежде, чем его съесть, добавил:

– Просто, я решил тебя подстраховать!

– Ну и на том, спасибо! – невозмутимо сказал Поляков, уже вполне придя в себя после легкого потрясения, которое он испытал минуту или две назад.

А, точнее сказать, сюрприза! Именно сюрприза, словно пачка панировочных сухарей к столу именинника, преподнесенного ему своевольным и непредсказуемым военачальником. О том, что так ли этак, но подобное обязательно случится, он заранее, еще до отбытия в лагерь заключенных, хоть и смутно, но все же предполагал.

– За удачу! – немного торжественно и все также таинственно провозгласил свой очередной тост Дубасов.

Они выпили вдвоем, не обращая никакого внимания на мелодичный храп Джека Скотта, который крепко спал, откинувшись на спинку стула.

Еще какое-то время Юрский плыл вдоль берега озера, сознательно, все более удаляясь от своих товарищей. Это был единственный путь к спасению. Оставаясь недостижимым для Ковалева, он рассчитывал, что вскоре поможет геологам. С помощью него Артемьев и остальные таежники, наконец, вырвутся из цепких лап этого отчаянного мерзавца Эрнеста и обретут желанную свободу. Николая страшно беспокоила мысль о Насте, жизнь которой точно так же, как и жизни других геологов была в опасности. Он мечтал, как снова встретится с ней, прижмет к своей груди, и уже больше никогда и ни при каких обстоятельствах их пути не разминутся. «А что если им больше не суждено свидеться?!» — с горечью думал он. И Ковалев, который приложил все усилия, чтобы разлучить Николая и Настю, безусловно, пойдет на все, чтобы одержать над ними верх. Он без малейшего колебания лишит жизни обоих, лишь бы отомстить за то, что вопреки его воле девчонка досталась не ему, а его более счастливому сопернику. И не только поэтому...

Справедливый гнев на Эрнеста Ковалева придавал Юрскому сил, и он отчаянно греб обеими руками. Ладони его поочередно и вместе с тем стремительно взлетали кверху и опускались вниз, рассекая зеркальную гладь. Но скалы, отвесно поднимаясь из воды, словно каменные постовые, ка-

залось, бдительно стерегли озеро, как будто бы опасались за судьбу того, что скрывалось на самом его дне. Николай проплыл уже более полукилометра, но так и не нашел положого спуска к воде, где он без труда выбрался бы на берег. Геолог изрядно устал. На время он прекратил плыть, чтобы немного передохнуть и попытаться ногами нащупать дно... Но попытка оказалась тщетной!.. Тогда, набрав воздух в легкие, Николай погрузился в омут, как можно, глубже. К своему ужасу он не обнаружил под собой никакого даже слабого намека на присутствие дна. По-видимому, вода и впрямь заполняла невероятно глубокую впадину. Берег странного озера был пологим лишь с той стороны, где в него впадала Быстрая речка. Именно там теперь находились Артемьев и его команда. Но Николай предпочел бы утонуть в озере, нежели возвратиться назад. Это означало бы сдаться на милость Ковалеву, а значит предать своих товарищей. К тому же, чтобы очутиться возле устья Быстрой речки, нужно было преодолеть немалое расстояние! Такая задача могла оказаться ему просто не по силам!..

Насколько позволял обзор, геолог окинул безнадежным взглядом непрерывную череду скал. В блеске солнца они походили на громадные красноватые языки пламени, высовывавшиеся из воды. Казалось, достаточно слабого дуновения ветерка и тогда... Подстерегавшая всюду опасность до предела взвинтила нервы Николая. Ему стало страшно, когда перед его мысленным взором на миг невольно предстало,

как огонь, как будто бы гигантское чудище, и в самом деле медленно и верно стал подниматься со дна озера. Он быстро разрастался до невероятных размеров, обдавая все вокруг своим невыносимым жаром... Возможно, из-за временного помутнения рассудка, геолог и впрямь перестал отличать реальное от воображаемого. И все же, то, что он себе нафантазировал было так впечатляюще, что Николай, грезя наяву, даже вскрикнул от ужаса и восторга одновременно!.. Ему вдруг взаправду показалось, как жадные языки огня, метнувшись кверху, разом слизали стаю летевших в небе птиц. Затем принялись за облака. Еще немного и они вдруг заполнили собой и поглотили все небо! О, боже! Не выдержав его адского напора, небо ужасно задрожало, заклокотало, и, оглушительно гроыхнуло, как пороховой погреб. Высветившись до дна, оно с удвоенной силой бешено занялось адским пламенем вместе с солнцем и в последний раз сверкнувшими в его лучах каплями дождя, радугой, слабо обозначившимися контурами месяца и далеких планет!.. «Нет, нет! Только – не это!» – едва не закричал Николай, тщетно борясь с одолевавшими его бредовыми виденьями. Ему вдруг стало невыносимо горячо. Часто захлопав ресницами, он перестал различать вокруг себя какие бы то ни было предметы, словно очертания всего сущего на земле окончательно стерлись, навеки погрузившись в неистовую огненную стихию... Николай отчаянно забил руками по воде, что-то опять закричал. «Я схожу с ума!» – подумал он. Но так продолжалось

минуту или больше... Потеряв силу, вскоре пламя, обратившее все вокруг в витающий повсюду пепел, стало постепенно угасать. А еще через какое-то время от бушующего прежде небесного зарева остались одни лишь слабые искорки. Их становилось все меньше и меньше... И по мере их угасания стремительно и неотвратимо над озером стал сгущаться сумрак... А вслед за ним вместе с последним проблеском света... вдруг разом... наступила беспросветная ночь, похожая на тоскливую и полную отчаяния безысходность...

Юрский внезапно почувствовал, как против воли веки его смежаются, все тело наливается тяжестью, и он постепенно теряет сознание... Николай едва не захлебнулся. Закашлявшись, с трудом перевел дыхание. Это заставило его прийти в себя. Холодная озерная вода все больше сковывала его движения. Жар вдруг сменился ознобом. Для того чтобы хоть немного согреться, Николай решил, что, преодолевая дикую усталость, поплывет дальше. Но силы его были на исходе. Кровь бешено стучала в виски, подстегивая мозг к активной работе. Лихорадочно соображая, Юрский искал единственно возможный путь к спасению. Но все было напрасно. Ощущая, как его тело все больше тяжелеет, он приготовился к худшему. И в то время, когда мысленно он уже готов был попрощаться с жизнью, в его памяти словно золотая рыбка из темных озерных глубин, сама собой вдруг всплыла карта местности. Николай, как будто бы, держал ее в руках прямо перед собой и отчетливо видел все изгибы береговой линии

треклятого озера.

— Ну, конечно же э э э! — осенило вдруг пловца. — Это вон там а а ам!

Незаметно для себя он произнес это вслух, и Зеленая долина, ловя каждое его слово, ответила ему многократным эхом. Чтобы заранее наметить для себя путь, по которому ему предстояло проплыть примерно еще около двухсот метров, Николай указал рукой нужное направление. Он отправится не вдоль скалистого берега, а напрямки к тому месту, где рельеф наступал на водоем, почти до самой середины разделяя его надвое, и, по обе стороны от себя образуя нечто вроде двух различных озер. Этим самым он значительно сократит время своего пребывания почти в ледяной воде и избежит неминуемой гибели... Словно рука помощи, протянутая свыше, береговая коса стрелой вонзалась в зеркальную гладь. С течением времени вода подтачивала ее основу и методично разрушала, пытаясь, раз и навсегда поглотить, затянув в бездонную пучину. Но окончательно ей это до сих пор так и не удалось. Она, по-прежнему, была все также несокрушима и примерно на полметра, а местами и более того возвышалась над водой. Для Николая она являлась своеобразным остовом спасения, на который еще никогда не ступала нога человека.

Юрский, наконец, почти достиг твердокаменного гребня. По разные стороны от него прямо из воды повсюду торчали островки. Николай без труда взобрался на один из них.

Вздых облегчения вырвался у него из груди, когда он без сил повалился на гладкую и скользкую, как лед, глыбу площадью, примерно, около шести квадратных метров и тут же уснул.

Глава вторая

1

Наутро рота солдат выстроилась на плацу. Собаки в возбуждении громко гавкали, ожидая того момента, когда, взяв верный след, и, едва сдерживаемые кинологами, ринутся погоню за беглецами... Зэки в лагере меж собой шумно обсуждали предстоящий спектакль.

– Захому́тают их! Век воли не видать, враз захому́тают! – утверждал один.

– Ну, уж, это кому больше халявы достанется, тот того и поймет! – возражал другой. – Тайга – это тебе не тараканий геморрой!.. Есть где на дно залечь!

– Ты чо гонишь? – встревал в бесполезный спор третий. – В бородатой все норы и шлепалы считанные! По ним мусорня любого беглого вычислит!..

Известие о бегстве Людоеда и Самосвала и зверском убийстве караульного на лесоповале, основательно встрянуло жизнь в лагере. Одного лишь осужденные не понимали до конца: почему тюремный начальник не выслал погоню вслед беглецам незамедлительно и предпочел сделать это лишь на следующий день. «Что – это: дурь ментовская или Сахар спецом воровским ногам разбег дал, чтобы их ума-

ять, а потом в угол загнать?» — недоумевали уголовники. Но этот вопрос повис в воздухе, поскольку, по вполне понятным причинам, вряд ли, кто-то, даже из отъявленных мазуриков смог бы ответить на него что-либо вразумительное. Сахар прекрасно понимал, что, пока не изловит беглецов, разговоры на эту тему еще долго не исчерпают себя. Поэтому Леонид Мартынович горел неизбывным желанием, которое заключалось в том, чтобы поскорее схватить убийц несчастного караульного и раз навсегда закрыть опасную тему. Ведь, если слухи о беглецах дойдут до его непосредственного начальства, то на бедную голову Леонида Мартыновича свалится немало бед.

Группа захвата уже битый час топталась на плацу совершенно в бездействии, но Сахар все еще почему-то медлил.

— Нарочно оттяжку дает, чтобы круче по следу пошли! — оправдывали солдаты нерасторопность своего командира.

Операция предстояла довольно рискованная, так как у убийц имелся автомат Калашникова с полным магазином патронов и резервным в придачу. Поэтому караульные, привыкшие иметь дело с теми, кто не мог им дать сдачу, храбрились, как могли, поддерживая боевой дух товарищей, и всячески возносили на недостигаемую высоту авторитет того, кто возглавит погоню за преступниками. Только по-настоящему сплотившись вокруг своего командира, они почувствовали бы себя увереннее и сильнее.

— Да, наклюкался он вчерась, как... — по секрету сообщил

один из рядовых. – Гость к нему какой-то важный из Москвы пожаловал!

Это реплика немало развеселила солдат.

– Обычное дело! С кем не бывает! – с пониманием и снисходительной усмешкой у рта отзывались одни о гостеприимстве начальника лагеря. – Может эта столичная персона жалование нам прибавит да кормежку улучшит!..

– Ага, раскрывай зевальник пошире! – презрительно надсмехались над ними другие. – Он тебе как раз в него и отошьет, чтоб в нужник зазря не бегать!

Встреча с Поляковым сильно утомила Леонида Мартыновича. Уже поздно вечером расставшись с гостем, он тут же отправился на боковую в свою комнатенку. Но едва его голова коснулась подушки, в дверь постучались. По личному распоряжению Сахара во время отдыха никто и никогда из служащих не имел права его беспокоить, если только в лагере не приключалось каких-либо чрезвычайных происшествий. Но даже в этом случае на страже покоя своего командира всегда стоял верный Филинчук. Он первым докладывал обо всем начальнику лагеря. Именно так случилось и на этот раз.

– Ну, что там еще за!.. – уже сквозь сон недовольно пробурчал Леонид Мартынович. – Колись быстрее и проваливай ко всем чертям! Я, ужас, как спать хочу!

– Человека нашли, товарищ полковник! – негромко сообщил Филинчук. – Прямо возле лагеря околачивался да на наш патруль нарвался...

– Ну, и нарвался! А я-то тут – причем?!

– Что прикажете с ним делать, товарищ полковник?

После выпитого Сахар плохо соображал, поэтому, справедливо решил, что утро вечера мудренее. С трудом ворочая языком, он произнес несколько неразборчивых фраз, из которых Филинчуку примерно стало понятно следующее... Известного нужно было накормить, если требуется, оказать медицинскую помощь, а затем запереть в одиночной камере.

– Но, товарищ полковник, пленный утверждает, что у него для вас есть сообщение чрезвычайной важности! – продолжал Филинчук. – С младшими офицерами говорить отказывается и настаивает, чтобы, как командир части, обладающий наивысшими полномочиями, вы непременно его выслушали... Мол, речь идет о жизни и смерти!

Сахар с трудом заворочался в постели, тяжело завздохал. Затем сел на кровать, тщетно прилагая усилия, чтобы привести в порядок собственные мысли. Но это ему плохо удавалось. В голове его гудело, как будто бы в ней поселился пчелиный рой. От ужасной тошноты и боли в висках Леониду Мартыновичу стало дурно. Раздражаясь все больше и больше, он тупо и озлобленно посмотрел на человека, стоявшего в проеме двери, но вместо преданного ординарца увидел лишь его расплывчатые контуры. «Что-то не похож он на Филинчука!» – решил про себя Сахар. Подозрение мелькнуло на его лице: какой-то неизвестный врывается к нему в ком-

нату посреди ночи и требует непонятно чего. Это вконец вывело начальника лагеря из себя.

– Ты – кто?! – в тихом бешенстве спросил он.

– Рядовой Филинчук! – изрядно заробев, ответил ординарец.

– Ты – не Филинчук, ты – болван!

– Так, точно, товарищ полковник! Разрешите идти?..

Но утвердительного ответа, увы, не последовало, поскольку Леонид Мартынович, повалившись на кровать, тотчас уснул мертвецким сном.

Наутро Сахар пробудился полон сил и энергии. Пил он так редко, что можно с уверенностью сказать, что вообще не пил. Вчерашнее же застолье было не в счет, поскольку Леонид Мартынович ни за что не отказал бы Полякову и в более радушном приеме. Но, как бы то ни было, к большому его сожалению, вывод напрашивался сам собой: вечеринка откровенно не удалась. Сахар не предполагал, что Алексей так болезненно отреагирует на то, что теперь творилось в лагере для заключенных. Но жизнь течет, и все меняется. То, что в прошлом было недозволительным и наказуемым под угрозой расстрела, сегодня становилось нормой.

Сахар отдал приказ, чтобы роту, которая отправлялась на поиски беглецов, выстроили на плацу. Он послал Филинчука за Поляковым, чтобы тот вместе с ним присоединился к солдатам и кинологам с собаками. Но Алексей опередил начальника лагеря и наведлся к нему первый.

– Пора! – сказал Леонид Мартынович.

– А, что за шум был ночью в бараке? – как бы, между прочим, поинтересовался Поляков. – Я, уж, думал беглецов наших без нас поймали!

Филинчук, который стоял навытяжку тут же, выражая готовность к тому, чтобы выполнить любой приказ вышестоящих командиров, выразительно посмотрел на Леонида Мартыновича. Крепко усвоив урок прошлой ночи, он не решался на то, чтобы напомнить Сахару о человеке, который неизвестно для какой надобности ходил вокруг лагеря, словно ища лазейку, чтобы попасть в него, до тех пор, пока его не схватили караульные. Но, в силу известных обстоятельств, Леонид Мартынович, по-видимому, не помнил, как Филинчук пришел к нему с докладом поздно ночью. Поэтому, в свою очередь, он вопросительно посмотрел на ординарца, про которого ходили слухи, что он даже спал с открытыми глазами, лишь слегка припустив веки, и потому до мельчайших подробностей всегда был в курсе всего того, что творилось в лагере.

– Разве, был какой-нибудь шум?! Почему я ничего не слышал?!

Филинчук немного побледнел, сильно сомневаясь в том, что он поступит правильно, если правдиво обо всем расскажет в присутствии не только Сахара, но и Полякова. Возможно, эта информация была не для всех, а предназначалась только начальнику лагеря...

– Да, не то, чтобы – шум! А – так!..

– Что значит «так», рядовой Филинчук?! – рассердился Леонид Мартынович.

– Немедленно выясните, в чем там дело и доложите мне!

– Постойте! – вмешался Поляков. – Я думаю, что нам стоит выяснить это всем вместе!

– Ну, раз вы так считаете! – неохотно согласился Сахар.

Совершенно сбитый с толку, он не понимал, для чего Алексею было выяснять причину какого-то там ночного шума? Если бы произошло что-нибудь серьезное, то ему, как начальнику лагеря, доложили об этом в первую очередь.

Так или иначе, но полковника Сахара ждал небольшой сюрприз. Следуя за Филинчуком, они вскоре прибыли в дежурную часть тюремного помещения.

– Проведите нас к задержанному! – сказал ординарец молоденькому розовощекому ефрейтору, даже в мундире скорее походившему на красную девицу, чем на солдата внутренних войск. – К тому, что поступил к нам прошлой ночью!

Не говоря ни слова, дежурный извлек из ящика громоздкого казенного стола, мало походившего на письменный, связку ключей от тюремных камер и решительно направился по коридору длинного и сырого барака, где все остальные сильно перебивал отвратительный запах плесени.

Металлическая дверь одиночной камеры жалобно заскрипела, и в ее полумраке начальник лагеря и те, кто его сопровождал, увидели человека, сидевшего на привинченной

к полу и сверху застеленной струганными досками железной кровати. Когда все трое переступили порог, дверь за ними тотчас закрылась. Узник встал со своего мало пригодного для полноценного отдыха ложа, чтобы приветствовать посетителей.

– Рядовой Филинчук! Как это понимать? – бешено вращая зрачками, прохрипел полковник Сахар.

Он едва сдерживался, чтобы не съездить ординарцу по физиономии.

– Так, ведь, товарищ полковник, вы вчера сами мне приказали, чтобы этого человека до утра заперли в одиночную камеру!

– Я?!! В камеру?!

Леонид Мартынович наморщил высокий лоб. Он тщетно припоминал, отдавал ли подобный приказ на самом деле? И хотя ничего так и не вспомнил, вслух сказал:

– Ах, да! Ну, конечно же! Вот гадский склероз!..

Полковник Сахар добродушно усмехнулся. Мол, с кем не бывает? Не беда, если такой занятой человек, как он, ненароком выпустил из виду подобную мелочь. В лагере ежедневно столько разного происходило, что за всем порой просто нельзя было уследить.

– Кто – вы, черт бы вас побрал? – раздраженно спросил Сахар у незнакомца. – И что вы делали близ ограждений моего лагеря? Может быть, готовили побег для одного из рецидивистов?

– Побег? Ну, что вы, в самом деле! – презрительно ответил незнакомец. – Я пришел к вам за помощью...

Леонид Мартынович удивленно вскинул брови.

– Вам – что, жить надоело? В темноте караульные могли принять вас за кого угодно!.. За бандита, в конце концов, и расстрелять в упор!

Но напоминание об опасности, которой сознательно, правда, непонятно с какой целью, подвергал себя неизвестный, не произвело на него никакого впечатления. Его мужественное лицо выражало отчаянную решимость. Прямые линии бровей, сойдясь у переносицы, придавали ему воинственность и неустрашимость, свойственную людям, доведенным до крайности. Незнакомец был высокого роста и атлетического сложения. В нем чувствовалась сила, которая вызывала некоторые сомнения в том, что этот человек в действительности нуждался в чьей-либо помощи. Его взгляд светился умом.

– Так, ответите вы, наконец, или нет? – снова спросил полковник Сахар.

Неизвестный в досаде прикусил губу так, что на ней явно выступила капелька алой крови.

– Мое имя вам ни о чем не скажет! – с едва сдерживаемым раздражением ответил человек, который провел ночь в одиночной камере. – Поймите, мы зря теряем время!

– Вот именно! – охотно согласился начальник лагеря. – Вы присаживайтесь... В ногах правды нет!.. И мы спокой-

но обо всем поговорим!..

Леонид Мартынович жестом руки указал незнакомцу на нары. Но тот понял это любезное приглашение по-своему.

– Я – не преступник, и вы не имеете права учинять мне допрос! – справедливо возмутился он.

– А мне, откуда знать, грабитель – вы, с большой дороги, мелкий жулик или, извините меня, просто дурак, который сам напросился в кутузку? – злорадно возразил Леонид Мартынович. – У вас на лбу ни фиги не написано! А сами о себе вы ничего не рассказываете...

И в подтверждение своих слов Сахар недоуменно пожал плечами.

– Я вот запру вас в камере до тех пор, пока вы не вспомните своего имени и фамилии и по порядку не ответите на все интересующие нас вопросы!

И полковник круто развернулся на каблуках яловых сапог, как видно, собираясь оставить несговорчивого собеседника в гордом одиночестве. Но, едва он сделал шаг, чтобы осуществить свое намерение и вместе с Поляковым и Филинчуком отправиться восвояси, как почувствовал, что на его плечо легла чья-то ладонь.

– Пойдите! – горячо воскликнул пленник. – Я предлагаю вам очень выгодную сделку!

– Это уже становится интересным! – самодовольно заметил начальник лагеря.

Медленно повернувшись лицом к незнакомцу, он небреж-

но стряхнул его ладонь с погона своего кителя.

– Я – весь во внимании!

Юрский проспал с раннего вечера и до самого утра. С первыми лучами восходящего солнца он поднялся на ноги и, при помощи гимнастических упражнений решительно прогнав остатки сна, неспешно осмотрелся кругом. Он стоял на едва возвышавшемся над водой камне, гладком, как яичная скорлупа. Еще несколько таких же камней в окружении воды и на расстоянии двух-трех шагов друг от друга лежали перед ним на пути к береговой косе. Но сейчас сквозь утренний туман, облаком, похожим на пуховую перину, спустившийся на озеро, он едва различал их. Перепрыгивая с одного островка на другой, Юрский скоро оказался на скальном уступе, далеко вдававшемся в озеро. По нему скоро добрался до берега, который, круто обрываясь вниз, метра на полтора возвышался над водой. Вскарабкавшись на него, Николай какое-то время стоял в глубоком раздумье. Его отчаянно беспокоила мысль о том, что, если он срочно что-нибудь не придумает для спасения своих товарищей, то потом его запоздалая помощь может оказаться совершенно бесполезной! Лихорадочно размышляя на эту тему, он вдруг с ужасом пришел к неутешительному выводу, что в одиночку с Ковалевым ему не справиться. У Николая не было не только оружия, но, увы, даже сил, достаточных для того, что вступить в неравную схватку с коварным противником. Юрский по-

чувствовал, что зверски голоден и ослабел настолько, что едва стоит на ногах. И, все же, он не имел никакого морального права на то, чтобы вот так взять и сдаться на милость врагу. Да!.. Вокруг – тайга, дикие звери и ни единой человеческой души, если не считать Ковалева и геологов. Но теперь они – не в счет! А материк – очень далеко. Там – его дом и мама, которая каждый божий день ждет, пускай, если не его самого, то хотя какой-нибудь весточки о том, что ее сын жив и здоров, и у него – все в порядке. При мысли о маме у Юрского защемило сердце. Как он потом посмотрит ей в глаза, если с его товарищами случится несчастье, и Николай не сделает ничего, чтобы помочь им?! Геолог отчетливо представил всегда немного насмешливый взгляд Артемьева, его удивительно белые, словно коралловый жемчуг, зубы со щербинкой, в которых он сжимал дымящуюся папироску. «Ну, что, Николаша, ни шиша у тебя не выходит? – будто бы мысленно спрашивал его Игорь Игоревич. – А ты хорошенько постарайся, напряги свои извилины, и тогда, пожалуй, оно все само собой и образуется!» Николай так явственно услышал голос Артемьева, в котором было больше сочувствия, чем тревоги за собственную и жизнь своих товарищей, что от волнения на глаза его навернулись слезы. Иногда словом, а порой и делом, Игорь Игоревич, как мог, поддерживал Юрского, к которому относился почти с отеческим теплом и заботой. И теперь, когда его не было рядом, Николай особенно остро ощущал свое одиночество. Возможно, в те же самые

минуты Артемьев тоже думал о Юрском. И это было неспроста. Наверное, в испытании, которое выпало на долю геологов, проверялась на прочность их настоящая мужская дружба. Она была также необходима Николаю, как и безграничная любовь Насти.

— Тебе — конец, Ковалев о о ов! — во всю мочь легких остервенело закричал вдруг геолог и кулаком погрозил в сторону, где находился противоположный берег озера, над которым, словно разлитое молоко, все еще невесомо висел утренний туман, пахнувший смолистой сосновой корой, водорослями и рыбой.

Геолог с сожалением подумал о том, что Эрнест, вряд ли, слышал его. Не медля более ни секунды, он решительно зашагал, было, вдоль берега, туда, где, закипая, Быстрая речка бурно врывалась в Зеленую долину и несла с собой сотни и тысячи золотых песчинок, а подчас и самородки, величинной с рысий глаз. Но вскоре остановился. Поскольку сложный рельеф не давал возможности двигаться в нужном направлении, находясь в нескольких шагах от поверхности воды, Николай примерно около получаса, а, может, значительно дольше, карабкался на высоченную горную гряду, начинавшуюся от самой поверхности озера, чтобы отыскать удобную тропу, пока не достиг вершины. Точнее, вереницы вершин, за редким исключением из правил, представлявших собой высокогорные плато, примерно, от двух десятков до ста метров в ширину, полого спускавшихся к озеру и круто об-

рывавшихся к основанию возвышенности с противоположного края. Дальше какое-то время его путь шел по прямой, затем гряда резко обрывалась вниз, потом также стремительно взлетала кверху. Если представлялась такая возможность, Юрский обходил иногда попадавшиеся на пути островерхие вершины по склизкой горной тропе, огибая их, и экономил силы на подъеме. Но везло ему не так часто, как хотелось бы. Скалы возвышались метров на полста и более над озером. Сверху оно казалось на порядок, а то и два, меньше, чем было на самом деле. Еще часа через три пути горный массив, окаймлявший озеро, решительно устремился по наклонной, спускаясь к водоему. Это означало, что устье Быстрой речки было где-то рядом. Николай остановился, чтобы перевести дух, и внимательно осмотрелся. Но из-за сосен и елей, которые в этом месте вставали прямо на склонах гор, ничего толком не разглядел. Его удивило то, что он не услышал грохота летящей, словно на крыльях, Быстрой реки, которая, вырываясь из ущелья, впадала в озеро. По его расчетам она должна была располагаться не более чем в сотне метров от него.

Солнце палило нещадно, и Юрский вздохнул с облегчением, когда, наконец, спустился под прохладную сень деревьев. Где-нибудь через минуту, другую он оказался у цели. Каково же было удивление Николая, когда вместо бурного потока он обнаружил всего лишь жалкий ручей, с трудом пробивавший себе путь под нависавшими над ним громадными каменными глыбами.

– Не может быть ы ы ыть! – воскликнул геолог.

Он стоял, как вкопанный, не веря своим глазам. «Сон – это или явь?» – думал он. Если бы Николай точно знал, что чудеса существуют на самом деле, то определенно занялся бы не разведкой полезных ископаемых, а поиском этих самых чудес! Он еще довольно долго пребывал бы в полной растерянности возле еле приметного ручейка, размышляя над тем, куда исчезла река, если бы над самым его ухом неожиданно дробно и настойчиво не застучал дятел. Этот частый и отдающийся болью в воспаленном мозгу Николая перестук вернул его к суровой действительности. В поведении птицы Юрский отчетливо уловил тревожные нотки. «И впрямь, природа знает, что делает!» – подумал геолог. С этими мыслями он направился в пустое ущелье, где еще недавно, закипая и пенясь, неукротимо безумствовала стихия. И его шаги гулко зазвучали под каменными сводами.

Только выйдя из подземного лабиринта, Юрский обнаружил, что вся его одежда и обувь сплошь усыпана золотой пылью. Учитывая то незавидное положение, в каком он теперь находился, это роскошное и весьма причудливое украшение, в которое, видимо, шутки ради обрядила его природа, показалось ему настолько забавным и бесполезным, что геолог тихонько рассмеялся. Но чуткое эхо тут же подхватило этот неосторожный всплеск человеческих эмоций. Отозвавшись в ущелье, оно многократно усилилось и, взорвавшись оглушительным хохотом, словно дикий жеребец, гало-

пом понеслось по долине. Николай с досадой покачал головой, словно сердясь на себя за то, что был недостаточно осторожен и дал волю чувствам. Затем он тщательно отряхнулся и пошел дальше. Ему не хотелось, чтобы, в случае, если их пути внезапно пересекутся вновь, Ковалев обнаружил, что есть гораздо более надежный, чем скалолазание, способ для того, чтобы проникнуть в Зеленую долину. Равно как и выйти из нее. И что именно этим способом воспользовался Юрский. План дальнейших действий представлялся геологу очень простым и в сложившейся ситуации единственно верным.

Этот план заключался в следующем. Из рассказов Артемьева о его злоключениях во время поисков Зеленой долины, Юрский знал, что к востоку от нее, примерно в милях десяти, а то и более располагался лагерь для заключенных. Когда, блуждая по тайге, и, пытаясь выяснить, откуда происходят странные вибрации в воздухе, отдаленно напоминающие то пальбу из оружия, а то барабанную дробь, ученый внезапно наткнулся на ограждение из толстых лесин, увенчанное колючей проволокой, ему сразу же все стало ясным. Возбравшись на верхушку сосны, Артемьев заглянул за ограждение. Это было вовсе не любопытство, а скорее необходимость. Ученый лишний раз убедился в том, что не обманывался в своих предположениях и догадках насчет лагеря для заключенных. За забором он увидел довольно ветхие бараки из рубленого леса, караульных и арестантов, которых здесь

стерегли днем и ночью, как зеницу ока.

Николай прекрасно понимал, что он сильно рисковал. Но другого выбора кроме, как обратиться за помощью к начальнику тюремного лагеря, у него не было. Это был единственный шанс, который давала ему в руки судьба, чтобы спасти своих товарищей. Геолог, с трудом продираясь сквозь таежные заросли, шел и шел на восток, пока, наконец, окончательно не выбился из сил. К полудню усталость так навалилась на него, что он, как подкошенный, рухнул в траву, скрывшись в ней с головой. Юрский закрыл глаза, чувствуя, как по его лицу ползет какое-то насекомое. Тучи комаров роились над ним. Один из них тут же впился ему в щеку. Но смертельно уставший геолог даже рукой не пошевелил, чтобы избавиться от неприятного зуда на лице, который доставляли ему назойливые твари. Еще немного и он забылся бы блаженной дремотой. Но вдруг что-то насторожило его. Невольно прислушавшись, Юрский уловил странные звуки, которые, вероятно, донеслись до него вместе с дуновением легкого ветерка, блуждавшего между деревьев. Эти звуки, как две капли воды, напоминали человеческую речь. «Наверное, показалось!», – решил про себя Николай и снова закрыл глаза. Но едва он это сделал, как звуки повторились. На сей раз, они были еще более громкими и отчетливыми, чем прежде. «Чепуха какая-то! – не веря тому, что слышал, напрасно успокаивал себя геолог. – Откуда тут могут быть люди?» Прогоняя от себя тревожные мысли, он сно-

ва поудобнее расположился на скоротечный отдых, в котором теперь особенно остро нуждался. Это добавило бы ему сил ровно настолько, чтобы идти дальше до тех пор, пока он не достигнет желанной цели. Юрский улегся на бок и свернулся калачиком. Он почувствовал душистый запах травы и то, как от земли кверху поднималось тепло. Оно, словно одеяло, укутывало его, усыпляя мозг, и расслабляя истомленное долгим переходом через скальные нагромождения Зеленой долины тело. Но, как только ухо Николая коснулось земли, он отчетливо различил треск сучьев, который на этот раз раздался уже совсем где-то рядом. Из своего, пускай и небольшого опыта, которого он поднабрался в то время, пока ему приходилось жить в тайге, он наверняка знал, что ни медведь, ни тигр, ни другой опасный зверь никогда не подойдут так близко к человеку, если не выбрали его своей жертвой. Такое хотя и случалось, но очень редко. Обычно обитатели тайги чувствовали двуногое и более разумное существо за многие километры и загодя обходили его стороной. У каждого из них были свои тропы, которые почти никогда не пересекались с человеческими, если только люди сами к этому не стремились. Пока геолог тщетно строил самые разные предположения и догадки о том, кто бы это мог быть, от его недавней усталости и след простыл. Притаившись в густой траве, он терпеливо ждал, когда существа, помешавшие его отдыху, наконец, приблизятся. Тогда бы Николай воочию убедился в том, что неподалеку от него бродил

не таежный зверь, который жаждал встречи с ним, а, возможно, такие же, как и он сам геологи, даже не подозревавшие о присутствии Юрского. Как известно, мир тесен, и Николай вполне допускал, что его путь ненароком мог внезапно совпасть с маршрутом других изыскателей, занимавшихся разведкой полезных ископаемых.

...Юрский невольно вздрогнул, когда вдруг увидел, как из-за деревьев появился человек в арестантской робе, сплошь испачканной запекшейся кровью. Хотя он был невысокого роста и щуплого телосложения, вид его был ужасен. Глаза смотрели настороженно. В них было что-то безжалостное и неумолимое. Правая рука этого безобразного типа в образе и подобии человека крепко сжимала заточенный до блеска топор. Вслед за ним очень скоро появился и его спутник. С виду крепыш, он смотрел прямо перед собой и шагал уверенно, словно в тайге чувствовал себя, как дома. Взгляд его светился не столько умом, сколько лукавством и вместе с тем выражал тупое безразличие ко всему, что его окружало. Всем своим видом он как бы говорил о том, что его не пугали никакие трудности, так как в любой самой безвыходной ситуации благодаря своей силе и смекалке он все одно держался бы молодцом. За плечом, на сыромятном ремне, у него болтался автомат Калашникова. Каково же было удивление Николая, когда в третьем спутнике двух лесных бродяг он узнал Мишу Самохвалова! Согнувшись под тяжестью рюкзака, он с трудом поспевал за ними. Только,

когда все трое скрылись в густых таежных зарослях, и шаги их затихли, геолог вздохнул с облегчением. Что, если бы они случайно обнаружили его?! При этой мысли лоб Юрского покрылся холодным потом. Впрочем, он тут же утер его рукавом. Вскочил на ноги и, как можно быстрее, поспешил в сторону, противоположную той, куда направились трое случайно повстречавшихся ему людей.

Прежде, чем сообщить полковнику Сахару нечто чрезвычайно важное, незнакомец, прошедший ночь в одиночной камере, недоверчиво посмотрел на Филинчука. Сахар понимающе улыбнулся. Небрежным кивком головы он тут же указал ему на дверь. Она отворительно заскрежетала, и Филинчук мгновенно исчез за нею. Теперь пришла очередь Полякова.

– В присутствии этого человека можно говорить все! – с многозначительным и вместе с тем таинственным видом заметил Леонид Мартынович.

Тем не менее, на Алексея слова тюремщика, в которых слышалась скрытая лесть, казалось, никак не подействовали, и он оставался все так же невозмутим.

– Речь пойдет о беглых преступниках!.. – сказал незнакомец и в упор посмотрел на Сахара.

Тот в ответ лишь снисходительно улыбнулся.

– Не может быть!

Легкая насмешка, прозвучавшая в тоне, каким произнес это хозяин зоны, обращаясь к незнакомцу, не осталась им незамеченной. Такое откровенное пренебрежение вызвало в нем бурю негодования.

– Вы так говорите, как будто вам совершенно наплевать на то, что вооруженные преступники, бежавшие из вашего лагеря, сейчас преспокойно разгуливают на свободе!

Полковник Сахар слабо поморщился, словно его мучило легкое несварение желудка после недавнего завтрака.

– Откуда вам знать, что эти самые, как вы их называете, преступники, дали деру именно из моего лагеря?! Это, во-первых! А, во-вторых, говоря о том, что беглые разгуливают на свободе, вы немного преувеличили! Тайга растянулась на десятки и сотни километров от лагеря, и, чтобы выбраться из нее, нужна хотя бы карта местности.

– Считайте, что она у них уже есть! – горячо заверил незнакомец, все более досадуя, как ему думалось, на открытую тупость начальника тюрьмы.

– Неужели? – усомнился Леонид Мартынович.

При этом насмешливое выражение не сходило с его лица.

– Они – что, ее уже нарисовали?! Как же это я сразу не догадался!

– Я думаю, что он – прав! – сказал Поляков, вскользь глянув на Леонида Мартыновича.

Но этого было достаточно, чтобы Сахар невольно поежился.

– Нам следует поспешить!

– Да, но как же быть с ...? – засомневался Леонид Мартынович, беспокойно озираясь по сторонам, словно в совершенно пустой камере за исключением троих переговорщиков мог находиться еще кто-то, совершенно посторонний, и кивнул на пленника. – Да и вообще, откуда вы взялись на мою голову, черт бы вас побрал?!

– Неважно! – сказал Поляков. – Главное, что этот человек, он приведет нас к цели!

– В обмен на услугу! – заметил незнакомец.

– Да, да, я понимаю! – согласился Поляков. – Вам нужно, чтобы мы выручили из беды ваших товарищей!..

На лице незнакомца мелькнуло удивление: этот ни чем непримечательный с виду человек, облаченный в штатское, читал его мысли.

– Вы совершенно правы! Если, конечно, им все еще необходима эта помощь!..

После слов, которые, как видно, дались ему с трудом, он тяжело вздохнул.

– Не стоит так отчаиваться! Я думаю, мы успеем вовремя!

И Поляков ободряюще улыбнулся, как будто непоколебимо верил в успех их предприятия.

– И все же, каким ветром вас сюда занесло?

Елкин стоял в стороне, с презрением наблюдая за тем, как остервенело Грудь-Колесом и Кукиш-Мякиш накиннулись на золотой песок. Лица их были безумны. Пот заливал им глаза. Их колотило, точно в ознобе, когда они набивали золотом рюкзаки, беспрестанно издавая при этом восторженные восклицания вперемежку с отборным матом. В свое время уже успевший познать, почем стоил фунт лиха, Ковалев, загадочно улыбаясь, молча наблюдал за действиями своих сообщников. Чувствуя себя хозяином положения, он сохранял выдержку. Или же пытался это делать. Тем не менее, судя по тому, как дрожали его руки, каждая из которых сжимала по пистолету, это удавалось ему с большим трудом. Наконец, первым завершив свой титанический труд, то есть, набив рюкзак золотой россыпью и сверкающими на солнце камнями до отказа, Грудь-Колесом легко поднял его и при помощи лямок водрузил за спину. Но, когда Кукиш-Мякиш попробовал последовать его примеру, то, к своему горькому удивлению, исказившему в тот миг его физиономию, и без того не отличавшуюся правильностью черт, до откровенной карикатуры, не стронул поклажи даже с места.

– Вот дохляк а а ак! Мать твою так пере так а а ак! – досадовал Ковалев. – Ты – что, с утра не хавал? Или кишка – тонка а а а?

Кукиш-Мякиш обиженно и вместе с тем виновато заморгал рыжими ресницами, шумно засопел тонким, похожим на дверной крючок, костистым носом.

– Если не потянешь, твоя доля будет вполовину меньше, чем у Грудь-Колесом! – предупредил Ковалев поделщика.

После подобной увертюры к предстоявшей опере в убедительном исполнении главной скрипки, напрягая все свои силы, Кукиш-Мякиш рванул на себя рюкзак.

– Ну, подсоби же э э э! – просипел он, исподлобья злобно тарашась на Грудь-Колесом, точно на спасительную икону «Спаса Нерукотворного».

Вовремя подоспев бывший спортсмен, помог взвалить поклажу на спину своего товарища. И пока удерживал ее, на первый взгляд все обстояло, как будто бы, довольно сносно. Но, едва Кукиш лишился подспорья в лице Грудь-Колесом и отправился, что называется, в свободное плаванье, то ситуация тотчас вышла из-под контроля. Точно тополь под ветром закачавшись из стороны в сторону, и, потеряв равновесие, этот искатель приключений на свою голову, вместе с драгоценной поклажей едва не опрокинулся навзничь. Впрочем, с горем пополам, все ж таки, удержавшись на ногах, Кукиш-Мякиш, тем не менее, тут же согнулся под тяжестью груза в три погибели. Наконец, пыхтя, будто древний паровоз Кюньо⁵, он сделал один неверный шаг. Затем дру-

⁵ Прототип паровоза был построен во Франции в 1769 во-
енным инженером Николя-Жозе Кюньо. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

гой.

– То-то и оно о о о! – удовлетворенно заметил Ковалев. – Не мне же твое золото на горбу волочи ы ы ыть!

И Эрнест с издевкой рассмеялся.

– Хе-хе э э э! Босс, а босс! Так, ведь, он так далеко не упутешествует э э эт! – при виде, словно осел, навьюченного подельника, в свою очередь, не удержался Грудь-Колесом от едких насмешек.

Эрнест нарочито равнодушно пожал плечами.

– Ну и не надо о о о! Пристрелим его по дороге на материк – и всего делов о о ов!

При этих словах Кукиш-Мякиш, с протестом выдавил из себя что-то мало вразумительное. Нормально говорить ему мешал груз, точно адский пресс, сдавивший его легкие. От чрезмерного напряжения и прилива крови лицо бандита сделалось одутловатым и похожим на вареную свеклу. Потонув в цунами щек, глаза изредка всплывали на поверхность после отлива волн, яростно посверкивая белками, и, обозревая близлежащее пространство, чтобы не сбиться с пути.

– Кукиш, а Кукиш ы ы ыш? – то ли издевкой, то ли всерьез беспрестанно донимал Грудь-Колесом сообщника. – Лучше отдай мне половину твоего золота, а то, ведь, до дому, гадом буду, не дотянешь э э эшь!

– У-у! – отрицательно мотал головой Кукиш-Мякиш, при

этом в зрачках его то и дело вспыхивали огоньки, говорившие о беспримерной жадности бандита.

– Ненасытный ты, сволочь о о очь! – сердился Грудь-Колесом. – Ну, хоть пару лишних килограмм мне накинешь за то, что тебя облегчу?!

Это предложение не то, чтобы очень пришлось по душе Кукиш-Мякишу, но, учитывая то, что он едва успевал вслед за своими товарищами, особенно выбирать ему не приходилось.

Настя очнулась оттого, что почувствовала острую боль в груди. Пуля, выпущенная Ковалевым из «Кольта», ударившись в скалу, отколола от нее маленький кусочек, который, точно дикий шмель впился в ее тело. Вскрикнув, девушка невольно открыла глаза и обнаружила возле себя двух, совершенно незнакомых ей прежде людей. Впрочем, на людей они походили лишь отчасти. Обросшие щетиной лица, злобные и, в то же время, округлившиеся от страха глаза. Они стояли всего только в шаге от нее, держа оружие в руках. Настя слышала, как кто-то, кого она не видела из-за уступа скалы, приказал им бросить оружие на землю. Они, хотя и с видимой неохотой, но подчинились приказу. Потом эти двое ушли. Еще некоторое время пленница лежала совершенно неподвижно, с трудом приходя в себя после долгого забытья. Уступ скалы преграждал путь солнечным лучам, и прохладная тень действовала на нее благотворно. «Где — я, и что — со мной?» — спрашивала себя Настя. Но постепенно смутное осознание страшной опасности, которая нависла над ней, рассеяло туман, окутавший ее разум. Вынужденная неподвижность в течение нескольких дней кряду давала о себе знать. Несчастная девушка почти не чувствовала своего тела, как будто бы ее душа навсегда покинула его. Она попыталась пошевелиться. Но все было напрасно. И хотя ей

это удалось не сразу, после третьей попытки она приподняла голову и тут увидела, что вся одежда на ней разодрана в клочья. Настя лежала на камнях почти голая. Это было ошутливо невероятно! «А что, если кто-нибудь увидит ее?!» – как молния мелькнуло в ее мозгу. Она со стоном сжалась в клубок, мелко дрожа от стыда и гнева. Эти двое надругались над ней! Ну, конечно! По-видимому, все так и было! Вне себя от огорчения Настя собрала все силы и, опираясь спиной на острые камни, которые причиняли ей немалую боль, резко оттолкнулась от них. Но, как только она слегка приподнялась от земли, тотчас острая боль пронзила ее лопатки вновь!.. Таким образом, лишь с третьей попытки ей, наконец, удалось сесть. Она совсем не ощущала рук, так как запястья туго стягивала веревка. Но ноги! Насильники для своего удобства освободили ее ноги от пут. «Неужели, я спасена?!» – подумала Настя, но эта мысль почему-то не доставила ей никакой радости. После нескольких тщетных и жалких потуг пленница Зеленой долины, наконец, поднялась на ноги. Еще некоторое время она неподвижно стояла, прислонившись к скале, не в силах сделать ни шагу. Она словно разучилась ходить.

– Да, что же это такое! – скорее, подумала, чем произнесла, она, поскольку звуки застряли у нее в горле.

Настя решила, что тотчас освободит руки, если найдет что-нибудь острое, чтобы перерезать им веревку. Едва удерживаясь на ногах, делая короткий отдых после каждого ша-

га, девушка медленно вышла из-за уступа скалы и направилась туда, где прямо на солнцепеке распростерлись неподвижные тела Артемьева и Барсукова. Они лежали, словно два трупа, которые, казалось, если еще и не начали, то вот-вот начнут разлагаться. Она почти равнодушно посмотрела на них. От голода и еще больше от жажды девушка настолько ослабла, что для проявления каких-либо эмоций ей просто не доставало сил. Настя еще раз рассеянно осмотрела площадку, где медленно, но верно умирали пленники Зеленой долины. Едва волоча ноги, и, заметно пошатываясь при ходьбе, она, наконец, приблизилась к самому краю пропасти, где более двух суток назад совершали спуск и совсем недавно – подъем Ковалев и его сообщники. В ее голове мелькнула отчаянная мысль: «А что если взять и броситься вниз? Тогда всем учениям придет конец! Она больше не будет испытывать ни голода, ни жажды, ни жуткой боли в висках и ломоты в суставах, от которой ей хотелось плакать и кричать?» Еще какое-то время Настя тупо и бессмысленно смотрела себе под ноги, где ее взору открывалась бездна. Она уже занесла ногу для того, чтобы сделать свой последний и решительный шаг навстречу мрачной безысходности, но тут ее взгляд уперся в своеобразную выемку в скале. Она располагалась у самой черты, за которой зияла пропасть. Прямо на этой природной нише покоился походный рюкзак. Конечно же, он принадлежал Елкину, куда тот складывал свои альпинистские принадлежности! Ученый поднимался с ним на-

верх и проделывал обратный путь, как будто бы от этого зависела сама его жизнь. Настя опустилась на колени, потом легла на живот так, чтобы, свесившись с края Отвесной стены, дотянуться зубами до рюкзака. Он находился прямо под ней. Примерно, на полметра ниже кромки Отвесной стены. Судорожно вцепившись резцами в лямку, она потянула ее на себя. Рюкзак был не особенно тяжел. Но, учитывая, что руки у девушки были связаны, втащить его наверх ей удалось далеко не сразу. Она так выбилась из сил, что, потеряв бдительность, едва не сорвалась вниз. В этом случае недавнее желание, свести счеты с жизнью, осуществилось бы помимо ее воли. Наконец, рюкзак оказался рядом с ней. Ногой она опрокинула его набок. Зубами ухватив за прочную брезентовую ткань, рванула на себя. Этого оказалось достаточно, чтобы содержимое походного мешка вытряхнулось на землю. Мельком осмотрев альпинистский инвентарь Елкина, Настя увидела, как среди прочих вещей на солнце ярко блеснуло лезвие охотничьего ножа!

Северков слыл человеком, который всегда добивался поставленной цели. Казалось, невыполнимых задач для него просто не существовало. Еще в юности, твердо решив, что станет геологом и закончит ВУЗ с красным дипломом, он превратил свою мечту в реальность. Игорь Максимович не был романтиком, и профессия интересовала его лишь, как способ, для того, чтобы добиться значительного положения в обществе, а вместе с ним и соответствующих материальных благ. Северков понимал, что, будучи обычным изыскателем, и, найдя нефть, уголь или благородные металлы, он никогда не разбогатеет. Ведь всем, в стране, в том числе, и полезными ископаемыми, распоряжалось государство. Тем не менее, в свое время этот весьма честолобивый джентльмен прекрасно сознавал и отдавал себе ясный отчет в том, что от поиска до разработки того или иного месторождения был всего лишь один небольшой шаг. И мудро полагал, что вот тут-то при известном желании и, хотя бы, маломальской сноровке деловой человек никогда не упустит своего шанса! Но эту счастливую мысль ему удалось применить на практике значительно позднее, когда в тридцать с немногим лет отроду доктор наук Северков возглавил геологический институт. За его плечами была учеба в аспирантуре. Долгая и упорная работа над диссертациями. Игорь Макси-

мович широко шагал по таежной просеке и вспоминал, как более, чем два десятка лет назад, еще, будучи студентом, отправился в геологоразведку. Но, почти месяц кряду помотавшись по тайге, изыскатели тогда так ничего и не нашли. Бесценным оказался лишь опыт, приобретенный Игорем Максимовичем в период вылазки в зону мало привычного для городского жителя дискомфорта, сопровождавшейся известной долей риска. Оказаться в затруднительной ситуации и даже на грани жизни и смерти, от которого, очутившись один на один с дикой природой, не был застрахован никто, для геологоразведчиков являлось делом привычным. Поэтому, не забыв уроков прошлого, нынешний ректор отлично ориентировался на местности. И все-таки, как человек практичный и не лишенный здравого смысла, он загодя решил, что, когда придет пора осваивать таежные тропы, метр за метром продвигаясь в направлении Быстрой реки, впереди него пойдет Красногубов. Этот опытный геолог чувствовал себя в тайге, как дома. Лишь один раз, взглянув на карту, где обозначался маршрут их следования, он уже больше не вынимал ее из нагрудного кармана своей куртки. Он не отслеживал время по часам, но останавливался для короткого отдыха точно в положенный для этого срок. Причем, следы от костров, которые оставили после себя Елкин и его группа, указывали на то, что Красногубов ни на шаг не отклонился от верного пути...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.